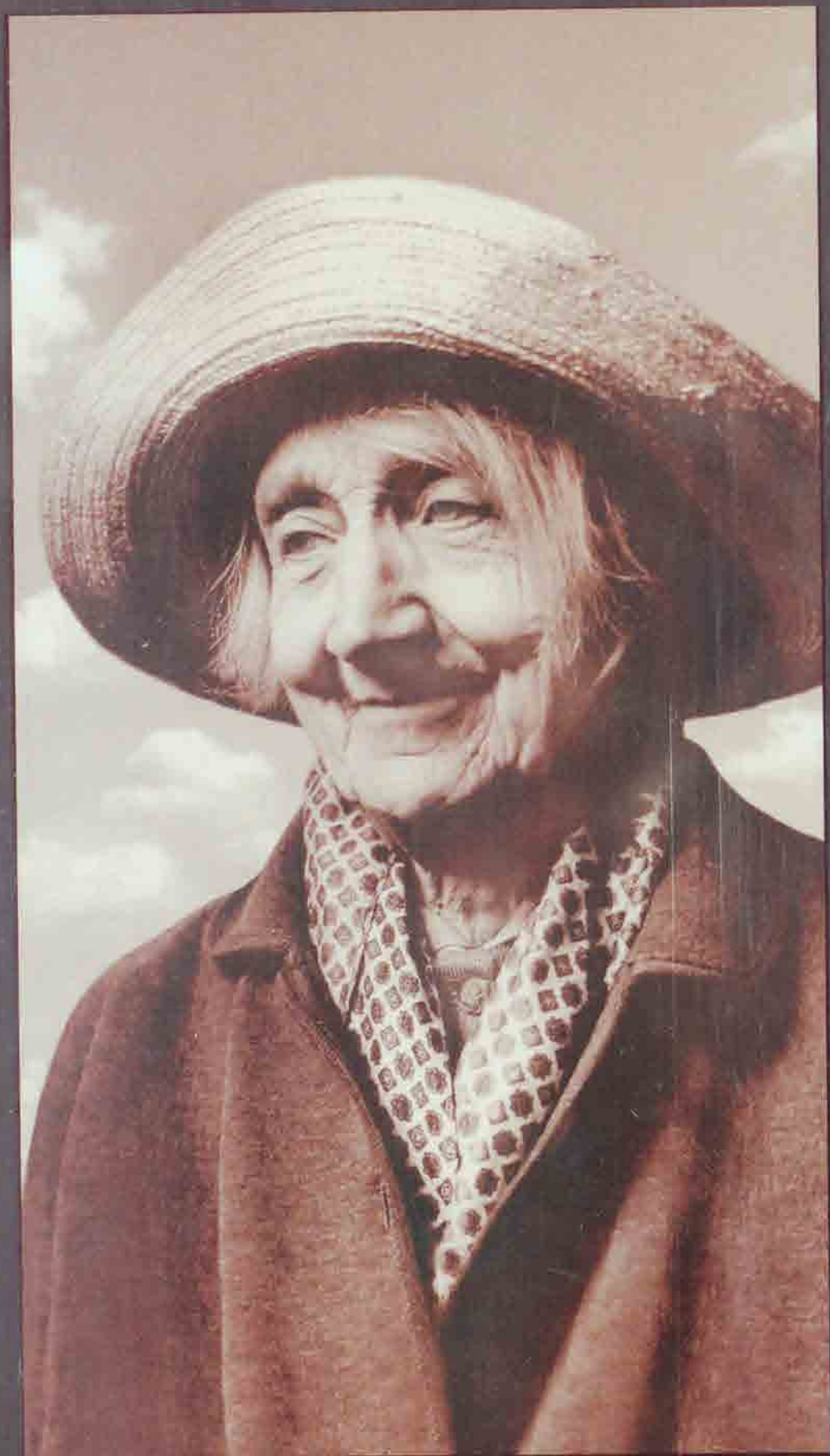

АНАСТАСИЯ ЦВЕТАЕВА

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ

Образы былого

Образы былого

выпуск второй

АНАСТАСИЯ ЦВЕТАЕВА

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ

1971-1972 гг. Крым-Москва

*Составление и комментарии
Г.Васильева, Д.Лосева, Г.Никитиной*

Феодосия
Издательский дом "Коктебель"

Москва
Дом-музей Марины Цветаевой
2004

ББК 83 ЗР7
Ц 27

Серия "Образы былого" основана в 2003 году

Редактор-издатель *Дмитрий Лосев*

Составление, комментарии и подбор иллюстраций:
Глеб Васильев, Дмитрий Лосев и Галина Никитина

Подготовка текстов и предисловие: *Глеб Васильев*
и *Галина Никитина*

Дизайн серии: *Анатолий Шаронов*

Повесть Анастасии Ивановны Цветаевой (1894-1993) – последнее большое произведение русской писательницы, которое оставалось неопубликованным. В основе книги — знакомство в 1971 году в Коктебеле, в доме М.С. Волошиной, с молодым поэтом Валерием Исаянцем. Встреча переросла в пылкую романтическую дружбу.

Феодосия и Старый Крым, Судак и Новый Свет, Бахчисарай, Херсонес, Севастополь – географическая канва их путешествия. Возвратившись в Москву, А.Цветаева рассказывает о дальнейшей судьбе их отношений, омраченных постепенно подступающим тяжким душевным расстройством замечательного поэта...

В книге собраны материалы, дополняющие образ главного героя повести — стихи, мемуары, письма В.Исаянца. Том снабжен иллюстрациями и фотографиями, часть из них печатается впервые. Книга выходит в год 110-летия со дня рождения писательницы.

В оформлении лицевой крышки переплета использован фотопортрет А.Цветаевой (1973 г., автор неизвестен). На задней крышке переплета: фотопортрет А.Цветаевой работы Ханса Сивика (кон. 1980-х), портрет В.Исаянца (нач. 1970-х), фотография М.Горшкова "Новый Свет".

На форзацах: фоторабота А.Гусева "Весенний Коктебель" (2001), фоторабота Д.Лосева "Феодосия. Набережная" (1998).
Фронтиспис: Феодосия. Генуэзская крепость. Фото Д.Лосева

© Г.К.Васильев, Д.А.Лосев, Г.Я.Никитина, составл., примеч.,
сборил илл., 2004.
© Г.К.Васильев, Г.Я.Никитина, подг. текста, предисл., 2004.
© Наследники А.И.Цветаевой, текст, 2004.
© Издательский дом "Коктебель", Дом-музей М.Цветаевой
в Москве, оформление, серия "Образы былого", 2004.

ISBN 5-94293-007-4

Крым Анастасии Цветаевой

Тесны были связи Анастасии Цветаевой с крымской землей. Много светлой радости и тяжких страданий принесла она старейшей русской писательнице.

Первая встреча — 1905 год, лето.

Волны Черного моря напомнили Асе беззаботное счастливое время игр на берегу Средиземного моря¹. "Севастополь... пахнет, как в Генуе, так же звенит оркестр музыки... Мы с папой идем к морю! Как пахнет море! Точно мы вновь выходим на Гранде Марина... Но цвет моря совсем другой: не зеленое, как Средиземное, а темно-синее. Графская пристань. Белый мрамор колонн, на солнце сверкающая пена волн, медленных и ленивых, от которых щуришь глаза. Не так ли стояли мы у таких же волн на берегу возле Вилла Торре, а тетя ждала нас в «Бориваже»?"²

Дальше — путь в Ялту. Здесь Цветаевы поселились на Дарсановской горе на даче писателя С.Я. Елпатьевского, где жили почти до Асиных двенадцати лет. Сюда докатилась буря 1905 года — броненосец "Потемкин", лейтенант Шмидт... Здесь игры с маленьким Максом Пешковым — сыном Максима Горького — и впечатления от Екатерины Павловны Пешковой — первой жены писателя, дружба с которой не угасла и во все позднейшие годы. 1906 год, отъезд. Екатерина Павловна написала Асе на память: "Лишь тот достоин жизни, кто ежедневно ее завоевывает!"

Спустя пять лет, уже взрослой шестнадцатилетней девушкой — снова в Крыму, на этот раз в Коктебеле по приглашению Максимилиана Александров-

¹ Примеч. к тексту книги см. на стр. 160-178.

вича Волошина³. Здесь, вместе со старшей сестрой Мариной, Ася с головой окунулась в творческую атмосферу Дома поэта.

Счастливейшие месяцы любви — канун их одновременного замужества⁴.

После кончины отца, в 1913-м, сестры решили покинуть Москву и поселиться в столь полюбившейся им Феодосии.

"...Феодосия предвоенных лет! Полная уютных семейств, дружеских праздничных сборищ, ожидание гостей... Пышит жар еще керосиновых ламп, еще горят в соседнем доме свечи... Еще распахнуты окна в ночь романтическую... И вот в эти комнаты с запахом моря, вышитыми картинами и глубокими креслами входит Марина Цветаева. В этом феодосийском доме ее так ждут, так ждут стихов... Это маленький рай!"⁵ "Мы не ошиблись, выбрав Феодосию... Марина жила в минутах 10 от меня, вверх по отлогой горе."⁶

Здесь, в канун войны, Ася прочла "Уединенное" Василия Васильевича Розанова — событие ее жизни. И написала ему письмо... Его приглашение и поездка в Петербург, переписка — новая ступенька духовной зрелости⁷.

Но вот грянул "Армагеддон" — семнадцатый год. В личной жизни катастрофы следовали одна за другой. Смерть мужа в Старом Крыму (могила не сохранилась) и младшего сына Алеши — полуторагодовалого младенца (похоронен на коктебельском кладбище). Гражданская война, красный террор, разруха и смертный голод подступили к Анастасии, оставшейся в Феодосии. Воля к жизни одолела всё...

Но лишь в мае 1921 года жившая в Москве Марина добилась официального вызова сестры... Девять суток в теплушке с девятилетним Андрюшей — и встреча сестер после трех с половиной лет разлуки.

Вскоре Марина отправилась на чужбину следом за мужем, а Анастасия — осталась растить сына в советской стране. Преподавала языки, писала романы, повести, сказки. Написанное складывала в сундучок. Восемь лет писала карточки в библиотеке музея, где директорствовал когда-то ее отец⁸ — другой работы для нее не нашлось...

Приближались 30-е годы, вместе с губительной волной массовых репрессий, арестами и расстрелами.

Анастасия Ивановна лишается многих своих друзей. С Крымом сохранилась лишь редкая переписка.

1933 год — первый арест. На этот раз спас Горький, через 64 дня вернулась.

В 1937-м — снова. "Теперь уж Горького нет", — говорит следователь. Приговор гласит: 10 лет лагерей. Так начался крестный путь по пересыльным тюрьмам, этапам. Всё дальше, дальше... До Дальневосточного отделения ГУЛАГА.

Когда срок истек, Анастасия Ивановна вышла из зоны с паспортом и справкой, на которых штамп "минус 100". Это означало запрет жить ближе 100 километров от больших городов.

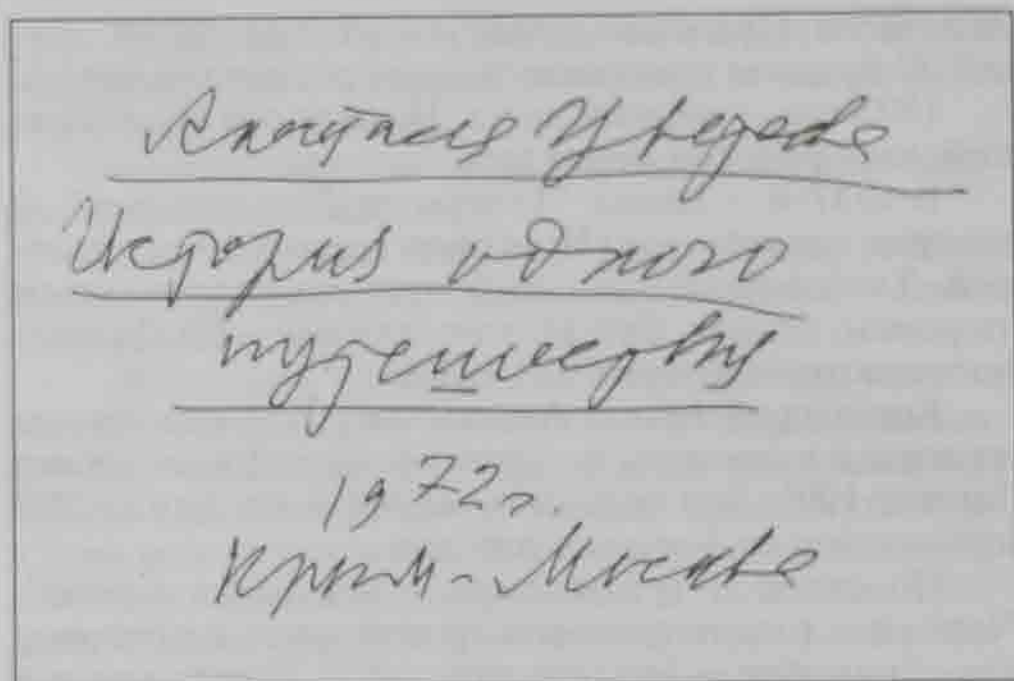
Но скоро и тут не дала покоя "рука закона". Через два года последовал третий арест и приговор без обвинения — "ссылка навечно"... Новые этапы и пересылки — до болот колыванского поселка с душистым названием Пихтовка. Здесь, построив из брошенной конюшни домик, вернее, хижину, Анастасия Ивановна жила, дышала, писала и получала письма. Не ропща, с поразительным терпением. Ценила дружбу товарищей по несчастью, радовалась цветам и травам, своим столу и печке, собаке и кошке. До тех пор, пока эхо 1953 года докатилось до этих ссыльных мест⁹.

Но немало предстояло еще хлопот и поездок, пока получила она 15 сентября 1959 года реабилитацию: "дело в отношении гр. Цветаевой Анастасии Ивановны, 1894 года рождения, производством прекращено за отсутствием в ее действиях состава преступления".

Теперь одним из первых ее желаний было вернуть крымские связи. Анастасия Ивановна написала в Коктебель Марии Степановне Волошиной. В ответ, в январе 1962-го, получила обрадованное письмо: "Может быть, приедешь хотя бы недельки на две для начала. Правда, Ася?.. Один конец дороги я тебе оплачу, а у меня будешь гостить сколько сможешь"¹⁰.

Так Анастасия Ивановна Цветаева вновь встретила со столь дорогой ей крымской землей и потом почти ежегодно повторяла эти встречи. Ответом и благодарностью за ласку этой земли, ее людей, моря, ее природы стал очерк "Зимний старческий Коктебель"¹¹.

Автограф А.И.Цветаевой с названием книги.
 Архив А.И.Цветаевой.
 Воспроизводится впервые

"Уже близится Феодосия, любимый город моей и Мариной юности, как радостно мне к ней подъезжать", — такими словами начинается это одно из последних произведений Анастасии Цветаевой. Здесь оказались неразрывно сплетены ностальгические нотки воспоминаний с реалиями новейших событий, составляя метафорический фон сюжетного развития повествования.

Однако, Анастасии Ивановне довелось испытать на этой благословенной земле еще одно яркое переживание. Это запечатлено в неизданной до сих пор повести "История одного путешествия", известной лишь малому кругу родных и друзей Анастасии Ивановны.

Действие произведения охватывает конец 1971 года — начало 1972-го. И до краев заполнено, если позволительно перефразировать пушкинские слова, — "музой ближних странствий". За это время писательница снова побывала в Крыму своей юности — Коктебель, Старый Крым, Феодосия и Новый Свет, Судак и Херсонес, Севастополь и Бахчисарай мелькают на страницах повести, событийный и психологический стержень которой составляют ее знакомство и пылкая дружба с молодым поэтом Валерием Исаянцем.

Возвращение в Москву ставит точку. Однако, вскоре Анастасия Ивановна вновь и вновь обращается к волнующей ее теме и пишет продолжение, где рассказывает о дальнейшей судьбе их отношений, омраченных постепенно подступающим тяжким душевным расстройством блистательного поэта.*

Вторая часть "Истории одного путешествия" могла быть названа "Схождение на землю", как указала на ее доминирующую тональность Анастасия Ивановна. Всему произведению в целом она хотела предпослать эпиграф из стихотворения "Новогодняя баллада", входящего в сборник "Храмы" армянской поэтессы Тер-Акопян¹². Напротив этих строк рукой Анастасии Ивановны написано: "Взять эпиграфом к «Ист<ории> одн<ого> путеш<ествия>»".

Повесть писалась по пути в Павлодар вскоре после памятного путешествия и содержит фрагменты с явными следами дневникового жанра. Цветаева не раз собиралась "найти среди своих материалов эту рукопись и отдать ее перепечатать".

Первая (основная) часть рукописи сохранилась в двух экземплярах — на 48 страницах со сквозной авторской пагинацией. Первый экземпляр рукописи находится в архиве писательницы и является основным материалом для ее реконструкции. На полях рукописи имеются пометы об эпизодах, которые должны были войти в текст при его доработке. Некоторые эпизоды, на которые имеются лишь намеки в тексте, раскрываются в сносках и на последних страницах повести, названных "Эпилогом".

Вторая часть "Истории одного путешествия" воспроизводится по экземпляру, написанному под копирку и хранящемуся в архиве А.И.Цветаевой. Эта часть полностью ею не доработана и является незавершенной.

В рукописи имеются указания на содержание и размещение стихотворений и описательных вставок, которые должны были органически войти в текст

---

*Валерий Иванович Исаянц (р. 1945), житель Воронежа. В переписке А.И.Цветаевой с его матерью с конца 1971 г. речь идет о начале лечения Валерия у врача-психиатра. В последствии В.Исаянц неоднократно лечился в стационаре. Дальнейшая его судьба составителям неизвестна. По свидетельствам знавших его людей он живет в Воронеже; в начале 2004 г. его видели в Москве.

повести. Это стихотворения В.И.Исаянца и Е.Ф.Куниной, автографы и другие материалы, которые были позднее выявлены в архиве писательницы и заняли предназначенные для них места.

При подготовке рукописи к публикации были сохранены все особенности стиля, а орфография и пунктуация автора, за исключением явных опечаток и пропусков слов, приведены к современным нормам. Повторы фрагментов, не имеющих разночтений, были исключены.

В именном указателе и комментариях приведены краткие по возможности сведения обо всех упомянутых в повести лицах и пояснения трудных для понимания аллюзий, почерпнутые из архива и устных рассказов Анастасии Ивановны. В "Отголосках путешествия" дан ряд материалов, дополняющих образ главного героя повести — его стихотворные произведения, письма, воспоминания о встрече с А.И.Цветаевой, отрывок из рукописи Валерия Исаянца об эпизоде их посещения Феодосии и поисках дома, в котором писательница вместе с малолетним сыном провела тяжелейшие годы Гражданской войны в Крыму. Книга снабжена многочисленными иллюстрациями и фотографиями, некоторые из них публикуются впервые.

Примечательно, что этот том выходит в год 110-летия со дня рождения замечательной русской писательницы. Мы признательны Ольге Андреевне Трухачевой, внучке А.И.Цветаевой и наследнице ее авторских прав, за предоставление материалов, составивших основу книги.

*Глеб ВАСИЛЬЕВ,
Галина НИКИТИНА*

Часть первая

КРЫМ, ОСЕНЬ 1971-го*

*Нет печали печальней,
Чем та, что из радости выросла...*
Тер-Акопян. Новогодняя баллада

Мой друг Женя¹³ провожала меня до калитки... Пять разноцветных кошек вились у ее ног. Цепная собака Нака рвалась — ласкаться. Темные, под еще темными и густыми бровями Женины глаза, молодые на уже старом лице сияли грустью прощанья. Вот уже девять лет мы все прощаемся, по нескольку раз в год, и в самую душу глядят эти расстающиеся, тоскующие глаза.

— Женечка, я же всего — на три дня! Посмотрю, что сейчас в Коктебеле¹⁴, можно ли нам к Марусе¹⁵ — и за тобой вернусь!

Обнялись. Бодрый шаг с кошелкой по крымской дороге — к автобусу.

Жене и мне Старый Крым — разное: ей — отдых, тепло, безветрие истощенному в вечных московских простудах телу, дружба с ласковыми старушками, мир. Мне — тяжелая память о когда-то тут бывшем в молодости — смерти первого мужа¹⁶, (тогда уже мужа другой¹⁷) — могила его потеряна, я перестала искать ее в приезды последних лет, крест давно сгнил — или сожгли в разруху, с тех пор — более 50-и лет... И дома найти не смогла, все перестроено...

В другой части городка — другая сгинувшая квартира, где я жила, счастливая, с человеком, в дом которого сама привела соперницу, полюбив ее за ее колдовскую, волшебную душу...¹⁸

Вечно жив вечер Троицы, сеном посыпанный коридор, через стеклянную стену его — луна и трепет березок... Это живо в сердце — как рай из детской

*Деление повести на части (в т. ч. эпилог) и их заглавия даны составителями.

Священной Истории, — и почти священны, погрешному, те колдовские дни... Но вот уж конец города и автобус, и час, полтора — меж киммерийских холмов маковых. В его дом еду, давно умершего друга, к его вдове...

Феодосия! Новая боль... Здесь, в когда-то любимом родном городе, от которого после войны с фашистами почти ни следа: заново отстроенные чужие улицы, как во сне ищешь знакомые повороты, ошибаешься, отчаиваешься... Года два назад я почти нашла свою — в 1913-14 гг. квартиру на Бульварной¹⁹, напротив Царского офицерского собрания, мы с Мариной в унисон там читали ее стихи "Генералам 12-го года"²⁰ и никто не знал, что все нас слушавшие через полгода пойдут в бой — и погибнут — как те...

Да, четыре окна — два моих, окно детской, где рос годовалый сын, окно столовой. Сюда, в эту парадную дверь входил чудный, похожий на Зевса, Макс, я кончала купать Андрюшу, няня начинала его укачивать, а мы шли к морю, к молу и волнорезу, или в степь, и я рассказывала ему о своем расхождении с Борисом, и он всё понимал. Он был вдвое старше меня, но он видел мое понимание, и говорил мне о своей жене Марго²¹, о их нефизическом браке, о том, как она ушла от него к человеку, иначе полюбленному, как он отдал ее²²... Мы шли, и был ветер в степи, я шла с родным братом князя Мышкина, которого люди звали "Идиот"²³, а над нами, закатом и ветром легло вечернее небо —

И низко над холмом дрожащий серп Венеры,
Как пламя воздухом колеблемой свечи.

(М.А.Волошин)

Я обогнула узанный дом, в трепете сердца заглянула во двор, полуузнавая "черную лестницу" в ту квартиру — но передо мной вырос красноармеец у незамеченной мною проходной будки, и весь двор оказался в красноармейцах — как во сне... Автобус остановился, вернув меня к яви.

До автобуса в Коктебель — час²⁴. Я выхожу на бывшую Итальянскую²⁵ по узенькой Галерейной улице, огибаю дворец Айвазовского (где 51 год назад жил в доме бежавших за море друзей, потомков Айвазовского, Макс²⁶, читавший членам Ревкома свои стихи о Старой Руси и свой "Дом Поэта"²⁷) —

и, замирая в счастье *Semper Idem*²⁸: во дворце, нерушимо пережившем фашизм, ядра с моря, не изменился даже цвет стен. Так же сидит в кресле памятника старый армянский художник, бакенбарды не дрогнули, как палитра и кисть в руке, породистый профиль чуть повернут к открытому морю²⁹. Человек, за морские картины получивший чин адмирала³⁰, неизменно сидит у своей галереи — и перед ним — это ли не Краса Судьбы! — свободно плещет море, как в те дни, когда он, царь Феодосии, провел своими казной и властью — феодосийскую железную дорогу!³¹ Обдуманно — или случайно — море перед его домом не тронута — перестройки, военные базы³², заторы идущему — все от него вправо и дале — но по самый угол дома, за рядом узловатых мощных тополей пирамидальных (в дни юности нашей они были юные, как мы...) волны синеют и зеленеют мощно, широко, как в старину, отвернув лицо своё от жиденского бульварчика со скамейками у каменного парапета — перешеек к закрытым воротам "баз", отнявших у жителей море...

И снова автобус, и снова дорога, и снова киммерийские холмы. Сколько можно было, я всё оглядывалась назад вправо на исчезающий мыс у моря³³, где, отрезанные лучом солнца, горели генуэзские башни Каффы-Ардевды, родной Карантин³⁴, где я когда-то жила. По морю, вдали тихому, шла та знакомая <неразб>, что означает перегиб дневного часа.³⁵

Я жду: почти год прошел с прощанья с ними — с тремя горами, душой Коктебеля, они появятся — за вон тем холмом... сейчас! И — торжественно, как каждое предчувствие и пророчество — они вышлывают навстречу взгляду: правая — вся из темных острий, душа готики, обрезая пики свои о небесную синеву (под этой горой могилка моего младшего маленького сына, 54 года назад), Сюрю-Кая переходит в радугой поднятую Святую гору (где могила татарского праведника)³⁶, зеленую, кудрявую, бархатную. И, снижаясь у перевала — дает — левее — место и власть Карадагу, каменистому, коричнево-му, с короной уступов, крутых спусков, руша в море знакомую Максину голову-профиль, его каменную бороду — длинным тонущим мысом...³⁷ Легко — я

тут *так* всегда молодею, хоть тут прожито столько горя... Но ведь я у Макса тут, на его трагической, почти священной Земле — легко избегаю по лесенке приморского знакомого дома с двухвысотными полукруглыми окнами — по белой наружной лесенке, знакомой, как родной дом³⁸ — и вот мы уже обнимаемся, Маруся и я, не видевшись — год...

Марусе — 83, между нас — семь лет разницы. Мы знаем друг друга с 1919 года. Она подруга той колдовской женщины, которую я привела в свой дом...³⁹ Но это так далеко, так давно — для нее, как и мне, Глыбы прожитого увели и ее, и меня от тех дней. И тот друг мой давно, давно умер... Как и муж Маринин, и муж Маруси — наш друг Макс. Но его могила цела высоко на горе. Холм из камней, из них выложен крест⁴⁰. Внизу море и горы...

День проходит с Марусей. У нее обедаю. После обеда — и ночь тут буду — сплю в мне всегда том же году отведенном углу проходной комнаты рядом с Марусиной (когда-то Пра, матери Макса⁴¹, тоже проходной — в мастерскую и к морю) под знакомыми портретами Макса, под фамильной иконой той моей и Марусиной Ольги⁴². Еще не заперта, по-осеннему, дверь на угловую террасу к виноградом заросшей стене, с нее — крутой лесенкой — вниз, в маслины, кусты, деревья; справа — море, его шум. В этой комнате ночь до похорон стоял гробик Алешин, 54 года назад. Была жива Пра. Через три дня я поеду за Женей, мы вдвоем будем спать здесь, уж который раз.

С Марусей пью чай дневной, в пять часов. Порываюсь идти к Алеше, но начинает смеркаться. Маруся говорит: "Куда ты? Поздно! Завтра пойдешь!" Малодушие? Деликатность — побыть с ней? Соглашаюсь. Сумерки падают сразу. Вокруг наших белых балконов с лестницами вспыхивают курортные фонари... Вокруг Максиной башни, его Атлантиды — гулянье курортников, наша постоянная боль. Вечер проходит с друзьями Маруси, в столовой, длинной комнате с этюдами Макса, с роялем, помнящим Скрябина⁴³, Рихтера.

На ночь мы крестим друг друга, мирно ложимся. Завтра рано, еще до завтрака я пойду — прежде всего к Алеше. Помолюсь с ним вместе о нашем Андриюше, старшем брате его, столько вынесшем,

но все еще "в форме", моем сыне, как давно он не был здесь.⁴⁴

Может ли шаг в 76 быть — молодым? А он — молод. Ритмичен, упруг, ступни идут по знакомой земле, как шли в 16 и в 25 — и легкая грусть летит ко мне — буду тут с Женей идти медленно, ее, не своим шагом — я же ее люблю нежно, как никого, — почему не с ней мне идти так как хочется, неудержимо — молодым шагом. "Ода" Маринина "пешему ходу", наша "цветаевская" страсть... Никого молодого вокруг — близкого, вся эта молодежь — чужая... Тут мы шли, в 18, 16, Марина и я, и Сережа, не шли — летели. В татарскую кофейню пить сидро или черный кофе, тратить избыток сил. Марины нет на свете уже 30 лет — и стихи ее 18-ти<летней> звучат во мне неудержимо, и я повторяю их по этой дороге, год за годом, спеша к Алеше, они живы волшебю, как я...

Где-то в горах огоньки,
Видно, душа над могилой,
Синие глазки милой,
И до плечей завитки...

Облаком пар из пекарен,
Воздух удушлив и прян,
Где-то рокочет фонтан,
Что-то лопочет татарин...⁴⁵

Мост — позади. Редкие магазины. Поворот влево к горам, к Сюрю-Кая. Мостик досчатый. Год не видела его, абрис гор Алешиных, тихой ограды кладбища, лепящегося по холму. Я вхожу тропинкою меж могил татарских и русских, выжженная трава, репей, перекасти-поле... Вот ограда Волошиных. Черный крест Пра. Ее мать⁴⁶. Их друзья — давние и недавние. Палку и сумку о лавочку, покосившуюся. И на колени перед крестом Алеши. На горах и вокруг тишина... Лечь бы тут, рядом с маленьким сыном... Где лягу? Тут было бы *правильно* — лечь...

Дверь на большой белый балкон — распахнута. Синева, взрыв волн. Сентябрьский день коктебельский — лето! Утро. Мы отпили чай.

— Ася, — говорит мне Маруся Волошина, — обрати внимание, ты его увидишь сегодня; на молодого поэта. Из Воронежа. Талантлив. И — *чистый!* Ты понимаешь, Ася, у меня на них всех уже не хватает сил. Устаю. Он, кажется, хотел быть в Мос-

кве. Покажи его там кому знаешь. Надо ему помочь. Он, должно быть, болел. Всё молчит. Нынче в мастерской будет лекция, профессор один прочтет доклад о трудностях современной науки. Я звала молодежь. Может, и он придет...

— Как зовут?

— Валерий. Фамилия — армянская. Да тебе Сережа покажет.

Сережа⁴⁷ — художник. Высоченного роста. Киевлянин. Коктебельский завсегдатай, знаю его давно.

...Максина мастерская. Длинные полукруглые окна, два этажа, лестница. Книжки. Профессор читает нечто невообразимо скучное. Маруся — внимательна (значит что-то поняла, чего я — нет.) Под гигантской головой египетской царицы Таиах⁴⁸ сидит совершенно один — юноша. На диванчике, наклонив четкий профиль (надо лбом густота черных волос) — и писал. *Под* лекцию о науке! Почему-то мне почудилось что — *не* о ней — о своем, и воздушно невидимо протянулась моя дружеская рука к нему. (Правда, позже, от него же узнав, что он тогда писал стихи за минуту до того увиденной женщине, сидевшей напротив, было дрогнуло на минуту разочарование от его рассказа, протянутого к неприкосновенности мечты о какой-то *другой* теме под пером его, но вспомнив, что он *молод*, я внутренне ласково улыбнулась, тихонько о нем вздохнув).

В тот же вечер художник Сережа представил его мне. Слова "сестра Марины Цветаевой" дрогнули в нём, видимо, чем-то особенным, потому что на меня поднялись карие большие глаза выражением трепета и пораженности, черные брови не то сдвинулись, не то разомкнулись, и в душевном, несветском поклоне, в робком и все же крепком рукопожатии вспыхнула мне — душа⁴⁹

Вечер. Шум моря. Почти по его берегу идет дорога. Темно. Позади нас — Валерия и меня — сияние аляповатых курортных фонарей над площадкой ресторана дома Литфонда, оно гаснет под нашим шагом. Идем быстро, все глубже входя в синюю мглу вечера, о котором так точно сказал Байрон — "that clear obscure" — та светлая мгла... Мы идем к скульпторам. Скульпторы — муж и жена⁵⁰.

Она племянница Ариадны Николаевны Латри⁵¹. Когда-то мы с Мариной, сестрой моей, знали ее в

старой Феодосии, в молодости. Она была крупна, голубоглаза, добра, восхищалась стихами Марины и пела прелестным голосом романсы, песни старины, русские и французские. Мы не любили ее первого мужа, сухого художника, грека, усатого — и он не любил, что было редко в то время, нас.

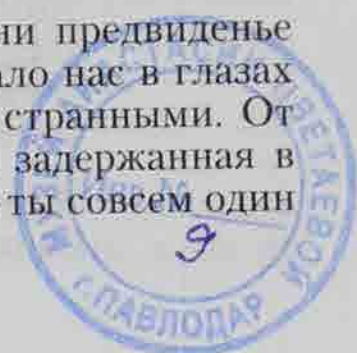
Племянница — знакомая Маруси Волошиной — телом похожа на тетку, лицом — много красивей. 30 лет назад ей отрезало обе ноги у колен, она ходит героически на протезах. Что я могу рассказать о ней, наспех, Валерику? (Я мысленно назвала его уже так.) Это новый друг, его примело к моим, к цветаевским, берегам неким шквалом (слухи туманны) его биографии, меж нас — сдержанная ли — ? Почти — нет, потому что радостная, а радость — как утаить? — нежность! Я сказала то малое, что знаю: бодрая страдалница верит в перевоплощения⁵² (я — не верю, Евангелие нас — торопит... не знаем ни дня, ни часа — и в погибель широк путь). Но разве я могу говорить об этом с этим черноголовым цветком, молящимся на Поэзию, завлакивать сомненьями эти карие, рвущиеся к людям, глаза?

Еще — что оба они, преданный ее муж, талантливый скульптор — сыроеды. Не признают огня (я же — огнепоклонница). Рвущиеся к людям? Давно ли?

Резко вправо от моря, путь вверх — и вот уже сыроедческая калитка.

Почему, входя в темный сад, я вдруг вспоминаю, что спутник мой — из Воронежа? Потому что в Воронеже я была в 18 лет, с первым мужем, уже несчастная, хотя год до того это еще была любовь. Два же года назад — поэма "только утро любви хорошо..." Да, должно быть — поэтому и вспоминаю. Вместо сторожевого пса нас встречает лев необычного очертания, еще что-то каменное, полурожденное, и уже кувыркается в луче света у грубой каменной, необычного вида террасы, кошка, пестрая, темная — припадочная нежность ее к хозяевам равна только их нежности к ней.

Нестерпимое для реальной жизни предвиденье чувств, Мариного и моего, всегда делало нас в глазах еще не проснувшихся спутников — странными. От этого — легкий озноб. Раз навсегда задержанная в углах губ — улыбка, — и чувство, что ты совсем один — на каком корабле — не понять...

МАНЗ 9

Между мною и Валерием — полстолетия. (Отчего же он так — в этом же мне нет сомнений — неженко мне?) Ангела послала судьба? Но уже нас встретили. На словно из скалы вырубленной террасе за простым длинным столом — несколько человек. Маленький, с добрым лицом, с крепким рукопожатием (скульптор!) хозяин всматривается в нас, входящих из тьмы — со всем вниманием человека, знающего, что мы уже жили до этой жизни (кем были?), еще будем жить (кем станем?) А в моей душе, знающей единственность жизни, не еще ли драгоценнее встречи с людьми, раз здесь бывающими... Рассаживаемся — кто куда, в полумгле; свет только над столом. Над россыпью (собственного!) винограда. Валерий сел далеко от меня... вправо. Я — близ хозяйки, улыбочивой. (От дали его ко мне — боль. Знакомая с юности. Старость не помогает ни в чем! Когда начинаю любить человека, я чувствую себя Мариной. Точно она жива, и во мне...)

Пестрая кошка замерла на плече хозяина (сейчас это припадок ласки). Все готовится слушать. На скамье рядом с Валерием — люди; кто — не вижу по близорукости. Голос его поднимается в ночь мягко, юношески, но в нем — чары. Слушаю всем существом, ибо — не все, но иные стихи хороши, и потому что заколдовывая наш слух, он расколдовывает нам в руки — душу, нитью — клубок...

ГОЛУБЬ

Кто б ты ни есть, — исполать,
С чьих бы ни пущенный рук,
Голубь, слетевший узнать,
Что происходит вокруг.

Счастливый тем, что ничей,
Кличет ручей стороной
Переселенье очей
В мартовский воздух речной.

Домик слетает с крыльца
Склоном, в бурьяне витом,
В самозабвенье слепца
Бьется зеленым крылом.

Каменной кладки белки
Смотрят забором на юг,

Превозмогая тоски
И голошенья испуг.

Кто б ты ни есть, — исполать,
В чьем бы ни снившийся сне, —
Голубь, слетевший узнать,
Что происходит во мне.

ПРОЛЕТКА⁵³

На самолете путь короткий.
В экспрессе свет и благодать.
Но я мечтал достать пролетку!
Но я мечтал достать пролетку...

.....
И вдруг — однажды в Ереване —
Из-за угла — удар под дых —
Мечты и мистики на грани
Упряжка с парюю гнедых!

Шагали баснословно гордо
Два струнноногих рысака,
И тот, который с белой мордой,
Мне поклонился свысока...

.....
На самолете путь короткий,
В экспрессе свет и благодать.
Но я мечтал достать пролетку!
Но я мечтал достать пролетку...

Но над пещерой-терраской — черной крышей незаметно — опрокинулась южная ночь, и я вдруг вспоминаю панически-ясно: в восемь часов ко мне придет на дачу Волошина моя молодая сожительница по московской квартире Ася — я обещала показать ей Максину мастерскую, Таиах и вид на окрестности с кровли — горы и звезды, поселок и морской берег — а я сижу тут... Вихрем подымаюсь, еле успеваю — рукопожатия, и уже несусь вниз по горной дороге, смело прыгая в полутьме по неровностям, увлекаемая возрастающим бегом, растущим морским шумом. А за мной — вдруг поняла, должно быть пытаюсь меня оберечь от паденья — бег в 76 лет!.. — летящий легкий шаг, догоняющий: Валерик!

Не бегите, — кричу я, — зачем? Мне — не надо, не упаду! Она же может придти без меня, я же не

*...Мечты и мистики на грани
Упряжка с парой гнедых!*
Рисунок В.Ботевой к стихотворению
В.Исаянца "Пролетка". Копия из архива
А.И.Цветаевой. Воспроизводится впервые

прошу себе... И уже — круто, потому что конец улицы, на бегу заворачиваю к морю, в его полный широкий шум... Господи! Легкость — будто 16! Заставляю себя перестать. Иду — и отдышиваюсь. Черно. Справа — утихающее о свою же даль море. Впереди — курортные фонари.

Ася опоздала, и я успела побыть с Марусей, выпросить у нее фонарик, чтобы было чем осветить верх мастерской. Мы поужинали, и только тогда к

нам постучали, и веселое полное ожиданья личико Аси заглянуло в для нее новое святилище живописи и поэзии. Мы постояли у Таиах, матери Эхнатона, свекрови Нефертити, чья головка населяет квартиры Москвы, — Таиах одна! Вот она, ее не глаза — очи, ее улыбка таинственнее Джиокондовой... Я сказала о ней.

Мы поднялись по лестнице мимо Максовых голов кистью футуристов, других "истов", Диего Ривера⁵⁴ и проходим в задний, за закрытой стеной, будто потайной кабинет — книги, книги... Сухие травы в керамических вазах. Портреты. Маски: Гоголь, Пушкин, Достоевский, Гомер⁵⁵, еще кто-то — луч фонарика, тая, не воскрешает черты, сливается с тьмой потолка...⁵⁶

В ветре молодости Асиной, две Аси, молодая и старая, выходим мы на Максов балкон, в ночь, в воздух, в море... И, круто вверх еще по одной лесенке — выше еще, высоко над Коктебелем спереди — в невероятной живописности и красе — очертания гор, сбрызнутых земными огоньками поселка, дожизненной мощью моря, гулко сзади уходящего в незримую даль, в холод... А над нами мириады звезд, млечный путь, и голова кружится, как кружилась под этим же небом 60 лет назад, в 16...

Когда мы уговорились — не помню. Я должна утром зайти за Валерием, он живет в первом доме от входа на участок Литфонда — и пойдём на кладбище к Алеше!

Но ранее, чем я собралась идти — к нам по лестнице легко поднялся — пружинистым юношеским шагом Валерий. Душа распахнулась навстречу его счастливой улыбке. Господи, за что мне послан в мою жизнь — ангел? Как хочу скорее его подарить моей Жене! Кажется, и это не помнится — что-то мельком сказал он вчера, что какая-то женщина, киевлянка, собирается в Старый Крым и просила его ехать с нею, помочь ей в каком-то деле... Вместе поедем? Как чудно...

И вот мы идем по дороге в поселок, полжизни назад мы это звали "деревня". Широкими плитами мимо низеньких кипарисов, узким тротуаром — влево и по доскам мостика — к подъему на кладбище. Сухими травами, лишайниками... скрипом шагов

будя тишину... Синева, бархат горных теней... Большой крестик Алешин... Валерий мог бы быть его сыном: 55 лет, 26...

После утра 25-го у Алеша.

Втроем — знакомая Валерия, попросившая сопроводить ее в Старый Крым, Валерий и я идем берегом к автобусу чьей-то базы, едущему в Старый Крым. Я счастлива — я везу Жене — *такой* подарок! Поэта (поэту, ей!), чудного юношу, ласкового и светлого как ангел, светлого в *такой* темноте оперения — бровей, глаз и волос! (Черпаю из будущего доказательство чужим глазом и словом: полгода спустя писавшая его художница³⁷: "Черты его очень резки — и в то же время — нежны, это очень затрудняет писать его..." Я применю это определение к себе, и в тени его мне будет привольней, благословенней — пытаться рассказать об этой вошедшей в сердце душе. Но, должно быть, в тени светлой этой души я ехала все километры Коктебель — Старый Крым, потому что не помню — ни холмов, ни дорог, ни нашей — мешавшей, конечно, мне, нашей спутницы, вовлекавшей его в некое дело, имевшее быть в Старом Крыму, дело спорное, сомнительное, но казавшееся сперва — и хорошим. (Мы с Женей, только опомнясь, оставшись вдвоем, поняли, что религиозность этой выдумки — сомнительна, и — сколько было сил в нас — воспротивились ей.) Но в тот день я видела только что-то фальшивое в лице едущей с нами женщины, но в свете души Валерика был радостен путь вместе — и к Жене едем! Мы молча улыбались друг другу, мне было несколько лет...

Наша спутница рассталась с нами при самом въезде в Старый Крым, у автобусной станции. Мы летели к Жене — почти наугад, рискуя ошибкой в выборе улиц, радуясь и смеясь, как дети. И вот уже узанный угол — дом, сад, *наша* калитка, где я прожила у Жени шесть дней у ее прелестной шестидесятилетней хозяйки Лизы, красивой и умной, любящей кошек и книги³⁸, полюбившей Женю, меня — сейчас вместе с Женей полюбит Валерика! Он нам будет читать стихи... В новом волшебстве, подаренном Жизнью — за что? ни за что, как Подарок! (или за долгую тоску приблизительных дружб — такое,

вдруг, озарение — юность и нежность, поэтический дар, счастье бессловесного понимания, страсти к слову, к цветаевскому, поклоненья Марине, восхищенное одобрение моей прозы (66 год, "Новый Мир"⁵⁹) — с сыном? мало! с — внуком? по возрасту — так, но совсем непохоже... — с Братом, сияющим вот уже третий день. Врываюсь в сад к Лизе и Жене, к водовороту кошек, к лающему танцу цепной Наки — и по ступенькам крыльца в низенький бедненький коридорчик — окнами в сливы и яблоки, к чайному, кизилловому, ореховому, хлеб, масло, сыр, яблоки, доброму их столу — и уж не двое нас, а четверо (люди), шестеро (зверье) — семеро — я забыла Жука, сына Наки (радостно валит с ног) и, может быть, придет наш Андрей⁶⁰, еще ангел, синеглазый, Божий, старше Валерика.

В этом маленьком раю мы прожили до ночи. Андрей не пришел, остался в "Светлом Проекте", мы их подарим друг другу — Андрей ведь тоже Поэт, и какой! Философский, волшебный. Мы устроили Валерика ночевать у внезапно зашедшего чудачка и немножко озорника Виталика⁶¹, Жениного названного внука, у его бабушки, в ореховом и виноградном саду на пути от нас к автостанции.

И ложимся спать в белой Лизиной комнатке, в саду — ветер, лай, в окна прыгают кошки — Тимур (Женин) и Лизины Рыжка, песчаная Пуська, голубиная Димка и пепельная, дичится, Марья. На полу (потому что Женя замерзла) согрелась, малиново накалась встающей луной, плитка, и, засыпая, мы хвалим Валерика, бредим их будущей дружбой с Андреем, а ветер всё качает и рвет ветви сада, — и далек шум коктебельского моря, куда мы тотчас же поедем, как только сходим завтра (память, год со смерти жены Александра Грина⁶²) на кладбище, где помолимся у совсем свежей могилы друга, Поэта, Григория Николаевича Петникова⁶³, на другой день в Воздвиженье, 27-го, побываем в Феодосии, в церкви — мне в этот день минет 77 лет...

Димка мягко вонзает лапы в мой голубой свитер, Женя, кажется, спит...

На другой день ждем Валерика, я жарко готовлю обед, радуюсь, что всех накормлю, стараюсь час, два, скоро три. Никого.

И внезапно, спешно. Валерик: он с утра гулял с той спутницей нашей, были далеко, в лесу, а сейчас она прислала его сказать, что они идут в ресторан — обедать, чтобы не ждали его...

Перекрестный взгляд: Женя, я. Моя рука замерла над кастрюлей с готовым борщом, мы ходили купить сметану, поджаренная картошка благоухает горой на сковороде... Слова замерли на губах, было начав с: "А мы тут..."

Но юноша, улыбаясь, откланивается, его очи не видят плодов земных, его ждут, он спешит, — он придет за нами после обеда, с нашей спутницей, вместе идти на могилы. Дверь закрыта. Яростный лай. Легкий прыжок с крыльца.

Грустно, хоть вкусно поев, мы легли уснуть. Было и четыре, и пять — никого. А когда, наконец, снова в наш дом вошел к нам Валерик, а за ним — дама... (Ох, эти дамы! Но не они ли вдохновляют поэтов — в ресторанах, в лесах и в горах — и ведь имена посвящений в его стихах суть — реальность...) Но, увы, Женя, прождав, устав, уже не может идти на кладбище, куда *так* хотела к Нине Николаевне Грин, ею любимой, и мы идем туда без нее. Мне сумно на сердце, но я несу цветы Григорию Николаевичу Петникову, и Валерик помогает мне положить их ему и помогает спутнице украсить могилу Нины Николаевны...

Мы заходим на могилу Александра Грина, над ней треплется в ветре алый лоскут — кто-то повесил в память его Парусов... На стоячем памятнике — в овале его лицо — суровое, длинное, с печальным тяжелым взглядом. Я его видела раз, в Москве, стоял с Дмитрием Ивановичем Шепеленко⁶⁴ на улице, очень давно... Очень похож!

Мы всходим на холм, где молодежью из больших камней сложен самодельный, горой, памятник Грину. Ветер. Дали уже потемнели, поблекли. Панорама на городок и окрестности. Вздох: *ее* видел (что ляжет на этом кладбище) мой Борис много десятилетий назад, в предсмертном прозрении. Мы горюем и негодуем о том, что верную жену Грина по клевете не разрешили похоронить рядом с ним, между ним и ее родной матерью — в нескольких саженьях⁶⁵. И молчу о той горечи, что *следа* нет меж могил — Борисовой. Как Марина! Исчезли. Как

провидчески предсказала она о себе, как задолго до смерти! И неутешно оплакав Бориса, так нежно любимого ею:

...Исчезнуть. Не оставив праху
На урну...⁶⁶

Сойдя с холма, спешим — южные сумерки. Женя ждет. Уют вечера. Дама ушла. Валерик, Виталик с нами. И Лиза. И кошки. Ужин...

А наутро спешим на автобус феодосийский, еле поспеваем. Валерик ласков, заботлив, нежен. Его ангельское лицо с демонски-черными волосами, густыми, как ночь, наклоняется к Жене, ко мне с небесно-сыновней грацией.

Воздвиженье. Высокие своды. Хор. Солнечный луч косо пал вниз, зажигая угол иконы. Жду вынос креста — приложиться и увидеть о. Макария⁶⁷, ездившего со мной к Григорию Николаевичу Петникову год назад. Женя с Валериком стоят поодаль, тихо. Женя кротко, добро. Валерик — ? Отчужденность, настороженность. Но — уважение... Мрачное. Дышит чужим воздухом? Вздох. У каждого своя дорога...

На обратном пути говорим о скорбной картине могилы Григория Николаевича, женой еще не приведенной в порядок, когда-то еще — памятник! Но — без надписи. Ничья! Могила — Поэта!⁶⁸

Сохранив время, мы взяли такси из Феодосии в Старый Крым. Сидим втроем, тесно и дружно. Фон окна — летящее небо, череда холмов обводят собою профиль Валерика, богоданного сына, брата — что помогут названия? Этот подарок Жизни покрывает собой годы, десятилетия труда, разочарованной усталости.

Под моим топчаном в старокрымской Жениной комнате на дно уложена книга восточного поэта, подарок Валерика. На ней надпись: "Любимой Анастасии Ивановне в день ее рождения. 27 сент. 1971 года. Валерий Исаянц".⁶⁹

Наш последний вечер в Старом Крыму. Сегодня он ночует у нас во входной узкой террасе с окном в сад, и мы с Женей покрываем его шальями и пальто — сверх нетолстого одеяла и кофтами, чтоб не мерз. От его прекрасных — и красивых черт трудно отвести взгляд. Но улыбка еще краше. Где он был до сих

пор? И как он мог жить без нас? Молчаливый восторг его, тепло пожатия и улыбка говорят, что он и не жил до сих пор, мучался...

Лизе, Женщиной хозяйке, как нам — понимает! — по душе пришлись стихи, которые он прочел нам вечером:

НА ПРАЗДНИКЕ ОЛЕНЕЙ

Душа и шапка — набекрень,
 Ликует сердце сторяча,
 И — только легкий бег оленей
 Да взгляд якутки невзначай!
 Лети!
 Ведь светел глаз якутки
 И ветер пламенный и жуткий, —
 Всю жизнь твою стремится попутно
 Полоске неба изумрудной.

Собаки рыцарских кровей
 Сопровождают бег саней.
 В сторонке сопка, и за ней —
 Шемящий крен на повороте.
 (Бежит Дубищев в стороне,
 Кричит вдогонку: "Упадете!")

Но ты, упряжка жизни, круто
 Свернешь, уже не чая грунта,
 Скопишься, падаешь, как будто, —
 И снова бег твой устремлен,
 Полет вне прений и времен!

И еще он читал нам стихи странные, смутные, посвященные балерине:

Движеньями нежной вуали,
 Под паутиной пелерин
 На сцену грации вступали,
 И Вакха за руку вели...

И бес перстом повел едва, —
 И — свет! Томительнее мака,
 Где над сливовой рампой мрака —
 Софит карманный божества!

В него — всеведующим жженьем,
 Моим безумьем до черты,
 Мольбой, тоской, слезой, спряженьем
 Глагола "жить" явилась ты...

Я засыпаю, окутанная его ритмами. Это я запомнила наизусть. Он читал эти стихи и в мастерской Макса, и, по моей просьбе, у Арендт (он сказал — это плохие стихи, но добро согласился прочесть, против воли). Засыпаю — и повторяю: "Мольбой, тоской, слезой, спряжением /Глагола "жить" явилась ты..."

Но я еще успеваю подумать: "Вот в этом и состоит трагедия? Что — ранее?" И ответить себе в полусон: — Нет, не так. Я еще была совсем молода, когда себя связала обетом...⁷⁰

Ночь, сон, сны. Тонко, длинно, как паутина. Сумраки, непознанность, непознаваемость. Неназываемость. Просыпаюсь в чью-то Радость, — в Нежность, в ощущение Зова:

Что б ты ни есть — исполать,
В чьем бы ни снівшийся сне, —
Голубь, слетевший узнать,
Что происходит во мне...

Стихи эти были написаны кому — я не знаю, посвящены Валерием — мне.⁷¹

...За вон тем холмом — сейчас! Душой Коктебеля три горы... Поворот, Максов дом. Под руку с Валериком Женя идет медленно, я легко взбегаю по лесенке, веющей нашей с Мариной юностью, знакомой, как родной дом. Я была молода. Я — старуха! Но я та же, та же, как тогда. Стою миг, пораженная этим. Молодость? Старость? Шум Жизни, как морской шум, обнимет душу человека, и сердце бьется, как когда ты родился и рос. И растет в шум прибоя...

Мы идем в Лягушачью бухту⁷². Женя не пошла, далеко. Валерик и я. Он радостен, что я иду легко, быстро, он таких старух не видал? Смеюсь я тоже! Но мне 77 лет! Но я почти прыгаю по камням! Только раза два, три за весь долгий извилистый путь он, обернувшись, подает мне руку — не *под* руку, нет! как более слабому товарищу — пальцы в пальцы.

Справа — горы, скользим мимо них по тропинке. Не забыть этот куст, янтарь и пурпур и червонное золото — на крутом спуске над морем! Оно — слева — близко, то — глубоко внизу — так взлетает и слетает тропинка. Горизонт — пропал. Безмятежнее синева слившихся моря и неба. Идем, идем и идем. Грань

Карадаг с моря.

Рисунок В.Исаянца. Тушь, перо.
Фотокопия из архива А.И.Цветаевой.
Воспроизводится впервые

меж возрастами — где она? Безмятежно понимание и молчание. Наконец, Лягушачья бухта! Далеко от всего, и во всей округлости ее раковины всего несколько человек. Тишина. На камнях крупных и мелких — рушатся под ногой (идем), шелестят и шуршат почти лесным звуком — под рукой — *ищем* камни с двумя лягушачьими глазами, откуда и имя бухты, перекидываемся словами, протягиваем друг другу — камень. Эти подарки бережно откладывает рука...

Он встает: купаться! Улыбается, стоит во весь рост, я лежу, смотрю снизу. Хорош! Создает же — Природа? — такое! *Не* понимаю в телесном мужском (женщину — понимаю!), но — хорош! Глаз — любит. Какая у него мать? Какая женщина родила такого? Сбросил рубашку, майку (как просто раздеться — мужчине! Трудно — женщине!). Всплеск — море приняло тело! Мерное рассеканье волн. Черная голова вознесена над зеленоватой синевой, каждое движение тела плавно рождает пену. Я *чувствую* прохладу, его обнявшую. Повторяю строки стихов, им читанных. Тихо. Люди — ушли? Бухта тиха. Только всплеск, им рожденный. Я, кажется, счастлива сейчас?

В моих руках, жадных на красоту пригорошней, тихо гремели перекатывающиеся друг через друга

Анастасии Ивановне,
 Карадаг с моря,
 Графика. Тушь. Перо
 Сердце Коктебеля —
 Золотые Ворота
 и взлет гор
 Валерий Исаев

Факсимиле автографа В.Исаевца на обороте этого рисунка: "Анастасии Ивановне, — Карадаг с моря. Графика. Тушь. Перо. Сердце Коктебеля — Золотые ворота и взлет гор. Валерий Исаевц"

камни: одни круглые, как грецкий орех, другие — как миндаль, но были и совсем маленькие драгоценности — с подсолнух. Этих было больше. Да, это были *не те* коктебельские камни прежних лет, когда еще не вычерпали механическим краном благодатную толщину плотного гравия, лежавшего тут годы и годы: бесславно погибли на стройках *настоящие* драгоценности, чудеса прозрачностей и туманностей — агаты, опалы, и жилками перевитые — сердцебие-ние искателей! — халцедоны и сердолики — то, что я держала в руках, было по имени прошлых лет, простые "собаки" — дворняги и дворняжечки каменного царства — но *как же* хороши они были!⁷³ Я не могла дольше держать их — так, застилая одними — других! Я вывалила их на постель, и сама упала над ними вслед, чтобы лучше видеть и ушиться. (Валерик ушел, я могу пока любоваться ими, безоглядно, всласть...)

Этот мягко-треугольный, к концу почти острый, с закругленным противоположным краем: верх — как на черепахе панцирь, был мутно-зеленым, а из-под темного панциря, как заря из-под туч, сиял розовым низ — нет, неверно! Низ был тоже зеленоватый — тонкой скорлупкой — а меж двух темнот розовела его душа, обводя весь камень ровным слоем розова-

той бесконечности зари — цвет менялся, ступаясь и тая... И нельзя было отвести глаз! Рядом с ним, как толстый крутой кусок черно-белой гравюры, играла разводами белизны по агатовой черноте лилипутья гора, обвал.

А под ним — овальный, кем-то обточенный аккуратный темно-серый камешек, усыпанный круглыми, разной величины, белыми пятнышками — те, что крупнее — ярче, а маленькие — бледные, — аналогия со звездным небом.

Всего ярче два самых больших, и то, что самое большое — ослепительно бело, точно его сейчас положили сюда точным уколом острой кисти, окунутой в масляные белила. Но оно сухо, и плоско, окруженное россыпью бледнеющих к самым бледным, исчезающим — так малы!.. Этот камень лежит на других двух, и резко от них отличен. Кто их *так* отделил друг от друга и формой, и цветом? Кто подобрал цвета в каждом?

Маленький, полупрозрачный, и эти два "полу" отделены гранью извилистой, но неумолимой: середина камня — полупрозрачна светло-серым тоном, а другая — туманнее и белее. Низ и верх этой почти молочной туманностью туго сжали с двух сторон светлую серизну, а наверху этого крошечного, острого, не шлифованного, почти колющего пальцы, здания — крошечная черная крыша, сверху плотно наложенная шапочкой — на середину...

Валерик их *выбирал* мне, эти маленькие миры, эти мирики...

А вот этот второй, на котором покоится камешек звездного неба — это уже целый мир! Больше тех двух в несколько раз из неявной, сплывшейся мозаики — разводы тускло-алого и серого вдруг дали место *почти* — белизне, и по ней кем-то нарисована темная гора с двумя вершинками, и под горой — бледно-зеленое море, кончающее фасад камня и обнимающее всю спинку и бок левый, как океан объемлет шар земной...

Но я размыкаю пальцы и, как Колумб, открываю новую землю правого бока — каменный белый берег...

Мы правим стихи Валерика — Женя, он, я — когда с рюкзаком на плечах, тяжелою ступая, показался на лестнице долгожданный Андрей.

Вечер. У круглого большого стола посреди нашей с Женей комнаты у Маруси, под шум моря — наконец стоят Андрей и Валерик: каштановый, синеглазый — когда открывает их в их ширину — небо в них! Черноголовый, сверканье карих глаз, то — мрачных, как сама ночь, то — глядящих в самую душу.

Андрей — старше, почти в Христовом возрасте. Лет на пять старше Валерия. Не совсем так и совсем не так — они встретились, как мы ждали: сходства видели мы, ждали — дружбы. Но у стола круглого, как луна, как земля, обозначаются острия несходств. Глаза Валерика то уклоняются от раскрытой Андреевой синевы, то зажигаются в спор: я не знала еще за ним тяги к риторике! Не сдастся с нами удержанный Валерикин *вздых* — на обтекающую его возраженья готовность будто б согласиться? — Андрея. *Лезет* в бой! И уже, это почуяв, старший принял вызов — и, из прошлого зачерпнув задор, полудобро, полузадорно — отстаивает свои положения, не боясь называть слова, от которых Валерий — уж не стоит! Обе мы, их на два поколения опытней, тоже не сразу постигаем узор этой встречи: тревожимся. Но уже улыбка Андрея затопила комнату — неужели его не полюбит Валерий? Ведь в обоих — по целому ангелу...

Один раз не выдерживает Валерик — с чем-то вроде: "Нет, я не могу — так!" — задохнувшись несогласием, хочет прекратить разговор, может быть, добрым смехом Андрея обиженный? Но Женей или мной словесно поглаженный, укрощенный — терпит. (Может быть, почуял сперва за мягкостью в противнике неуловленный, Андреем уже неценимый, — ум?)

Но к чаю зовут! В той комнате, где когда-то я жила с маленьким сыном — где каждый вечер встречаются коктебельцы, живущие у Маруси, жены Макса, ее навещающие, под в морской рев то и дело открываемую на входной балкон дверь — спор Женюного и моего — сыновей? — стих. Другие голоса говорят о себе, о своем. Под то добрый смех, то — покрикивание на минуту вскипавшей гневом Маруси, эта большая, неровная, улыбающаяся ей, друг другу подчас незнакомая, ершающаяся кто-то на кого-то семья погружает в свой ритм. Чаепитие. Завтра кто-то придет спеть свои песенки. После завтра кто-то придет. Кто-то привез письмо — из Москвы, из Киева. О Пушкинском ленинградском доме, о выс-

тавке Максовых этюдов. Еще кто-то входит... Мы выскальзываем на балкон. В луну, в море, в их блеск, их согласие, в их сливающиеся тишину и шум. Опершись о белую балюстраду, нами умоленный, потому что Валерик не хочет, Андрей говорит стихи. Валерик слушает — поглощенно...

Новый Свет! Там я была один раз, в 1919-м, с моей умершей подругой и с к ней с фронта Гражданской войны приехавшим другом, коронованы юностью посреди разрухи и бед... Кони мчали нас, сидевших на наброшенном сене, по белой крымской дороге, вившейся, как змея. Был смех, и была луна, и был канун их расставанья (встретились ли они в Том Мире, или *он* в этом еще?). И я помню волну, ставшую пеной в прыжке разбиться у чем-то знаменитой пещеры, ночь была голубая — насквозь...

Мне 77, Жене скоро 73, и мы с юными друзьями нашими едем в до сих пор прославленный Новый Свет⁷⁴. Автобус в Судак, сходим у его начала, тут же — в другой автобус через Судакскую долину.

С *того* дня до дня, когда я в поезде Москва-Павлодар пишу это, — прошло всего полгода. Но ни Жени, ни их двоих нет со мной, и некого спросить, как мы ехали автобусом из Коктебеля — туда.

Над виноградными долинами,
Меж бурых и зеленых гор,
Мчит вверх петлями серпантинными
Храпящий, словно конь, мотор.

А море бездной серебристою
Поблескивает вдалеке,
А солнце огненными искрами
Разбрызгано на потолке
Все ввысь стремящего автобуса...
И высота за высотой —
Мы кружим узкой лентой глобуса,
Как серпантин перевитой.⁷⁵

Путешествие, Историю коего я пишу, продлилось с остановками до позавчерашнего дня, когда Валерик посадил меня в поезд, и долго — как когда-то мы в молодости — добро бежал за ним. Неточна память. Может быть, и не так? Но память *сердца* сохранила картину внутренности такси, Женю —

слева, Валерика — справа, спереди перед нами, спиной, но то и дело обертывающегося Андрея; полет, радость, уют, благодарность, волнение и предвкушение — и чудесное лицо Валерика, нагибающееся к моему. Мне кажется, это длилось — вечность... (Но может быть, это было не там, потому что до Нового Света мы не доехали, а — до Судака, а оттуда искали другого транспорта, это помню.)

Дорога меж гор вилась, как над Средиземным в Castellamare, когда мы мчались с сыном Горького в Помпею, но лесные цветные ковры крымской осени ослепительнее итальянских гор. Глаза пьют красоту ненасытно, неутолимо. От резких во всей их мягкости поворотов чуть покруживается, как от вина, голова. Море — слева, внизу. Мы все круче ввинчиваемся — справа — в горы, по которым в 19-м нападали зеленые (избегали ездить тогда!).

И вот уж болью, медленно, полнитесь сердце навстречу разливу Судакской долины, где я в голод жила, — 25-ти! Всё знакомо, и всё иное, и не хочу я служить тоске встречи — сейчас. Не зная, не спрашивая своего спутника, когда *он* был тут, и не говоря о себе, слушаю его беглый рассказ о крепостях генуэзских, пытаюсь *через* него увидеть, осознать их, смолчать о себе, чтобы сблизиться! (От тоски моей канувшей жизни, ее призраков, тех огромных вздохов прощанья, что когда-то терзали меня тут, укрывшуюся в неполюбленных все равно судакских горах.) Чтобы укрыться в Валерика, *его* душу, *его* стихи, *его* прошлое. Вздохнуть *его* юностью, не моей.

Вот Алчак⁷⁶. Тут я с семилетним Андрюшей жила с осени по весну у позднее расстрелянной по ошибке в террор старухи, дружившей с семьей графов Капнист⁷⁷. Через эту долину я ехала ночью на мажаре с мукой, капустой, картошкой; дорогу, по которой мы мчались сейчас с Женей, Андреем, Валериком, я медленно полила струйкой масла подсолнечного из пудовой жестянки, купленной в ожидании голода. Возчик был пьян, не хотел везти — "потому, как ты есть жидовка" (за длинный серый халат, надетый вместо пальто, за кудри и длинный нос). И вот Сахарная голова — горка, возле которой мы жили; Андрюшка играл динамитом — тут

с весны по осенний отъезд на "Румянцеве" матрос брал нас из лодки поочередно и передавал над волной другому, на пароход... Провожал меня нищий профессор Кудрявцев²⁸, принесший мне в дар последнее, что имел — новую шелкового полотна петербургскую рубашку мужскую — чтобы я ее продала для себя и Андрюши. *Как огорчился, что не взяла...*

Мальчики проявили энергию, и из бухты Уютная мы приняты в какое-то странное автосооружение, едущее в Новый Свет. Как легко впрыгивают они, как добро втаскивают смеющуюся Женю, и как, стараясь избежать помощи, вскарабкиваюсь за ней — я...

Еще острее краса пути, еще круче повороты дороги, еще синей глубь моря внизу, еще ослепительней его расплавленный в солнце блеск! Новое напроць нам место и горы, новые бухты, Новый Свет! Площадка — и дом двухэтажный. Мы обходим его, ища комнаты. Находим. Кладем путевую поклажу, знакомимся с хозяйкой.

Привал. Все устроил Андрей. Упоительно есть на воздухе, на деревянном столе, вскипятив на плитке чайник, заварив чай (спор — *как* заварить — жарче чай: у обоих мальчиков свой метод, разный, Женя знаток, чаехлеб известный). Одна я в стороне, в час утешенья не чая, согласная на любой. Хлеб, сыр, масло, яйца. От Андрея уют в хозяйстве — ждала, но инициатива и даже некое упорство приемов в Валерике — неожиданны. (Забываю, что кроме Суворовского училища и годов студенчества оконченного Воронежского университета он еще много ездил — с товарищами? с женой? ведь он был — женат... Валерик — женатый? Этого себе представить — нельзя! Мрачнейшего от каждой настойчивой просьбы, для кого *уйти* естественнее, чем *подойти* (отчего так полна чуда его нежная дружба со мной, чем-то его так привязавшей...)) Может быть, мне удастся что-то в нем — во благо ему — повернуть.

Еда — позади. Так! Мы с Женей будем ночь в задней комнате, Андрей и Валерик — в первой, проходной. К морю! В новую незнакомую бухту! Горы теснее, чем в Коктебеле, море еще синей. Новизна — как в детстве! Крутой спуск. Но его одолев под руку с Андреем, Женя отказывается куда-то идти: *тут!*

Тут? И только всего? Сесть на камешки? Нет, на это мы с Валериком не согласны! Идти! Куда? В Шаляпинский грот!⁷⁹ Расстаемся. Вправо и вправо берегом по лесенке вверх и — тропинкой, меж крутых камней, извилистой, местами нелегкой мы спешим. Он — впереди, я — за ним, как шли в Лягушачью, временами молча берясь за протянутую мне руку, пальцы о пальцы, крючок на петлю, мускульная ритмическая помощь, мгновенная, — и снова спешим вперед — он впереди, я — сзади. Я чувствую в нем удивительную радость, что я иду быстро, легко, и может быть, удивление таеет уже — так он принял в себя чудо моих 77-и лет, "Оду пешему ходу" Маринину⁸⁰... Цветаевская порода! От его молчаливого одобрения, сходного с счастьем, я готова еще быстрее, еще легче идти! Но и солнце щедрей, чем везде! Как Валерик прекрасней всех юношей! Море синей Черного, зеленой Средиземного! Скалы = круче шиферных генуэзских, золотых Côte d'Azur⁸¹, где я семнадцати шла с восемнадцатилетним Борисом... Мы — под горизонтальным навесом скалы. Надписи. Это и есть Шаляпинский грот? Да. Присели. Не хочется! Люди идут куда-то? Пойдем дальше и мы. По тропинке уже, обрыв круче, камни крупнее и скользче. Азарт хода. Идем. Иду. Но я вдруг останавливаюсь. *Дальше я не пойду! Нет!* До поворота осталось сажени — две, может быть, меньше, но камни тропинки наклонены, держаться совсем не за что, обрыв вертикален и близок! Соображаю вмиг: Валерик встанет у самого края, чтобы меня поддержать — и от страха, что он так стоит, я поскользнусь непременно... вдвоем полетим в море? Разбиваясь о скалы? *Нет!*

Мое "нет" твердо. Только одну минуту он *пробует* меня убедить. *Не* сдаюсь. Мимо нас, пугаясь, цепляясь за неуловимые выступы, медленно идут вперед две, три молодые женщины в трусах и бюстгальтерах, полуголые, загорелые. Не идут, а ползут в крутом наклоне. Бережно уступаю им место, уважая их смелость, за нее стараюсь простить их бесстыдство. Я уже повернула назад. Я никогда не узнаю — он никогда не скажет, и потому я его не спрошу — был ли разочарован во мне Валерик на нашем обратном пути. Что я не дошла так совсем мало, чтобы повернуть за скалу и увидеть и грот, и

Царскую бухту⁸², целый маленький новый мир... Он довел меня в *нашу* бухту, к Жене с Андреем — и пошел один назад — походить по горам.

Что он любит одиночество — я знала. Я только попросила его вернуться до темноты, чтобы я за него не боялась. Он уклончиво обещал, успокаивая. Нет, я забыла! На нашем обратном пути он мне читал стихи...

Страдаю безбрежно о светлой воде
У скал голубых Карадага,
Страдаю о самой высокой звезде,
О непостижимости праха.

Мой слог первороден, и лоб мой высок,
Но я обречен на закласть,
На чистую боль, на болящий висок,
За то, что предутренней ранью

Страдаю безбрежно о светлой воде
У скал голубых Карадага,
Страдаю о самой высокой звезде
И осознаю себя прахом.

Ты снилась мне
Сегодня.
В полночь,
Как благовеста бой,
Был свят
минов часов...

Сны, как стихи.
Не все —
Запомнишь.
Тем более,
Когда — подряд.

Но этот,
Чуждый эстафет,
Был
В полудреме откровенья
Как бы подспорием к строфе:
"Я помню чудное мгновенье".

Я все хотел делить с тобой:
Кусочек неба голубой,
(Он мой!)

И мой прибор
Под Карадагскою грядой,
И облака, что чередой
Пророков книги бытия
Уходят в новые края..

Тогда я руку взял твою,
Сказал: я облака люблю...

Ты проведи сознанья нить
К созвучью дивному "любить",
Любить цветную землю глин,
Луны румянящийся блин....

Искать камушки! Утоление! Отвлечение. Утешение от всего! Переговариваясь с Андреем и Женей, вспоминая строки только что слышанных стихов, жарко погружаюсь в молчащую красоту камней...

Нас зовут. Откуда?! Сверху. Мужской голос. А, Андрей догадался! Тот, кто нас вез сюда. Наш шофер.

— Хотите рыбного супа? — кричит он. — Свежего! С хлебом! Сейчас принесу! С товарищем сейчас наварили!

Слышим звуки: полупрыжков, полушагов — едет к нам рыбный суп. Смеюсь, насыщаясь, радуясь дружеству и нежданности, поедаем самодельный холостяцкий удивительно вкусный суп, заедаем ломтями свежего белого хлеба, огорчаясь (я — как бы о сыне, о внучках), что *Валерика* нет!

Небо, холодает земля. Его нет!

Женя увлеклась беседой с нас везшим и нас кормившим; бывавшим за границей по делам новосветских вин. Отзываюсь и я, услышав названья парижских улиц. Но через весь уют странного вечера, интерес к собеседнику — тоска и страх за Валерика всё растут. Уж луна! Страх борет негодование — как мог он на так долго уйти, оставить, предпочесть одиночество — дружбе, и, зная, что я беспокоюсь, боюсь за него в горах... Значит, он — бессердечен? А вдруг — он *не вернется*? Вдруг с ним что-то случилось? И мы не можем помочь...

Я уже вне себя. Должно быть, мой вид несчастен, потому что и Женя, и Андрей меня успокаивают: сейчас придет! От луны в горах светло, ему всё видно, он молодой, легкий, бывалый, *умеет* ходить

по горам! Ну, увлекся, далеко зашел, спешит... Это слово меня ударяет: спешит по *таким* тропинкам, по каким мы с ним шли! Жизнь померкла. Луна, залившая голубым блеском бухту, жестока и насильственна. Что в ней проку, если *его* нет, если неизвестно, что с человеком. Господи, спаси его, Ты Один можешь!

Мы идем домой, я молюсь. Андрей пытается развеселить, сколько раз *он* бывал в таких переделках... Женя — ласкова. Она понимает меня. В наших комнатах горит электричество. Вот тут мы так весело пили днем чай... Как это давно!

Вечер без него, с незнанием, что с ним — бесконечен. Нет, мужская душа — потемки! Женщина не могла бы уйти на так долго, *так* заставить тревожиться! Они — из другой породы камней... Мы вышли с Женей походить перед домом. Пики гор пламенили в лунном свете. Я кончала молитву св. Пантелеймону⁸³. Шелест шагов, тень.

Женя, сжав мою руку, насмешливо, нежно, все вместе:

— Вот он. Твой Валерик...

Господи, Ты услышал! С нежнейшей улыбкой наклоняется ко мне лицо целого и невредимого моего мальчика. Золотые глаза с сыновней, братской, с волшебной нежностью на меня глядят. Сжав мне руку:

— Я далеко зашел. Было чудно в горах! Я купался. Я очень спешил назад!..

Ужин позади, Нет, Женя не пойдет ни на какую лунную прогулку!

— Устала! Идите одни!

— Нет, Женечка, ты пойдешь... Потому что не идти — это свинство! Ты пойми: Новый Свет, еще в прошлом году собирались...

Темные, как самая темная ночь, глаза Женины почти так хороши, как в юности. Даром что наши лица — в морщинах! Ей доступны человеческие чувства! Сдается.

Мы выходим счастливой ватагой вчетвером, в черные тени домов, гор, в указанное нам зрелище чьего-то очертания на скале, когда луна встанет вон там... Море плещет ритмично и нежно, почти штиль, стоит волшебная лунная ночь. Но Женя и Андрей идут медленно, мы — быстрее, и мы исчезаем за

поворотом скалы. Справа — море, глубоко внизу, воздушное от лунного света. Края бухты обнимают его тесным объятьем (в Коктебельском объятье — широко, отпускает на волю)... Слева крутая скала горит лунным блеском. Валерик крепко держит меня под руку. Его голос — глухой, близкий сейчас, слышен мне во всей тонкости интонаций, как бы пронизан лунным лучом. Он рассказывает мне о себе. О Тане, которую он любил с каким-то безумьем — такая любовь не могла длиться, она была обречена на разрыв. Но сразу после нее настало, как бедствие, новое счастье. (Слушаю и понимаю: страсть.) Нонна была хороша... несравненна! Но она не была умна... Но талантлива! (Слушаю, в легком трепете — удивительна мужская душа... Никогда бы не могла любить глупого человека...) Но любовь его к его Нонне вырастает в меня весомо как скала, мимо которой идем. Она была старше его на 15 лет. Замужем. Металась между мужем и ним — он устал ждать. Измучался. И тут, может быть, чтобы найти выход — он согласился стать мужем женщины, с которой учился, она, как он, лечилась в психиатрической больнице и убедила его жениться на ней, как спасенье ему и ей. Он весь еще был — с Нонной, но после двух недель теснейшей дружбы с мужем Нонны он потерял пути веры в единство с нею, — а тут был человек, которую он жалел — хоть кому-то сделать добро... Но из брака ничего не вышло, это был ад. Родился мертвый недоношенный ребенок (он не хотел ребенка, она настояла), ее подруги считают его чуть ли не убийцей. Он уходил от жены, не мог с нею быть... Уезжая в конце лета в Крым, он ей сказал, что он с нею расстанется. Им предстоит развод.

Я молча сжимаю руку его, как руку заблудившегося ребенка, мне дорога его Таня, и Нонна, и все, кого он любил с юности, но этот надуманный, насильственный брак (к ней, он говорит, не было даже влечения!) — мне чужд. Этот брак изломал его жизнь! Его душа открыта моей с удивительной тягой. В прозрачности. Растворена в этой лунной ночи. Лицо *ангела* надо мной! Лунно-белое! Темны темнотой теней, горных теней — глаза! Мы идем назад (море слева, скалы — справа) и снова повернув — море справа, мы встречаемся и расходимся с

Андреем и Женей, киваем друг другу, и вновь растворяемся в свете луны, как ель над скалой, голубая от лунного света... Через несколько дней Женя о ней написала:

Прозрачно-черной и туманно-белой
 Была та ночь. Луна, гора и море,
 И — дерево: на склоне, осиянно
 Взнесенное — в молитвенном безмолвье,
 В сознание чуда, в ожидание ль чуда...
 То дерево — его я не забуду.
 Ту елочку — в ночи прозрачно-черной,
 В ночи прозрачно-белой — никогда!⁸⁴

Мирно ложимся, встречаюсь под левой горой, вчетвером войдя в дом, в смежных комнатах: старые девочки в глубине, их стерегут юные мальчишки. Луна зашла за гору над потускневшим заливом, окна потухли одно за другим, все спят...

Наутро спор: что лучше — Коктебель, Новый Свет? Мальчишкам *правится* здесь, мне меж *этих* гор — тесно, чуждо, парадно, не то — Коктебель вольный, любимый! Увы, Женино мнение не помню. Ближе к ним, кажется. И хоть залив по-новому голубой, расплавясь не в луне, в солнце — Женя и я решаем ехать назад одни, ибо обоим *им* — по-разному, но равно страстно хочется еще день и ночь — тут. Завтрак — и стережем автобус. Они провожают нас. Валерик дает надписанные мне книжку "Судак", цветные виды местности. Эти надписи будут со мной вместе — просить Бога, чтобы тут без меня ничего не случилось...

Тонкая книжка "Судак" с рисунками Генуэзской башни под горой у моря. Надпись мне:

...И имени нежней уста его
 Не прошептали, чем "Цветаева"

Дорогой Анастасии Ивановне в память искристых дней в Новом Свете

4 окт. 1971 г. Валерий Исаиц"

На открытке генуэзских башен — надпись:

Дорогой Анастасии Ивановне Цветаевой в память блистательной совместной поездки в Новый Свет.

4-5 окт. 1971 г. Валерий Исаиц.

Над этой надписью — четыре строки его стихов:

Отрадно грусть свою рассеяв,
Забыться в сутолоке дня...
Длиной в тысячелетье Одиссея
Косая тень преследует меня.

1971

Женя меньше, чем я, тревожится об Андрее, но Андрей — разумней! Валерик...

— Это нельзя словами сказать! Как я плыл в закатном луче, навстречу солнцу! Море было *такого* цвета — нет, это...

— Так пишите — стихи!

Недоуменный, счастливый жест:

— Не пишутся...

Мы вдвоем в Коктебеле, еще раз глотнув головокруженье красот, быстроты вьющейся (ворую из стихов Жени) серпантинном дороги... Ширь розовых вод и гор Коктебеля, юность моя, Ты!

Ночью стою на белой террасе над голубой ртутью моря. Эту луну видят Валерик с Андреем, беседуют под ней — вчера они в первый раз сблизились за беседой... Явь опрокидывает мечты: когда они вернулись на другой день, узнаем: Андрей спал в комнате, а Валерик, захватив два одеяла, ушел на ночь в пещеру и там, замерзая от осени, камней и луны: "Я почти не спал! Такая ночь! От нее помешаться можно! Я в ней растворился! Море, луна, одиночество, птица кричала..." Полузакрыв глаза, всплеск рук!

Но в 77 — всё уже *было*. Мне Марина о Коле Миронове: "Он природу — Байкал свой — любит не как мы Тарусу и Нерви! Как-то *за* пределом души..."

В последние дни Коктебеля мы, не дойдя до Библейской долины, где были за год до того, взошли горой к водоему, в этом году полупустому, и видели Максин оживший этюд: замшу и пепел холмов, рыжее горенье на склонах, пики гор на лиловом и золотом, и это все потухало, пока мы спускались — под руку с нашими мальчиками...

Должно быть четвертого (или пятого? да, уже октября) мы простились с Марусей и Максовым домом и вернулись в Старый Крым к Лизе.

О ветер, ветер колдовской,
Мой старокрымский ветер!

Ты веешь свежестью морской
 И горной высью, и весной,
 Ты пахнешь розой и сосной,
 Ты всех милей на свете,
 Но вдруг срываешься, шальной,
 И тучи гонишь пред собой
 Ко всем чертям на свете!
 Потом, натешась злой игрой,
 Внезапно просвистал отбой.
 И стихло всё. И кончен бой.
 И тишь да гладь опять с тобой,
 Мой старокрымский ветер!⁸³

Лизин дом, где нам рады она и кошки, где Андрей и Валерик с нами, куда приходит чудный и милый нам с Женей Виталик (ее названный внук) — тоже уже родной дом. Уют еды у окна в сад, через тарелки прыгающие коты, радостный лай Наки (Жука уже нет — *отдали* черного Жука нашего, но — в хороший дом!) и кто как Лиза оценит все тонкости пригоршень камней — Жениных, моих, ей привезенных в подарок, Валерик раздаривает свои, Андрей, отболевший ими, — одобряет.

Наш поход на источник св. Пантелеймона за водой (втроем — Валерик, Женя, я) — вечерние холмы, луна, тишина, тихий звук воды, текущей с четвертого века...

Но Валерик рвется еще побыть одному — в Коктебель, там и вещи его в том волшебном саду, куда за ним заходила, он уедет седьмого и вернется десятого — покупается еще. — Хорошо? Встревожась о его плаванье и ночах, о горах и обвалах, сказав сердце, говорю: хорошо... Его взгляд в глаза, рукопожатие, обещанье быть осторожным... Его нет. В ночь на восьмое я пишу стихи — в первый раз за 28 лет!⁸⁶

Без Валерика, я с Андреем и Женей идем купить еду, хлеб, рыбу еще что-то. Идем назад. Андрей варит рыбу и кормит всех нас.

Но девятого мы шлем в Коктебель телеграмму Валерику: час отхода автобуса на Симферополь, еще с ним мы решили поездку в Бахчисарай, Севастополь и Херсонес (Будем ли мы через год — живы?..) Но зайдет ли он на почту и спросит ли до востребо-

вания? День проходит в тревоге. Но наутро! В распахнутой в нетерпении двери, в облаке лая Наки — он почти врывается к нам, и — я первая по пути — не скрывая "приличием" радости встречи, выдавая с головой — соскучился! — наклоняется с беглым полюбьятьем, глаза в глаза. И — к Андрею, и к Жене. Еле попал на автобус! И — на стол — россыпь коктейльских камней, и не только, *еще* одной бухты! Лизе — Жене — мне!..

А Лиза — россыпь винограда и слив!

День сборов. Мы с Женей стараемся хоть немного уложиться, мы вернемся к 12-му, 13-го надо ехать; 14-го она должна быть в Москве — год со смерти любимого двоюродного брата Бори. Один день с утра в Феодосии, вечером — поезд в Москву.

Мы *опоздали* на автобус? Или — раздумали ждать? Мы в такси. Бог мне шлет то, чего не дал за жизнь: любящий сын — рядом. (Но — у него есть мать⁸⁷. Она много меня моложе... Но должно быть только к не родной матери — нежность и благодарность *такие*...) Пробую урезонить себя: это потому что — *внове* ему... Но ненасытность его привязанности, вскользь сказанное "...потому что я — счастлив..." сеют солнечный дождь волшебства на наш день. Добром, лаской сияют темные глаза Женины, а Андрей — это просто ангел! Близость Валерика отплачивает мне за все резкости моего родного сына, за его, в трагичности его судьбы, холод ко мне. Господи! Ты же знаешь — я в 28 отреклась от личной любви, за это, может быть, Ты и даришь — в 77 — Такое!

Мы Симферополь пролетаем, еле видя его, только меняем такси: в Бахчисарай! (Не была в Симферополе с 23-х с Вале⁸⁸, больным, любимым... Тут — его операция, мысли о смерти с ним, если... Тут было "Кафе сердечное" (ый?)... Не те улицы, не те дома, все прошло! *Его* нет на свете...

В Бахчисарае ищем адрес — остановиться — тщетно: художница⁸⁹ — звала, ждет. Но, спутав улицы Восточную с Восстания — едем по кривым — вверх-вниз, улочкам Бахчисарая по второму адресу и находим его, отпустив такси, пешком. Поэтессы (соотечественницы Валерика!) армянки Марии Альбовой⁹⁰ нет дома, будет вечером. Заносим наш огромный рюкзак к соседям и — налегке — в Музей⁹¹. Тип

мечети. Тут был гарем. Восстановлены его комнаты. Восковые куклы в натуральную величину, наложницы Хана: любимая (русская, в кокошнике с жемчугом) и еще 300 их жило где-то там, в комнатухах. Сердце полно: вот когда бы я сюда ворвалась с войсками, хана — в плен, их — на волю! Но не с кем поделиться этим неожиданным азартом — Валерик пошел бродить отдельно от нас, разглядывает стены, убранство мавританского стиля, хочет побыть — один; моя тоска — жгучей. Бедные женщины, оне!¹⁹² (Бедные — мы... Непонятное мужское сердце!)

Мы у "Бахчисарайского фонтана"¹⁹³. С Валериком, вчетвером.

Но жизнь мчится. Пачки видов Бахчисарая, на них нежные надписи, уют обеда вчетвером в местной столовой, сидим с Женей, мальчики нам несут тарелки со снедью, в стаканах питье...

Над Бахчисараем — с Пушкиным, Мариной, Лжедмитрием, и стихами Марины о них — синяя ночь, обрывок луны зашел за гарем, кривые улицы — лунны. Альбовой всё нет, и мы бродим, смешав мальчиков — Женя с Валериком, я — с Андреем, говорим, говорим... Решаем зайти все в кино. Ждем начала его под шелковицей? На скамье. Лунные тени... Жизнь летит, сердце замерло тоской о прошлом. Я не видела фильма (может, спала?).

Альбова приняла нас, но четверых устроить не смогла, дала адрес близкой гостиницы. Мальчики, попрощавшись, ушли.

Поэтесса, Армении дочь, накормив, уложила нас на диванах с горой подушек под картинами, портретами и стихами. У нее тоже страсть к кошкам. И уже стоит ночь.

Синяя магия сна,
 Черный уснувший буйвол.
 Медленно падает с нас
 Мантия белой тоски.
 Ночь без просыпу и дна
 Так упоительно луна...
 Черный на синем зрачок.
 Черный уснувший буйвол.
 Оцепененье влечет.
 Только минуты близки
 Света, что выплеснет, рьян,
 С рыжим проснувшимся хрипом...

“Улица. Ночь. Египет”
Мартирос Сарьян.⁹⁴

На утренней, солнечной узкой улице Бахчисарая мы сели в автобус на Севастополь. Я не помню особенностей пути. Но когда на автобусной площади знаменитого города, дважды героя, — где я не была с одиннадцати лет, Марине — тринадцать, с еще живой мамой, с папой... — Андрей и Женя никак не могли решиться, ехать ли нам в гостиницу или идти за женщиной, звавшей к себе на квартиру (я держала нейтралитет, чтоб не спорить, *хотела ж* (как и Валерик — в гостиницу, чтоб *свободней!*) — я увидела в первый раз моего — сына? внука? кого? — в раздражении. Озираясь, как затравленный, он сверкал глазами, насмешничал, возмущался. Я ласково успокаивала, звала в юмор: не всё ли равно, только бы все миром. Андрей в азарте спора, чтоб убедить Женю, стал рыцарски на одно колено, и, смеясь, Женя сдалась. Потеряв время, поехали на край города на автобусе (а говорила — женщина — рядом), и там, вместо обещанных комнат, женщина рассовала нас с вещами, меж комнат с людьми. Был и юмор: “одного из парней” — с собой в комнату. Мы с Женей, смеясь, матерински не согласились, и наших мальчиков зачихали вместе, но в проходную.

Маленький садик в уступах, досчатый скворешник уборной, от него — вид на город. Но, умывшись, уже не терпит более ничего Валерик: “Пока Евгения Филипповна отдохнет и соберется с Андреем — *едемте* в Херсонес! Встреча с ними у входа в Музей!”

Жене было душно в комнате, и она устала. Я распахнула окно, спросила, когда их ждать, сказала о плане Валерика — и мы уже летим с горы...

Автобусный путь! В “русскую Помпею!”, как когда-то мальпосты и омнибусы, в век шарманок и музыкальных шкатулок, ты везешь нас, автобус, через весь грохот города — в тишину старины... Мы идем, Старость и Молодость, остатки женской души — и расцвет — мужской, мимо каменно-известковых стен — туда, где синеют покой и прохлада. (Так стрелка компаса знает, где Север...) Я не думала, что это так близко! Из одного Царства Истории, Русской — в Историю Греции... Херсонес!⁹⁵

Мы проходим меж низких стен, домов редящих — кончаются — кончились, и на повороте Валерик мне говорит:

— Мы потом зайдем к одному моему другу, здесь живущему за виллой Боргезе, у площади (я забыла иностранное слово).

— Хорошо, — отвечаю я рассеянно, радостно, не все ли равно куда, к кому... Если ему так хочется! Перед нами — от белизны мраморной больно глазам! Сердце бьется... На фоне светло-синего, с растворенной струей зелени посередине — невиданный цвет! моря — две колонны, стройные, и еще там — обломок... и там — колонна, и там... Стоим, занемев. Но рука спутника твердо берет мою, и проходим влево, поворот, лесенка... Он нагнулся: он читает название древней улицы (восстановленное). У фундамента разрушенного дома, сколько ни видит глаз — вправо и влево — чертеж руин⁹⁶. Лишь вперед — необъятно взгляду — море. Мы сошли на берег. Доведя меня, он останавливается:

— Ничего, если я немного похожу тут — один?

Голос ласков, лишь слова — отдаленные.

— О, конечно!

Легкий прыжок — и он уже векарабкался на отлогий холм, я вижу его, близящегося к колоннам... Ему жарко. Он снял свитер, тащит его за собой (потеряет?), стройные шея и руки обнажены вокруг синевы майки, черная голова мелькает над развалинами... Грек!

Я лежала, блаженно греясь и отдыхая на удивительного вида камнях: светло-серые, светлее помпейского пепла, и все в мелких ямках, углублениях, точно их грызло чудовище. А подушка меж них, везде — перламутр: осколки, кусочки раковин, тускло-жемчужных с краем сиянья. Я их набираю — пригоршню. Я погрузилась в это сказочное занятие, откладывая: Валерику, Жене, Лизе... когда легкий шелест камней поднял мне голову.

— Как! Вы?! Вы же хотели *один* побродить...

Сел рядом.

— Побродил! И — соскучился! — улыбается.

Лег, полежал. Тишина, какой не бывает! Никого. Взял камни.

— Тут ходило доисторическое чудовище. След когтей... (Подняв на ладони — камни.)

Он, кажется, еще загорел? Чудесная красота Валерикина лица, добрая — мальчишеская? — улыбка... Уже встал.

— Я выкупаюсь, хорошо? И посохну потом на солнце. Я — древний грек... О, я не заболею, не бойтесь!

Здесь, в Греции — он уже плывет, чеканя на морской синеве свой профиль, и мне кажется, это я плыву в синеватой зелени тихих волн, мне прохладно в воде — так мы близки!..

Море, греческое, Херсонесское море, кто опишет Тебя? Слово "малахит" грубо, и цвет — темней. Но оттенок его, раскаляясь далью и солнцем так отличен от всех морей виденных, что Ты — в дай Бог долгую жизнь плывущего по Тебе Валерика и тот остаток ее, что мне даст Бог — Ты останешься в сердце нерушимо, вечнее и художнически — точнее, чем этот беспомощный осколок стекла, бутылочного синевато-зеленого, что моя рука задумчиво положила на платок, на горку раковин перламутра — чтобы взглянув, — вспомнить?

Но, может быть, уже ждут нас Женя с Андреем. Поднимаемся, отрываемся с будто родной земли, отдохнувшие от пути и усталые от испытанного идем вверх, через мертвый город, — о мертвый ли! — в "живой" Херсонес... Но вокруг большого здания Музея (до которого еще мы помедлили у развалин древнего цирка — Валерик легко соскочил в "оркестр", оставив меня на высоком каменном постаменте, подошел, сделал было движение снять меня с него, как ребенка, но я взяла его руку и легко спустилась уступами на дорогу) — у Музея *нет* Жени с Андреем. Мы всходим по крутой лестнице, и — по музейским залам. Господи, как сходен Твой мир! Выдувать стекло они умели еще тогда? Как в Венеции, как в Помпее... Легкими разводами голубизны и розовости тускло сияют бокалы и вазы... Мелочи женского украшения — как в Египте... Мы не забудем тебя, Херсонес!⁹⁷

Мы встретились, выходя, с Женей, Андреем и посидели, поджидая их на скамейке Музейского сада.

Мы сидим вчетвером над берегом моря, в развалинах. Вечер. Легкая прохладная лунность. Солнце зашло, окрасив несказанное море. Тишина. *Тут* мы поужинаем, никуда не пойдем! Хлеб, сыр, гречские

орехи... Из термоса скупое питье, драгоценное, по очереди. И уже начинается — ночь?

Когда мы проходим меж улиц-фундаментов, Валерик говорит:

— Он живет недалеко за виллой Боргезе, — и он называет Римскую площадь... Почему я поняла *теперь* его шутку? Я ведь и тогда слышала название Рима — но в толк не взяла, что — шутит? Или присутствие *других* слышащих меня пробудило к трезвости?

"Живой" Херсонес проходим быстро к автобусу, и мы в Севастополе. Но тут различная стремительность шага снова нас делит, и Женя с Андреем не хотят на Университетский бульвар, он — в гору и к Панораме, у них другой план... Расстаемся, повторив адрес нашей квартирной хозяйки, обещая *не очень* запаздывать.

Темный вечер. Гул большого приморского города. Европейского. (С этим мы согласились все.)⁹⁸ Слава им пережитых войн подымает и нас. Мне будет легче подниматься по довольно крутому шумящему саду. Панорама закрыта. Стоим перед памятником старинного севастопольского героя, читаем его имя. И внезапно выходим вбок под листвой к открывшемуся виду на город: столько огней я не видала нигде! Любуемся. Захватило дыхание. Огневая гора...

— Непременно будем с Вами в Ереване! — голос Валерика ласков и убежден. — *Похоже* на Ереван! Но там — *еще* лучше! Выше — величественнее... (Будем? О, непременно... Кто меня оторвет от моего мальчика и его от меня?..)

Я очень хочу его *личного* счастья, я ему это сказала, я *видела* на террасе у Макса женщину, его достойную — *как бы* я ее полюбила! Но на мои слова ему, когда она, растаяв почти виденьем, исчезла, он мне: "Никогда мне не говорите об этом... Это мне совершенно не нужно... Я очень счастлив теперь..." Мы еще видали — сверху же — заводь, гавань со множеством кораблей, вода вокруг них была таинственна и темна и молчала о перенесенных войнах.

Нет, мы еще сошли в Графскую пристань.⁹⁹ (Это было *последнее*? Или последним волшебством была

— Лестница?) Да, может быть. Нет, может быть, нет. Спросить — некого. Решаю — сама!

Мы пробирались на Графскую пристань (я там была с родителями и Мариной в 1905 году¹⁰⁰). Вдруг — влево от нас, круто вверх, полускрытая мощной зеленью — нас позвала, остановила нас — Лестница. Мы не могли ее миновать. Это была Лестница в Андерсеновский дом, даже еще торжественней, потому что она была так высока, что она нас — высотой и заманила. Забыв всё на свете, и путь наш, и поздний час, мы вошли, — я почти легко, — откуда взялась пружинность в ногах? — по ее разветвляющемуся разливу. По необычно крутым ступеням. Сердце билось. Было чуть страшно — увлекательно — оглянуться. Мы взошли. И мы оглянулись. Мы стояли высоко над городом, его огнями, деревьями, крышами, под шумом, почти морским, веток, кончавшихся еще выше над нами в исчезнувшем небе. Еле верилось, что мы были внизу. Он сжал мою руку:

— Мы в сказке, — да? Постоим еще так, немного... Как не хочется отсюда уходить...

Мы спускались вниз — торжественно, было круто, полутемно. Не от этого! — он же твердо вел меня, я *не* боялась! — нам не хотелось легко отдать этот дом, эту Лестницу, ведущую к неизвестным людям — может быть, они нас ждали? А мы ушли? Мы их потеряли? Мы изменили — сказке? Мы сходим — вниз?.. Мы вместе и мы идем на Графскую пристань!

Мы прошли мимо левой многометровой стены, где начертаны имена героев второй Севастопольской войны, и я вспомнила — первых. Строки Ростопчиной¹⁰¹, которые 65 лет назад тут повторяла тринадцатилетняя Марина:

Двенадцать раз луна всходила
И заходила в небесах,
А все осада продолжалась
И поле смерти расширялось
В залитых кровию стенах...¹⁰²

Мы стоим у воды, она тихо плещется о длинные ступени. Справа и слева — огни. Слева — что-то вроде кафе, свет и тени. Мы идем туда. Мы стоим и молчим, лицом к темному морю, в которое окунулось небо, думаем, о своем, каждый. О прошлом? О

будущем? О — ком-то?.. Господи, как поздно! Нам нужно идти..

Мы так *далеко* от дома..

Когда мы, веселые и счастливые, вошли в — может быть, не тот? — трамвай¹⁰⁰, мы смеемся, как два товарища, остроумие брызжет с губ на забаву слушающим, на нас смотрят, нет у нас сил сдержать смех и погасить остроту обоюдных шуток, они — как рапиры, и их звон опьяняет нас еще более. Кто мы? О чем? И где?..

Но сойдя с автобуса (трамвая?), мы запутались — *где* та женщина с ее непонятной квартирой? Женя, Андрей ждут нас, — наверное, беспокоятся..

Но смех идет с нами: у ларька, где что-то купили — по коржику (денег всего — на два!) — взрыв смеха! А нас — четверо! А мы — пополам! Не хватает копейки! (Смех валит с ног.. Но когда, взяв коржи, обещая завтра копейку (продавщица машет на нас рукой, как на школьников..) и послушав ее, *как* нам идти "домой", мы через пять минут, потеряв позади ларек и не найдя указанную улицу, понимаем, что запутались прочно, что — заблудились.. смех качает нас, как ветер — деревья, и мы уже идем — наугад? Никого. Пусто. Но вот идет человек. Старик. Отвечает. Затем догнав нас — мне:

— А он кто тебе? Сын? Вместе идете? Ну то-то.. (стараясь перебороть сомненья) — а то, знаешь, бывает..

Бывает, соглашаемся мы, но, тронутые его заботой, — уверяем, что всё хорошо. И благодарим, поняли: налево — и вверх!

У дома — у равных двух, трех домов — снова берет нас смех: Валерик входит в средний, но лай (а там собак *не* было! возвращает его мне, и мы, крадучись, входим в наш дом. Сонная тень отзывается на наш тихий звонок. Входим с карманным фонариком. Его луч падает на Андрея, он — спит? Но корж в руке, и он просыпается, добро.

На цыпочках вхожу в комнату где спят и Женя, и еще чужая, но мне *приходится* разбудить Женю. Наконец, в темноте выхожу еще раз — благословить на ночь Валерика, и устало ложусь, в темноте.

Перед тем, как расстаться с Севастополем, мы пошли в столовую, вчетвером. Мы завтракали с юмором наверху на автобусной станции.

Отъезд из Севастополя автобусом — а дали два задних места — Женя и Андрей, а мы сидим на одной из передних скамеек.

Я не помню обратный путь. Может быть, спросить у Жени. Может быть, Валерик поехал в Коктебель?

Мы вернулись 12-го, как хотели.

В Старом Крыму, укладываясь, прощаясь с Жениными друзьями, подругами, — прожили еще целый день.

Вечером мы в последний раз легли спать в доме Лизы. Валерика покрыли пальто и кошками (они шли к нему сами), послушав стихи его —

С моей бродячей судьбою
Какое сравнится веселье?
Какая тоска надо мною
Взовьется острее и беспцельней?

Вдали от родных перелесков,
В долинах яшмы и крушины,
В развалах твердынь генуэзских —
Я изнемог от кручины.

Порою мне люб был рыбачьих
Огней засветившихся вызов,
И стих мой, смятеньем утрачен,
Роднился с умеренным бризом.

— поборов сопротивление их, вместе уютно поели.

Андрей согласно шел вместо Валерика ночевать к Виталику, которого Валерик осуждал за его "свободное" обращение со мною и с Женей. В то время, как я веселилась с Виталиком, дружно слушая его крайние мнения о поэзии, взволнованный этим Валерик был Женей уложен в соседней комнате на кровать, и она лечила его — пассами¹⁰⁴, успокаивая его непониманье Виталика.

А потом — прощания, последние подарки камней друг другу, слезы старушек, расстающихся с Женей — и нагруженные багажом наши синеглазый и кареглазый мальчики выходят из Лизиного садика под лай Наки из гостеприимной калитки, — прощайте, друзья, прощайте, собаки и кошки, прощайте, воспоминанья, прощай, Старый Крым... и мы садимся в такси.

АЛЕКСАНДР ГРИН
АЛЫЕ ПАРУСА

Федосия

№ 131

7-41
16-49-90

Имя: Владимир Грин

подпись

и телефонный

Адрес

П. П. Г. 27-09-1971 г.

радоснейшей
с любовью
со мной
Феодосийский
музей А.С. Грина
Г. В. Суров
Г. Лушкова
С. Давыдов
Художник В. Бельманов
В. Суров
В. Лушкова
В. Давыдов

Милой и дорогой
Настасии
Ивановне
Цветаевой
25-летней
в
день рождения,
с пожеланиями
долгих лет
здоровья
и творческих
радостей

Распашной титул книги А.С.Грина "Алые паруса" и факсимиле дарственной надписи: "Милой и дорогой Настасии Ивановне Цветаевой в день рождения с пожеланиями долгих лет жизни, здоровья и творческих радостей. С уважением, сотрудники Феодосийского музея А.С.Грина [подписи]". Феодосия, 27 сентября 1971 г. Фонды Дома-музея М.Цветаевой (Москва). Воспроизводится впервые

День отъезда! Дружба — цветет. Мой юный друг понимает меня со слова, со взгляда — какое невиданное поприще "перевоспитания" открыто тут в

этом сейсмографическом существе! И как грубо *это* слово "перевоспитание", когда оно расцветает улыбками и растопленным взглядом — так близко у твоего давно замерзшего сердца, пережившего столько бедствий и бед... Точно молодость возвратилась в феодосийском морском ветре! Но как может *он* не видеть старого моего лица, как он может *мне* так улыбаться? Кругом — столько молодых лиц... Выходя в тот раз две с половиной недели назад в день моего рождения (было четыре дня с нашей встречи в Максовом доме) из музея Грина — с канатными якорями, с носом корабля — в натуральную величину, выходящим из угла комнаты, где Грин жил когда-то¹⁰⁵, с картой Гринландии на потолке узкого лестничного прохода — на эти Лиссы, Зурбаганы и Каперны — гриновские фантастические города¹⁰⁶ — на мои слова фантастическому Валерику: "*Какую* я видела женщину — изумительную, увидела на входном балконе у Марии Степановны, прямо Диана Вернон из "Роб Роя" Вальтера Скотта — такую я бы хотела для Вас — невесту...", он ответил: "Не хочу слушать о молодых женщинах! *Что* может мне дать молодая женщина — после всего, что я начал от *Вас* получать в эти дни? Я счастлив, и мне ничего не нужно..." Конечно, я *лучше* поняла кажущуюся неосмысленность его слов после новосветской прогулки над лунным морем с его рассказом о трех встречах его, — но мелькнуло, что тех имен — больше, в Севастополе он сказал, что первая его любовь была в четырнадцать лет — восточная кровь, поэт, может быть, и неудивительно, что он за двенадцать лет тех чувств устал, разуверился, застремился к чему-то иному, *отошедшему* от той области с иным взглядом на мир, из которого струятся философия и искусство, *для него* некий Зурбаган или Лисс. Но в *это* утро отъездное, когда мое глупое сердце было готово к продолженью непрекращавшейся нашей беседы, и я, садясь в такси, взятое нами на коктейльской дороге, хранила для него, еще не севшего, место рядом, он, запоздав, вскочил в машину не справа, где была я, а слева, к моей родной Жене, и та, в спешке, в неожиданности, попросила меня потесниться, а Валерик рассказывал что-то веселое, случайное и ненужное, — я подумала, что вот Андрей, севший вперед, к шоферу, и оборачивавшийся

к нам то и дело синим озерным взглядом огромных невинных в величине, в синеве, в небесности своих глаз — тот не ошибся бы так¹⁰⁷...

Эта правдивость! Она же портит жизнь — да и еще как! Когда Валерик, выйдя и подойдя ко мне, пошел, в Феодосии — рядом, я была пуста, как облетевший одуванчик. Ни слова во рту. Ничего в душе: одно удивление. Но сейсмограф отметил всё мгновенно — и точно: отошел, шел поодаль, наклонив голову, затем — заговорил с Андреем.

Когда приехали мы на вокзал на такси с вещами, и когда еще не была кончена суета сдачи их на хранение — нас ждала скромная, но пылкая депутация от феодосийских писателей, поэтесса Б. и поэтесса К<рестини>на¹⁰⁸, приглашая меня посетить... Мой скорее кислый, чем сладкий грубовато-резкий отказ, просьба нас подождать на вон той под деревьями и кустами скамейке — мы сейчас туда придем — ненадолго: наш день связан с нашими молодыми спутниками, они стремятся купаться.

— Но, может быть, они и пойдут покупаются, а мы пока... — дамы-писательницы.

Кисло-сладко улыбаются 77-летние губы, хотящие одного: свободы!

— Нет, — никак: с пляжа мы должны вместе с ними — у нас еще много дел...

— Мы на скамейке...

Поэтессы привычно и грустно покоряются решению старших: ждут — приветствуют — благодарят... и, когда от нас отсев, наши юноши углубляются в *свой* разговор, мы под сенью качающихся в ветерке морском ветвей (шум воли перед дворцом Айвазовского¹⁰⁹ доносится ритмично и беспрепятственно, Женя — поэт и я — не-поэт (стихи мои пять дней назад? После 28-ми лет — одни? *Einmal ist Keimmal...*¹¹⁰), беспрепятственно проваливаемся в содержание стихов поэтесс этого волшебного города — и чудом не менее фантастичным, чем *Гринландия* — это оказываются превосходные стихи... От того и провалились мы — *беспрепятственно!* Настоящие души. Настоящее сердце. Настоящие рифмы... И я на миг позабыла Валерика и Андрея и не хочется — уходить... Опрокинулось все: долгом стали Андрей и Валерик, желаньем — эти две женщины...

В осеннюю песню распахнуты двери:
Здесь листья сумаха, как алые перья,
Стоцветною гаммой кустарник на кручах,
Прощаясь пылает красою горючей.
Лиловое, желтое в ало-зеленом,
Звенит разноцветье малиновым звоном!
...Лесная тропинка по горному склону,
Недвижные мачтовых сосен колонны,
И где-то в вершинах — чуть слышные шумы...
И рокот потока в ущелье угрюмом,
И старого ворона крылья в паренье,
И белка на ветке в игре светотени,
И дальние горы в опаловом свете,
И легкий, на хвое настоенный, ветер,
И неба сентябрьского яркая просинь...
Вхожу, будто в песню, я в горную осень.

<Н.Крестинина>

ВЕЩИ

(шутка)

Вещи не любят насилья
Так же, как и люди,
За нашу власть над ними
Они тихонько мстят,
Положишь вещь куда-то
И тотчас же забудешь,
И ищешь наугад.

Вещи бывают злыми,
Они не так добродушны,
Очень бывает обманчив
Даже их внешний вид.

Вот, например,

ваша личная

Пуховая подушка
И та уколоть вас коварно
Пером норовит!

Вещи бывают капризны,
Бывают строптивы вещи,
Индивидуальный
К каждой нужен подход:
Щетка ли это зубная,
Щетину сорящая вечно,
Иль ж допотопный
Прабабушки комод.

Если не так положишь,
 Если не так поставишь —
 Будут ломаться, падать,
 Нудно скрипеть по ночам.
 С их характером трудно,
 Приноровляться устанешь,
 Как уживаться с ними —
 — Не понимаешь сам!
 Ну, а если теряешь —
 Вдруг становится грустно,
 Ищешь вещь, как друга,
 “Где ты, — думаешь, — где?”
 И без нее, как взглянешь,
 И неуютно, и пусто...
 Видно, еще и чары
 Вещи в себе таят!

<И. Крестинина>

Но желанье привычно-покорно, и мы встаем и прощаемся. И... уходим.

Вот тут должно быть и произошло это — с моим молчаньем, с Валериком, с его сейсмографической грустью. А затем — пляж; прохлада (октябрь!). Мы, Женя и я, медленно раскутываемся на морском, но теплом ветру (Жене привычны простуды, даже пневмонии, но ей уютна — свобода, радость дыханья! Я — я ни разу пневмонией не болела, я человек закаленный, я полгода назад мчалась по льду на беговых коньках...) И мы вместе, и нам хорошо. Вполне бессловесное понимание!..

Наши мальчишки — в майках, в трусах, мокрые от купанья, бегают взапуски — и прыжком через что-то — по берегу. За их (ничего не понимаю в мужском теле, нравилось только — женское...) мужественными? юношескими? какими-то там телами — беспрепятственна сине-зеленая даль...

Женечка, вот *такое* же море — в Нерви и в Ченце... нам с Мариной было 10 — и 8 лет! И в Анапе! Еще жив был Митя...

И когда (все ритмично в душе, в дне, в ночи, в вечере, в утре, все таинственно подвержено некому музыкальному ритму) нам улыбаются синие Андриины и темные Валерикины глаза — вдруг день раскрывается еще раз — во внезапную доброту, в *qu'importe*¹¹¹, через несколько часов мы уедем —

через год — Бог весть где мы будем (и будем ли?..) и солнце, дрогнув, зайтарилось сильнее — наши мальчишки, верно, голодны? Материнство наше всполаживается — надо идти — обедать! В столовую! Они убегают еще раз сполоснуться, мы — закутываемся, отряхаемся от песка, ждем их с таинственной 100-летней улыбкой — и вот уже уют столовой, супов, винегретов, им — мясных блюд. Покупаем на дорогу еду и выходим в город бродить — напоследок. Сегодня Женя расстается с Андреем, Андрей пока остается в Крыму...

Или мы были в кино? Нет?.. (77 лет мои не помнят уже, что было восемь месяцев назад! Пишу в поезде; Павлодар-Москва...) Возле какого то кино мы расстались и пошли — *они* медленно, как в Херсонесе и Севастополе, *мы* — быстро, потому что я хочу (вдруг с Валериком отыщу то, что не отыскала несколько лет назад со студенткой Наташей?) *попытаться* найти старые мои квартиры — до первой войны и уже в революционные годы, обе — на Карантине...¹¹²

Быстро смеркается Юг! Фонари, родив тени, превращают улицы в Зурбаган, глубже *еще* — в Андерсена, уставшие было ноги делаются вновь легки — все в некоем таинственном музыкальном ритме, мы легко взбираемся на крутую гору полуузнанную — тут Борис в 19-м стоял в очереди среди баб — за водой, все странно изменилось, признаки стали призрачны, всё сместилось — но несомненно морская даль.

И стоит через дорогу дом, как во сне и сходный, и несходный с тем, где — несколько жизней назад... Нет, не может быть! Мы же так искали его с Наташей... Но с ней мы даже и улицу не нашли, то есть — гору. *Горы* не нашли! А с ним...

Мы идем по краю дороги высоко над полуисчезнувшим городом, над меркнувшим морем с над ним еще светлеющей полоской неба. Первые звезды. Тут стих морской шум.

Но Валерик уже стоит у ворот, указанных нам старухой — она все знает! Дольше всех тут живет! Андерсеновская старуха! Зоркий взгляд: чьи мы будем — зачем — и откуда? Но и мой, старухин в старухины — поднята завеса — начинается андерсеновский мир...

Феодосия. Рисунок В.Исаянца.
Перо, тушь, 1972. Фотокопия из архива А.И.Цветаевой.
Воспроизводится впервые

Андерсеновская помнит всех, кого я, жена Бориса, любила и знала, — и тех, у кого я жила, и художника русского¹¹³ — вот там была мастерская (как раз под первой звездой!) и Богаевского — тот пониже жил, свой дом¹¹⁴, как же... мирового судью Лампси¹¹⁵ (он грек был, *добрый судья был...* сестра у него музыкантша — ну как же...). Но вот только у кого я жила возле Фесслеров — тех уже давно нет... Дом перестроили¹¹⁶...

Я бы стояла так — век! Всё вспоминается. Но небо над морем померкло, время идет, наш поезд... Мы прощаемся. Исчезаем, как в сказке — она долго, верно, смотрит нам вслед.

Все всколыхнулось *так*, что моя бы воля — я бы Паркой, от той Парки просто бы с горы — вниз... Так страшно войти вдруг с Юностью чужой — в мою Юность, *убедиться, переступить* порог.

Умоляющий взгляд: Валерик, это *тот* дом, я узнала, хотя, как во сне, совсем другой вход — поздно, идемте! Чужие люди, им — мешать, у них — своя жизнь!..

Но Юность — неумолима (ему это что — История? Или — ужели — *моя жизнь* ему дорога?). Твердой рукой он вводит меня во двор:

— Тут, она сказала же, перестройка!

И как к знакомому, он подходит к — чужому:

Анастасии —
 Феодосию — The — Deos
 Ваш и мой!
 Валерий
 Исайца
 X. B.
 1971

Факсимиле автографа В.Исайнца на обороте этого рисунка: "Анастасии — Феодосию — The — Deos... Ваш и мой! Валерий Исайца"

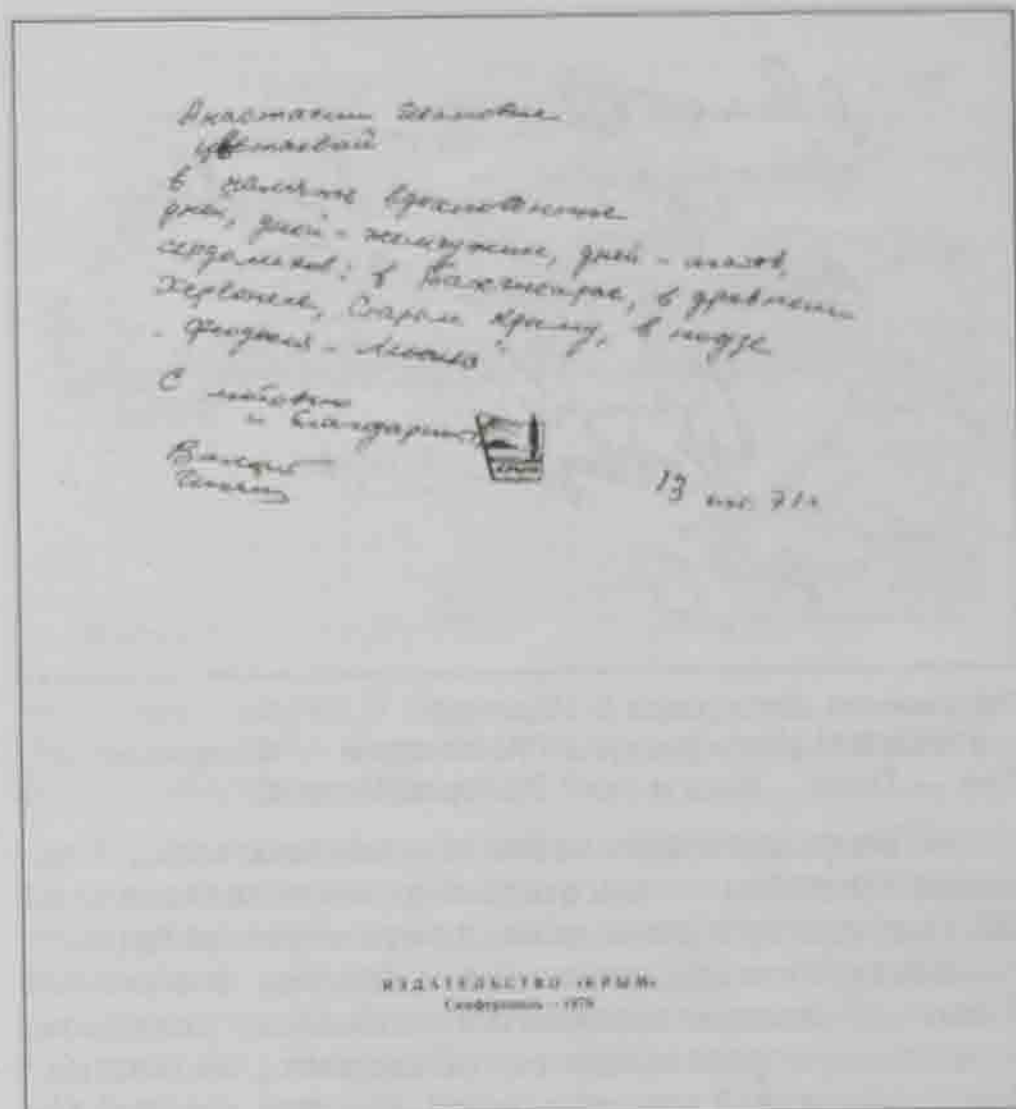
— Разрешите нам войти в дом! Анастасия Ивановна Цветаева — писательница — познакомьтесь! Жила когда-то в этом доме, до его перестройки...

Милый юноша, застенчивая старуха, необычный визит — человек становится любезным хозяином, приглашает, рассказывает, объясняет... Волошин? Максимилиан Александрович? Как же, как же! Он сюда приходил! Помню его хорошо... Тут тогда дверь была — в зало (!), а парадное — перенесли во двор... Знаете, война с фашистами, разрушения...

Но уж что-то началось — со мной: в полутьме я вдруг различила низкую дверку: *я ее узнала?* Узнала дверь, забыв ее 50 лет? Знакомо, не отвечая на мое ужаснувшееся изумление, скрипнула дверь, и хоть в ней было пусто, в углу — хлам, я, захлебнувшись узнаванностью углов, подоконника, низкого разлатого окна — туда, им, назад: "Тут я жила с восьмилетним Андрюшей, когда в зале мы замерзали. Сюда ночью к нам впихнули солдат во вшивых шинелях, они не чесались, уснули — как мертвые... На полу. Я спала там, в углу, а сын — на диванчике... Тут он переболел корью, и с нами чужие дети, брошенные после боев..."

От ужасной тоски непостижимой меня уже рвануло — во двор, прочь... Но Валерик — в дверях:

— Вы не хотите взглянуть на залу? Дайте руку, надо обойти — так...

Факсимиле автографа В.Исаянца на брошюре
 "Панорама обороны Севастополя (1854-1855)"
 (Симферополь, 1970):

"Анастасии Ивановне Цветаевой в память
 вдохновенных дней, дней-жемчужин, дней-агатов,
 сердоликов: в Бахчисарае, в древнем Херсонесе,
 Старом Крыму, в поезде "Феодосия-Москва".
 С любовью и благодарностью. Валерий Исаянц.
 13 окт. 71 г.". Архив А.Цветаевой.
 Публикуется впервые

Я стою на пороге залы — я вошла в нее с того
 света: с той стены, где были окна — (а где была
 дверь — стена...).

Но это она. Комната моей жизни со спящим
 Андреюшкой. С неспящим другом моим, Леонидом⁽¹⁷⁾,
 горбатым. Ума, доброты — ангельских. Он болел. Я
 стояла — вот тут — перед ним на коленях, сев на
 ковер. Бережа его. И себя. Я была первой женщиной
 его жизни. Двадцать три, а мне — двадцать пять. У

меня и тогда всё уже позади было, у него — всё впереди... Он умер в 57, он написал мне письмо, прощальное... Я живу, и мне 77... Он не мог позабыть, как и я, те дни и ночи, и дни, бои за Феодосией, всех погибших. Но я не осталась с ним. Марина звала — я уехала. Годы спустя он привел мне в Москве женщину, оставившую для него мужа, мы втроем бродили по ночной Москве...

Рука двадцатишестилетнего Валерика твердо ведет меня, мы спешим. Мы выходим во двор. Ночь. Слова благодарности, кто-то нам светит... Мы глядим на часы: до поезда еще...

— Анастасия Ивановна! Мы *пойдем!* Я уверен, что мы найдем и ту, вторую квартиру! Говорите признаки, как звалась улица?

Я не помню... Цыганская, Караимская слобода? Домик был № 8-й, *это* помню. Как дом отцовский в Москве! Вход был во двор, калиточка — узкая... Я снимала две комнаты — проходную и заднюю. Окна задней выходили в проулочек. А большой — на обрыв и пустырь...

Я жила тут после смерти второго мужа¹¹⁸ и сына, с лета 17-го, а держала квартиру до 19-го, в ней потом жили Борис со второй женой¹¹⁹, когда моя жизнь перешла к Вале¹²⁰ в именье, за Малым Тереком, в сад — как рай, в степь, где были миражи... и татарский Кайрам Байрам...

В задней комнате в 18-м Валя слег в приступе аппендицита, он собирался со своим англо-королевским черным конем¹²¹ в действующую армию, мы еще не сказали друг другу о вставшей меж нас любви, болезнь скосила его, как судьба, в двух шагах от моего дома. Врачи не велели трогать, я выходила его... Говорю ли я это Валерику, или просто спазм сердца? Слышу свой голос:

— Признаки? Из двора задняя калитка вела к морю и к Генуэзской башне. Башня ближе была, море — далеко, внизу...

Совершенно бестелесным, как Летучий Голландец, шагом мы летим по темным — редкие фонари — закоулкам, останавливаясь спросить случайного, мечась к тени башни, не это ли?..

Юноша? Старуха? Две тени, две души ищут чей-то прежний приют. Мы у башни. Не та! Но юноша замер перед величием Истории. Я:

— Когда-нибудь Вы вспомните, как Вы бродили тут со старухой...

Его голос ответно дрожит:

— Я *совсем* не чувствую Вашей старости... У Вас иногда лицо бывает *так* молодо!..

Голос ли пресекался его? Но я должна пресечь — что-то.

— Посмотрите *какая* башня! — говорю я, словно не слышав. — Это, собственно, какой век?

...Мы шли по незнакомым местам. Я понимала, я чуяла, что *тот* домик мы не найдем. И сжимал страх — о поезде. И нас *ждут!* Но, уже не ища, я не могла не понять, как мой *спутник* хочет, чтобы мы *отыскали*, и я шла за ним, всё глубже уходя от знакомого, не смея спугнуть для *него* очарованье часа, но уже *всерьез боясь* — опоздать...

Вверх, вниз, вправо, влево... Я еще вспомнила: тот домик был "дом Адамовых". Но и следами Адамовых мы идем не по тому рельефу... Видно, та улочка, где ко мне, цокая по камням — вверх, вниз — тропинки, въезжал на Рапиде Валя, стала уже насовсем — сном... "Вот он идет по земле — на своей фантастической лошади, вылиты из одного куска...", "если б сумрак не скрыл цвета его одежды...", "Нет, этот конь шагает не по земле..." "Это конь Ивана-Царевича...", "а там, где стая птиц пролетала шумом связанной сетью — заря, заря, заря, заря, заря..."¹²²

Полвека и четыре года с этих моих строк, мною забытых, и это *они* стерегут ревниво следы тех дней. Валя сам не отдает в руки моих теперешних спутников тень тех дней, воскресивших его душу Любовью, тень свою, по степи и городу ко мне скачущую, тень своего коня...

...Женя с Андреем уже беспокоились. Над Феодосией стояла черная ночь, совершенно волшебная.

— Вот "Астория"¹²³, где мы с Леонидом, горбатым, обедали, как все в Центропечати и Наробразе¹²⁴ в первые дни революции... — сказала я Валерику.

Суэта вещей из хранения, наши мальчишки превратились в верблюдов.

Поезд Феодосия-Москва¹²⁵.

Поезд отошел, как отходят все поезда И мы спим... А на другой день я иду в вагон Валерика (ему не

достался в нашем), и я прохожу через несколько, радуясь, что не разучилась — нисколько! — ходить через пружинящий скрежещущий тамбур — всю дорогу я помогаю Валерику разбирать, править его стихи, готовя из них две подборки в журналы. (Мать его, по его словам, любящая его жесткой материнской любовью, требуя его возвращения туда! — в Воронеж, к ней и к жене, которую он не выносит в браке, уж не шлет ему денег, мы с Женей поможем ему в литературных знакомствах, а кормить его буду я.) Он говорит, она стихов его не *понимает*, боролась с его поэзией.

Нас с Женей встречают друзья-москвичи, поцелуи, рукопожатья. Завтра мне будет звонить Валерик. А Андрей остался в Крыму...

Часть вторая

СХОЖДЕНИЕ НА ЗЕМЛЮ

Москва.. В Москве Валерик останавливается не у дяди, брата матери, где он мог бы дружить с приемным сыном того, инженером — а у недавно знакомого по Крыму, некоего Сережи, с ним едет — и на квартиру к нему.

Через несколько дней он приводит его к нам, еще через несколько — читает Жене и мне стихи, посвященные сестре Сережи Марине¹²⁶. Я слушаю пораженно. Молчу — сдержанно. Женя анализирует стих¹²⁷.

— Вообще, это не ей, собственно, — говорит Валерик смятенно. — Это Марине Цветаевой. И больше всего — Анастасии Ивановне..

— Мне? — говорю я ледяным и насмешливым голосом. — с п а с и б о! Марине? Ее *праху* — такое?.. Вы меня удивили, Валерик! По-моему, такие стихи, написав девушке, ей делают предложение. Иначе — дают право ее брату дать гостю — по лицу!

— Но я совсем не хочу жениться! — пробует засмеяться Валерик.

— Но Вы дали их ей — прочесть..

— Ася! Ты очень строга, — улыбается Женя, — но, конечно, дать *читать* такие стихи.. безответственно!

— Не хотите жениться? А чего Вы хотите — сказано недвусмысленно — в строчках. И все-таки не хотите? А для чего дали ей их — прочесть? Она что, поэт, строгий ценитель, что ли? Изменили бы имя — вместо Марины — другое.. Я бы хотела, чтобы Вы зачеркнули "Марина", — голос мой холоден и брезглив.

Но работа — звала: подборки! И когда в руках —

Живописец, маг армянских красок,
Чьи полотна —

гордость для страны,
Подарил мне, написавши разом,
Арагат с обратной стороны.

Друг-поэт в лирической отваге,
С чувством чуть осознанной вины,
Набросал мне на листке бумаги
Арагат с обратной стороны.

А мальчишка камешком базальта
У старинной крепостной стены
Что-то чиркал, напевая альтом...
Арагат с обратной стороны!

Мой читатель, не подумай всуе,
Что они фантазий лишены:
Ныне вся Армения рисует
Арагат с обратной стороны.

На другой странице —

Петухи еще не встали,
Дрыхнут курицы,
На двенадцатом квартале
Дрыхнет улица.
И решетками резными
Огражденные,
Облака еще не смыли
Накипь сонную...

а на следующей —

На самолете путь короткий.
В экспрессе свет и благодать
Но я мечтал достать пролетку!
Но я мечтал достать пролетку...
— Простите, что еще достать?
Пролетку! Ту, что в мрак
и в ливень,
Чтоб думать, чувствовать, любить!
.....
Чтоб ближе солнце разглядеть!
— Ну вот, нашел чего хотеть.

— всё уплывает куда-то: незадачливая красавица, се-
стра Сережи, с дерзким поэтом, не умеющим пред-
ложение делать — а через несколько строк —

И вдруг — однажды в Ереване —
 Из-за угла
 — удар под дых —
 Мечты и мистики на грани
 Упряжка с парюю гнедых!

— Разве уже не едешь в этой пролетке, и кто же тебе улыбается виновато (за глупые стихи эротические), как не сам поэт, сам "Живописец, маг" — и не с ним ли едешь, "Путешествие" — продолжается?..

Шагали баснословно гордо
 Два струнноногих рысака
 И тот, который с белой мордой,
 Мне поклонился свысока...¹²⁸

— "Струнноногих!" — разве это не прелесть, Женечка?..

И жизнь — катится дальше...

В Колюпанове день был 27 октября, с Валериком. Кто знал, что наступает в то утро нашего отъезда за колюпановской святой водой — самое облачное наше хождение, самое *н а с т о я щ е е*, со свыше поданной помощью — хождение по облакам?

В наше дружное нежное утро, когда, казалось, ничто не разделит — кто бы поверил, что тот, кого я сочла самым близким мне человеком, музыкальным сейсмографом — он-то сведет бешено-земным, не слушая меня, движеньем день — с облаков на землю? Но, противу пословицы, *то* утро не было мудрей вечера...

Был конец октября. Из друзей несколько человек — было. Ждали этой воды! Путь наш был — до Серпухова (поезд), оттуда автобусом до Алексина, далее — местный автобус и, сойдя на отлогом холме — у моста, пешком, лесной дорогой, хоженной уже пять раз — в пятьдесят девятом, шестьдесят втором, шестьдесят восьмом, шестьдесят девятом, семидесятом с друзьями. Расспросив (моя память ориентировки — плохая) у молодого друга¹²⁹, ходившего там со мной трижды — двинулись в путь, звеня бидонами. Последние деревья облетали. Лес за Алексиним¹³⁰ стоял сквозной, было ясно и тихо.

Какой чудный привал у дороги с жесткими осенними цветами... Какими-то ангельскими движенья-

ми заботы и помощи и кормления окружает меня мой спутник. Больше улыбаемся — чем говорим. Осенние паутинки, хрустальная даль полей... Так ли мы шли?

Всё не сходилось с указаниями московского друга. Заблудились, ясно! Но сквозь прозрачный лес мы вышли к Оке — Ока детства, любимейшая из рек! — и, по берегу ее, пошли искать тот конец ручья, что впадает в Оку. Мы нашли его. Он, правда, уходил под землю уже до дороги, не пересекая ее, но мы повернули как в шестьдесят втором, девять тому лет, и пошли медленно вверх, легко идти с пустыми бидонами! Шли, останавливаясь, слушая тишину. Валерик восхищался упоенно, вслушивался в еле слышные звуки, радовался, сиял... И вот мы выходим на знакомую мне полянку-равнину, долину, окаймленную холмами и кущами, — тут столетняя старица Евфросинья¹³¹ выкопала чудотворный колодец — 136 лет назад... В пятидесятом он был — как при ней (до постройки над ним часовни и рядом — купальни, уничтоженных в революцию: глубиной три четверти аршина, серые доски, дно в серебряных и медных монетах (не трогают!), на ветках бузины — церковные свечи... В Казанскую каждый год вся долина полна народу, старичок читает молитвы, а колхозный народ обливается, пьет, уносит с собою...¹³² Вода прозрачна и холодна, как лед.

В шестьдесят втором, заметив обмеленье, колхоз выстроил рядом из свежего (горбыля, теса?) — новый <колодец>, старый не тронув. Из него берут ведрами для больных, для нужд быта, имея в селе воду. (Сюда от села полторы версты.) В шестьдесят девятом, придя, мы увидели источник в его теперешнем виде: от колхозного сруба — ни следа, из колодца старицы вырвали доски, глубокая твердая темная яма, из которой течет по-прежнему — из-под камня — твердой утоптанной перемычки — уже узенький, не шумящий уже, ручеек: это поработали тут из-за Оки пришедшие промкомбинатцы озорные — тринадцати, четырнадцати лет. Но в Казанскую, как в семидесятом, сказали нам, долина полна народу — с разных сторон Союза...

Оглядевшись, налюбовавшись, сбросили с плеч лишнее — потеплело, пьем священную воду, соби-

раю на память осенние травки и веточки... Как олень, стал над ручьем Валерик, набрав три трехлитровых бидона и еще маленький (один литр). Просит не спрашивать его — помолчим! Хочу слушать ручей... как течет!.. звук самой тишины. Села на землю, улыбаюсь... А ручей течет... течет... Сто тридцать седьмой год!

Но нам надо назад — к местному, чтоб не унестить тот, до Серпухова. Омыв лицо, руки, шею, Валерик идет по холму, унося все три тяжелых бидона. Я, на миг одна с Ней, кладу ей земной поклон: "Помоги нам... всем!" И, с моим крошечным бидоном, — догонять по холму Валерика. Шли — по Ее полям, по Ее земле, Ее город.

Дождаться нам было — в Алексине на автостанции. Автобус шел в семь с чем-то. Зашли рядом в столовку. Нам продававшая, zalюбовавшись Валериком — мне: "Сын?" — "Сын!" — улыбаюсь. Улыбается и она. — "Хорош... И уж какой к Вам внимательный, уж такой..."

Смеркалось. Мне понадобилось в уборную — через длинную площадь. Над ней света нет, но я помню, где. Фонарь над площадью. Я взяла карманный фонарик, палку — пошла. Валерик остался возле бидонов воды. Только я хотела устроиться на каменном возвышении с круглыми дырами, я увидела тени мужчин, по ошибке входящих в первую часть уборной.

— Тут женская, ребята, — сказала я, — мужская — за углом, рядом!

— А, ладно, мать...

Вышли, тень голов по чуть светлому небу.

Вдруг — раньше, чем я поняла — откуда, где — исчезли, на меня набросились — двое. Сорвали со стульчака, спиной стою у стены и четыре мужских руки — в полном молчанье, ощупывают. Сорвали очки, бросили — треск их о камень — вальцы щупают мне глаза. Руки подняли платье, щупают ноги. Я говорю очень тихо, но ясно (потому что один, правый, очень противно дышит).

— Вы хотите насилловать меня? Я — старуха...

Молчанье. Стою, словно по чьему-то приказу опустив обе руки, не борясь, не пробуя вырваться. Мысль: "Убьют? Как глупо... Так близко!.." Чувствую через площадь Валерика, его горе... Не чувствую стра-

ха — совсем. Но "столбняка", ужаса — нет. Прозаично и просто, точно не о себе. *Сердцебиенья* не помню! Я, вечно, вечером по московскому переулку, еле слыша шаги — от стука сердца, в страхе крадущаяся к парадному... Мы все трое почему-то незаметно все ближе к выходу. Щупают еще и еще. Слышу свой голос — спокойный и тихий:

— Только не убивайте! У меня — сын...

Один отбегает — не идет ли кто. Вернулся.

— Вы ищете деньги? — догадываюсь я и спокойно: — На мне денег — нет! Мои деньги — на автостанции. Если кто из вас придет туда — я десятку дам. Больше — не могу...

Молча щупают: живот, ноги... Как странно, что совсем мне не удивительно, что меня держат двое мужчин, отняли очки, палку, фонарик... Точно мне кто-то отвел способность — чувствовать!

— Иди, пока не зарезали! — говорит один, стоя у выхода (другой — исчез).

Мне идти мимо стоящего. "*Ударит* ножом? Нет?" — думаю. Не ускоряя шага — выхожу. "Нет, не ударит, наверное... Только иди — не спеша!" Я иду. Дохожу до середины площади. И ошпаривает меня страхом: на мне — толстый пакет с паспортом, денежные бумажки, рублей пятьдесят в мешочном конверте, обвязанном вокруг талии. Я забыла о нем, когда сказала: "Нет денег!" Я никогда не лгу — в сознание, по обещанию с двадцати восьми лет... Кто-то отвел — память. Кто отвел — страх. Кто научил не кричать и не рваться. Та, которая отвела от них — от четырех мужских рук — ошупь! Сколько раз щупали — *не* нащупали! Блаженная Евфросинья! Я иду — уж не по облакам. Я — на крыльях несусь — рассказать про Чудо¹³³ — Валерику! Я вхожу. Но едва он услышал, что двое — напали, трогали — обыскали — могли надругаться, убить — вся кавказская кровь бросается ему в голову, он вскакивает и кричит на меня: "Опознавайте! Где они? Ведите меня! Посметь Вас..." (задыхается.)

Уж не ангел, а *демон* в нем! "Я не с двумя, с тремя справлюсь! Я их..."

Леденя, у края отчаянья: "За то, что меня *отпустили*? Их давно *нет*! Забудьте *сейчас* же! Ни слова об этом! Неужели не понимаете, что *Вы* мне сейчас враг? *Вы* зовете опасность! *Вас* сейчас могут

убить! За что *Вы меня* терзаете?" Но его уже нет. Он привел милицию, поднял шум — глупый. Но *человечный*... Что *не надо* было сделать — он *сделал!* Каким чудом мне удалось уговорить милицию не составлять акт. (А он — кто Вам? И уже о фамилиях. А Валерик забыл взять с собой п а с п о р т .) Тысячу бед он навлекал на себя своим необлачным поведением — и когда вернув мне палку, очки (*не разбились!*), только фонарь пропал... И я увлекла его от милиции, оказалось: московский автобус — ушел. И нам тут, где, может быть, и те оба (все это слышавшие!) ждать еще пять часов — *ночного* автобуса, опаснейшая из всех — маята! В гостиницу мы не могли (не послушал меня, не взял паспорта!) — и идти в эту черную ночь с X и Y провожатыми? (Как охотно бы я сунула им обещанную десятку, если б не эта так навредившая кавказская кровь...) И мы прожили эти пять бесконечных часов — по молитве, и по чьей же молитве в ответ на мою — Ей, мы тут уцелели среди всего всю ночь сменявшегося сброда? Выходя — выходил со мною, проклиная себя, что в *тот раз не вышел* — раза два-три, ждал меня у края тени от старой погубленной церкви, где я устраивалась "по малым делам" — и возвращались на скамью к нашим бидонам, и я убедила его не оставлять меня (чтоб не отошел опять продолжать своеволие) — и кто же, как не Она, не книга о Ней, мною некогда списанная в Сибири¹³⁴, скоротала нам небесно и тихо *ту* ночь — я читала ему о Ней полупшепотом — о Ее чудесах исцеления и помощи здесь, в этом, Ее городе, где она и меня — спасла... Но *вошло* ли это небесное, истинное объяснение случившегося в этого кавказского юношу? Думаю, нет — и не убедил его с Ее помощью, что боюсь без него остаться — не увидела бы я в ту ночь — кровь? Потому что вдруг за плечо его тронул, к нам подсел сзади — некто. И глаза в глаза, кто же: *мы* — или чехословаки взяли первенство в матче? (Холодея я: хочет запомнить — лицо?) Но Валерик отвечал — "на уровне".

И мы продолжали чтение. И *ночной автобус пришел*, и Она спасла глупыша-кавказца: уцелела и его спутница!

Мы в Москву прибыли в четыре утра и дождались метро в зале Аэропорта, выпив кофе и подремав в креслах...¹³⁵

Валерик требовал у матери присылки пишущей машинки из Воронежа. Волновался — как без рук! А я — я получила из Курска, из-за Курска, из "Заповедника" письмо от 86-летнего друга, Владимира Казимировича Герцыка¹³⁶, зовет — свидеться. Он живет с пятидесятилетней дочерью Вероникой¹³⁷, которую я знала маленькой когда-то, в Судаке... У него целы рукописи его умерших сестер, Марининых и моих друзей, поэта Аделаиды Герцык... и переводчицы Евгении Герцык...

— Валерик! Поедем?

— Поедем... Пока не придет машинка!

Конец октября. Вечер. Захватив, не считая, денег (в кои-то веки *есть* деньги, аванс с 40 последних процентов, 60 уже истрачены за четыре лета со внучками, книга же вот-вот выйдет...¹³⁸) мы идем, спеша, как в Москве всегда по вечерним — уж скоро закроются, магазинам, покупаем: Валерику — шляпу — нет осенней! Меряем — кепи, и теплые — теплой не хочет! Какую хочет! Выбирает у зеркала, веселясь, как и я, надевая, снимая, и второй Валерик скалит белые зубы в зеркале, у второго ярче освещено лицо, чем у первого, — завтра полетит письмо другу — художнице¹³⁹ в Таллин — пусть напишет мне моего подопечного на память об этой поре... она собиралась в Москву! Она меня любит... а может, махнуть — к ней? Пока выйдет в печать моя книга!

Выбрана! Черная, классический фетр с краями полуширокими, под нею светло чернеют еще не густой чернотой полоски щек, сливаясь с еще призрачной бородкой... Вот бы мама его увидела б сейчас... хорош! И спешим, и пакеты растут: пара обуви уже на днях куплена, надо на смену — осень — вторую. Холодает. Варезки — мне и ему. Шерстяные носки, меховые стельки. Что еще?

Вечер темен, глубоок. Усталые, нагруженные, мы бредем — ко мне. Он не хочет идти к дяде, я кладу его спать на кровать-сетку, днем превращающуюся в диван. Сама на короткую раскладушку между роялем и шкафом. Уснул!

Я лежу. Мне очень не понравился *спор* о том, что надеть в путь — черную легкую ватную щегольскую куртку (мать купила в прошлом году) — не-

Дорогой Асе на добрую
память о прошлом и доброй
встрече в Заповеднике.

3-ХІ-1971г.

Ц.-Ч. Заповедник. Герцык (Боба).

Титульный лист книги

и факсимиле дарственной надписи В.К.Герцыка:
"Дорогой Асе на добрую память о прошлом и доброй
встрече в Заповеднике. 3-ХІ-1971 г. Герцык (Боба).
Ц.-Ч. Заповедник". Фонды Дома-музея М.Цветаевой
(Москва). Воспроизводится впервые

промокаемую, да, но короткую! или бутылочного цве-
та кожаное пальто? Уступила, но канул в душу го-
речью его *тон* — в котором он пытался погасить —
раздражение — и еще кое-что, и еще...

Мы в поезде. И пока он уснул, я записываю свои
мысли, женские наблюдения, материнские печали —
его мать по его рассказам — другого типа, эти ее
печали ему не известны? Напишу и дам прочесть.
Раз написалось. (Как он — те стихи — той краси-
вице? Ну, что ж...)

Ночь в поезде! Черная ночь, черная шелковис-
тая куртка, черная шляпа, черные усы над молоды-
ми алыми губами, черная бородка, и уж опустились

Главное управление охотничьего хозяйства
и заповедников при Совете Министров СССР

**ЦЕНТРАЛЬНО-
ЧЕРНОЗЕМНЫЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЗАПОВЕДНИК**

и.ч. директор В. В. Алексина

Научно-популярный очерк

Издательство
«Лесная промышленность»
Москва, 1968

веки на улыбнувшиеся мне глаза, карие, с широким черным зрачком...

Как поезд летит! Они ждут нас, старый отец, друг молодости, его пожилая дочь, мы приедем рано, до городского транспорта в неведомый (курские соловьи...) Курск. Светлый, новый, но колонны, вокзал, странный — из сказки. Мы сдаем на хранение две сумки, рюкзак. Он так нежно снимает с меня пальто — идем закусить в ресторане вокзальном — что на него залюбовавшаяся служащая раздевалки, мне шепотом: "Сын?" Я, блеснув радостными очками: "Сын!"

— Ох, хорош! Ну и ласковый, добрый какой. Ведь бывает же...

Трапезная вокзала. Весело полет в такси по шоссе — к лесу, весело свежее осеннее утро...

Нас встречает худая, высокая (просесть уже) — Вероника, ведет к отцу во второй этаж. Мы не виделись — тридцать пять лет! Узнаем друг друга! Но увы — он совсем глухой.

Мы выкладываем привезенное угощение. Мы тут проживем дня три... И пока дочь накрывает на стол к завтраку, а Валерик уткнулся в книгу, я с моим другом Бобой, Бобой восьмидесятишестилетним (он на девять лет старше меня) рядышком на диване — два белых листа на подложенных книгах, два карандаша — поднимаем завесу десятилетий, унесенных от нас близких. Горбоносый профиль Бобы заострился, засеребрился, голос глуше — но тот же по интонации... Как *нежно* он произносит "Ася"... как рад нам! Как внимателен и сердечен к Валерику. Прочел, хвалит его стихи...

Нас поместили внизу, в свободной квартире для приезжающих. Со мной аппарат. Я сниму дубовую рошу — еще только начала облетать. Всех нас и лосиху Катю, бродящую вокруг дома. Вероника повела нас в лес, ржавый, багряный, тихий. Вокруг домов Заповедника деревья — рядами. Это все посадки Бобы, он тут самый старый работник. С гордостью и печалью об уже рухнувших силах, он показывает нам свой труд.

Ласковые обеды, ужины, завтраки, нескончаемые беседы, чинность жизни людей пожилых и больных, чинный, в идеальном порядке Музей заповедника — срезы дубов-великанов и другие полированные разноцветные срезы, чучела птиц и пушных зверей, крылья стрекоз и бабочек, масса невидали, огромный труд и любовь, наше восхищение, строки в заветной книге заповедника, и ночи сиденья — по полуночи — у кровати Валерика, когда наверху уснули, а мы все еще не спим.

Фотопленка сегодня закончена, уж четыре дня тут, завтра в путь: "Непременно весной к нам! Слышите, Ася? И Вы, Валерик, ждем... Ждем!" Заведующий Заповедником дал нам машину...

Путешествие продолжается...¹⁴⁰

Слова Курск. Сидим в зале. Тревожусь, что пора встать в очередь. Спор. Валерик: "Рано!" Но нам *надо* в Москву, *надо первыми* стать в очередь в кассу...

Вздохнув, махнув рукой, уступает. Идет, занимает очередь. (В Крыму бы рукой не махал — как пластичен был в послушании... В нем выражал свое уважение, *все* делал, как мы хотели — Женя и я. А теперь...) Но когда, беспечно сказав — "Занял" и

сел, и я отвечала, что издали в очередях не стоят, что придут другие, начнут оспаривать — Валерик *не* сдался: "Чепуха! Не беспокойтесь, не надо! Раз я взялся..." И только когда я, встав, взяв сумку, сказала, что перейду в ту залу, где касса — он нехотя пошел туда, как-то сел поодаль. Тогда я подошла к нему, Суховато: "Валерик, я *прошу* Вас: займите свое место в очереди. Люди приходят, уходят — это же не дело!"

Он уперся:

— Раз я взялся... все будет хорошо, успокойтесь!

— Я *не* успокоюсь. Мне семьдесят семь лет — я *знаю*, как эти вещи бывают! У Вас *будет* спор!

— Нет, не будет! Я *столько* ездил...

— Но немножечко меньше — чем я?

И мне стало *скучно* жить и грустно на сердце. А когда через пять-десять минут очередь разрослась, и я услышала возмущенный голос моего подопечного, что он тут *стоял*, тут еще был мужчина... а мужчины не стало, кричала женщина, и поэт кричал на нее — мне стало совсем прозаично, юмористично, надменно — и всё это было уже не ангельское, как в Севастополе, Новом Свете и Херсонесе, а — наоборот... Я дала себе волю сказать: вот видите..., но больше не сказала — из жалости.

— Вы увидите, что я — прав... — безжалостно сказал он.

И мне захотелось в Москву, к Жене...

В Москве Валерик заночевал у кого-то. Днем мне позвонил незнакомый голос:

— Я — дядя Валерика. Вы его видите?

— Да, он позвонит мне сегодня.

— Передайте ему, что Саша, жена его, привезла ему из Воронежа его пишущую машинку.

— Передам. Она остановилась у Вас?

— Да, у нас.

— Отлично.

Я отыскала Валерика по телефону. Радости в его голосе не было. Перед вечером он позвонил.

— Разрешите мне прийти к Вам — с Сашей?

— Если Вы находите это — нужным...

— Да, я..., мне...

— Вам с ней тяжело? Приходите... Но у меня будет внучка. И, может быть, знакомый с Сахалина.

— Это мне всё равно...

Тех еще не было, когда он пришел — с женой. Впечатления — никакого. Как чужая вошла, как чужая повела себя. Он шел за папиросами.

— Оставьте нас на полчаса. Может быть, Саша хочет поговорить со мной...

Я сделала — что могла: сказала, что когда-то была замужем за человеком столь же негодным для брака, расстались без ссор. Не надо удерживать человека. Со вторым мужем была счастлива.

Откинув голову, недобро и очень не женски:

— А он не отказывается от меня как от женщины...

...Точно мне склеили рот! (Может быть, днем ей сказал это? Почему не предупредил меня?)

Звонки: внучка Рита, Валерик, литературовед с Сахалина — красивый, веселый друг...¹⁴¹ Узнал, что Рита моя вышла замуж¹⁴². Вечер впятером. Валерик с женой встали первые. Ночевать обещал у родственницы Жени, старушки — далеко. Я позвонила ей, что он проводит даму — и едет к ней. — "Она старая, Валерик, не опоздайте". — "Нет, нет". Ушли.

— Какая неинтересная... — сказала мне внучка.

— Ни малейшего шарма! — сказал Виктор — и коллега — и ни слова о литературе...

— Зачем он на ней женился?

Я — Рите:

— Говорит, встретились в ненормальном доме — или после него. Нет, еще вместе учились в университете. Он любил чужую жену — измучился ее перешительностью. А эта сказала ему: "Женись на мне. Запишемся. Без меня пропадешь. Я не заставляю — но жить без тебя я — не буду..." Испугался? Решил — хоть кому-то сделать добро. Но не смог. Скандалы пошли... Девочка родилась мертвая, очень пережил ее смерть. Но с женой жить *не хочет* — так он *мне* говорил. Ей летом еще сказал о разводе. А мать советует — вернуться...

— Как можно в этих вещах советовать? — произносит Рита.

Поздно ночью — телефонный звонок: "Я, Валерик. Она меня водила-водила, забыла адрес, а теперь кончился весь транспорт, метро, всё — я иду проводить ее по последнему ее варианту, а старушке позвонил, чтоб дождалась".

— Вы идете ночевать к Саше¹⁴³?

— Ни за что. Я пойду пешком — на вокзал.

— Хотите, — я Вас подожду. Но Рита легла на кровати. Вам могу постелить на полу. Вы сказали ей, что от нее как от женщины не отказываетесь?

— Я сказал, что мы разводимся.

— Если так — она хочет, *может быть*, хочет на Вас аркан. Хочет — беременности? И тогда ребенок ляжет на Вашу маму? Если так — *не* заходите к ней. Через порог не входите. Понимаете? Если вошли — дайте себе слово.

— Даю Вам слово: я к ней не войду.

— Не ставьте жизнь на карту случайности. Мне Вашу маму жаль! Ваша жена сегодня мне солгала. У нее свой план. Если не любите — не попадайтесь в сети! Если обещанье Вами себе данное *не* сдержите — забудьте мой адрес.

— Я — в автомате. Она на дворе. Провожу и иду на вокзал.

Поздним утром пришел Валерик. Риты уже не было.

Был весь серый. Сел. У него не хватило духу сказать мне сразу — правду. Сперва на мой вопрос — сдержал ли себе данное слово — ответил: "Да, — там была — раскладушка!" — то есть *пришлось* войти, потому что когда он, доведя ее до двери (ею, конечно, всё было подстроено! и сошел на этаж ниже, там ожидая, что ей *откроют* — наверху был шепот, и ранее, чем он успел — к нему сбегали два молодых человека, знакомые — и полушутя-полусерьез *втащили* его в квартиру...)

— Свидетели! Понятно! И Вы остались с ней? Хочет одарить Вашу маму — ребенком?

— Я боролся с ней — до утра! Я говорил ей: "Мы — разводимся! *Зачем* тебе это надо?"

Но — к окну ли она метнулась, или — сказала что-то такое, — я сказал: "Это в последний раз!"

— Тааак... — протянула я, и мечта об облачном спутнике, о Поэте, Ангеле, Друге, о Личности стала медленно ронять названные Одежды, как обдираемый капустный качан... Но у него хватило мужества сделать движение — встать:

— Мне — уйти?..

Я ответила одной жалостью: "Останьтесь..." Но маму мне бесконечно — жаль... И зачем не сказать

просто: она — женщина, я — мужчина... Голова закружилась... Это же более чем понятно! Только Ваше слово *себе*...

— Ах, Вы об этом! Нет! Нет! Это было мне *так* противно — я был с ней не более... минуты! Я ограничил себя как мужчину! У нее *не будет* ребенка! Я напишу это маме! Вчера я ее еще уважал! Она *потеряла* мое уважение...

— Проходимка, значит? Не любовь, а...

— Пожалуй, да!

— Но — свидетели — ночь вместе... Вы забыли о маме! О ее, Вашей *ex*-жены, товарищах, которые дружески ей окажут услугу, *если это* у нее в уме — аркан! И за него будет отвечать — мама. И к чему тогда — развод и все эти даваемые себе слова?

— Да, все это было ею *р а з ы г р а н о*! И те двое *ждали* меня, это ясно. И нарочно водила меня по ошибочным адресам — чтобы кончился транспорт...

— И *это* называется — жена? Я бы хотела Вам — лучшего... Так Вы и машинку не взяли? Я уже пишу предисловие к Вашим стихам.

— У дяди! Возьму. Сегодня возьму. И мне сегодня надо — уехать.

— Я Вашей Саше подготовила врачебный прием у невропатолога и ларинголога, она жаловалась на аллергию, на ужасные ее, утра. В субботу ее примут... Она сказала, что будет тут — с неделю.

— Я должен уехать сегодня!

Он метался. Я боялась нервного припадка.

— Мы хотели вместе — в Таллин, к той художнице, она писала — портреты. Я могу поехать — один?

— Поезжайте. Отдохните. Придите в себя.

— Но *никто* не должен знать, куда я уехал. Обещайте мне: никому.

Я обещала. Я посадила его на поезд с машинкой. С мутным чувством я вернулась назад. Телефонный звонок: жена Валерика, Саша!

— Вы не знаете, где он?

— Он уехал, взяв пишущую машинку...

— Но куда? Мы с ним не уговорились о встрече...

— Почему же? Когда Вы вчера прощались...

— Не вчера, а сегодня *утром*! (В голосе торжество.)

— Ничего не могу Вам сказать... Но с врачами — устроено, Вы будете от них свободны в субботу, че-

рез три дня. Если не будет времени заказать лекарства, Вы мне оставьте рецепт, я Вам вышлю.

— Но куда же, к кому он уехал?

— Видимо, к друзьям, за Москву.

На другой день дядя Валерика сказал мне, что Саша уехала в Воронеж.

Мне шли — каждый день — открытки из Таллина. Нежные, скучающие без меня, поэтические — средневековой город, мечта! Вот бы вместе нам бродить по нему.

Я работала над предисловием к его книге, работала над поправками к *моей* книге, перезванивалась о работе с редактором, виделась с Женей, была грустна и очень устала.

Я говорила по телефону, когда меня спросили две дамы — блондинка, брюнетка. В летах.

— Анна Петровна Исаянц! — сказала брюнетка, — и я увидела еще красивое, волевое и очень усталое, похожее на Валерика, лицо. Мы вошли в мою комнату. — Жена моего брата!

Я пригласила сесть. На диване лежала болевшая Рита, моя внучка двадцати четырех лет.

— Я пришла к Вам за моим сыном! Он перестал мне писать, а сведения, до меня дошедшие... Я хотела прийти к Вам с...

— С обыском? (Я улыбнулась.) — Я не держу его в шкафу...

— Он попал, видимо — в секту. Моя родственница подтвердит Вам: из него сделали — вегетарианца... Он ездил за какой-то святой водой.

— Ездил, помог *мне*. Как я ему. Кто говорит, святая — а колхоз построил колодец, берут больным целебную воду...

Но тут раздался смеющийся голос Риты.

— Это Валерик — вегетарианец? А как он со мной уписывал присланную мне из дому — утку?

— Как! Правда? — сказала мать — тетке.

— А у нас он отказывается от мяса... — произнесла тетка.

— Видимо, от духа противоречия — это у молодежи — часто...

— Но ему, должно быть, не разрешают сожительство с женщинами? (мать) — У него превосходная жена...

— Может быть, и превосходная, но она вела себя с

ним весьма странно... Он отослал Вам письмо, что потерял к ней — уважение. Вы не успели получить его?

— Ну и жена для Валерика! — трезво сказала Рита. — Ни наружности, ни...

— *Сам* выбрал! Я не вмешивалась! У него был роман с очень красивой, я бы не возражала...

— А по-моему — какой из него семьянин? Я это сказала Саше, но она меня не поняла.

— *Мне* сказали — он в секте... Может быть, он там, Анастасия Ивановна, без Вашего ведома?

— Он бы мне сказал. Да мы везде вместе бываем. Я ввожу его в писательский мир, познакомила его с Евтушенкой...

— Он мне писал, я очень Вам благодарна... На выставке Волошина, да?

— Да, и Женя мне обещал помочь ему со стихами. Антокольский болеет, пойдет и к нему. Рассылаем подборки — в журналы. В нем приняла участие юристка "Известий", человек очень умный и добрый. Пойдем к Шагинян...¹⁴⁴

— Да когда бы он успевал — в секту? — вставила Рита. — Он у бабушки каждый день!

— Я — я *противник* сект, — сказала я очень твердо. — Наши убеждения с Вами — различны. Я — член *церкви*, а церковь секты — преследует.

— Так мне можно — успокоиться? — И глаза матери, сперва сухие и гордые, глядели с добрым вопросом — в мои.

— Совершенно.

И когда грянул вопрос матери:

— Но *где* же он?

Я, сердясь на ее сына, взявшего с меня обещание молчать о Таллине, с отвращеньем ответила, что, *может быть*, в Таллине, мы туда с ним собирались. Он, наверное, работает, еле дождавшись машинки...

— Ведь он от Вас получил письмо, что Вы больше его не субсидируете, чтобы он жил *как хочет*... А мне его поручила Волошина, есть у него и другие друзья — в общем, мы его *не* бросили. Вы разрешите мне прочесть Вам мое предисловие к его книжке?¹⁴⁵

Мы расстались — друзьями. Мать меня благодарил за сына. (Я же очень ее жалела: если *мне* не легко, как же — ей...)

От Валерика телеграмма: "Приезжаю восьмого девять утра поезд 34 вагон 3 = Валерий =".

Еду встречать. Вчера Анна Петровна была опять у меня, говорили долго, дружески. Это совсем не тот человек, который — грубо описал Валерик: она хочет его самостоятельности, нормального заработка, он отовсюду уходил эти годы — и она помогает ему без конца... Он не прощает ей, что она настояла, чтобы он кончал Суворовское, куда захотел — сам...

Соскучилась ли я по Валерику — за неделю? Да. Но у меня было столько работы, разговоры с его женой, с мамой... Я очень устала, а он — отдохнул и соскучился. Он бросается ко мне, обнимает. Я хочу сообщить, что приехала его мама, что я принуждена — обещала! скрывать где он, что мне всё это очень тяжело — он прерывает. Сияв: "Дайте мне раньше — порадоваться! А затем..." Но я в тревоге: ложь, ложь, на мне виснувшая, не дает покоя. Скорее, я ее с себя... Ходим по вокзалу, толчемся. Наконец, едем. Едем ко мне. Он дарит мне книжку Кольцова. На ней — надпись: "Лучшему человеку!"¹⁴⁶

Едем к Жене. И там — в день, когда мы вздохнули, происходит неожиданное.¹⁴⁷

Письмо

Валерик! Вчера мы простились в метро, Вы ехали с мамой к родным. Я не могла говорить при ней, она не знает всей линии наших отношений, и хоть я думаю, *она бы меня поняла*, но Вы бы вознегодовали — потому что у Вас с ней близости — меньше, чем у меня с ней. Сегодня не зная, как и с кем Вас увижу, потому пишу. Нет, не только поэтому: устно не скажешь так верно и точно как — написать. И Вы станете возражать, спорить, сомнете четкость. А *прочитав*, может быть, Вы лучше поймете. Только, пожалуйста — *дочитайте*.

За это время произошли основные события перелома Вашей жизни: я встретила с Вашей матерью — и подружилась с ней. Удар ее враждебного прихода ко мне — после дикой выдумки обо мне и моих друзьях Вашей жены, ее ложно настроившей — мною выдержан и отведен — правдой. Но *Вы* этого не поняли — иначе не заставили бы меня — *Вы!* — страдать *так*. Удар *ее*, мною незаслуженной

вражды был *меньше*, чем — нанесенный вчера — Вам. В день счастливейшей встречи, когда были сказаны Вами слова об утверждении веры в меня — Вы бросились ко мне, как ребенок, — сердце к сердцу — сказали Вы. И найдется ли хоть один человек, кто на моем месте не метнулся бы *от* Вас, когда в *тот* же день Вы у моего друга Жени подняли на меня голос, не выслушали, не захотели слушать простой деловой совет, вспыхнули — мальчишеской? — гордостью, что я указала Вам на *неверный*, Вам же *так* нужный — текст заявления об утере паспорта — *отказавшись* переписать его! Как могли Вы — перед лицом всего, за Вас перенесенного — *забыть* сказанные Вами слова? Как? *Один* день не продержалось Ваше "сердце к сердцу"?

Оставив меня растерявшуюся перед Вашим криком непонимания и упорства посреди комнаты, уйти от меня к — непонявшей происходившего, считавшей *меня* жестокой к Вам (когда изменить текст было *необходимо!*) — уйти от меня к Жене, решившей, что Вас надо успокоить, не спорить с Вами — потому что Вы... *больны*?

Сесть на диван к — непонявшему, утешиться не моим *объяснением* (Вы не слушали!) — а ее рукой на Вашем лбу — *от* *моей* заботливой *правды* — лечиться! Это был жесточайший *бред*. И тот факт, что я, наконец, *не выдержала*, повела себя, как каждый бы повел, *тривиально* — подняла *голос*, заплакала, бросила что-то об пол — и ринулась прочь — *только* это Вас привело в себя, заставило за мной броситься и — *выслушать* те простые деловые, по ходу дела неизбежные, в заявлении слова, которые Вы *отвергали*. Вам переписать полстраницы оказалось — по моему совету — *трудно*, Вы вскочили и осмелились мне крикнуть: "Вы мне испортили день, мое *настроение!*" — мне, за всё для Вас поднятое, слушать о — настроениях? В деловой час! Мне, *презирающей* "настроения"; бросившей Вам в помощь все мои *силы*, требующей Ваших — для *дела*...

Если Вы не сумели довериться мне в деле о пропавшем документе, который столько (в 3-х домах!) искала, о котором выспрашивала у *юриста*, на что отдала столько сил — что же Вы назвали (в *то* же утро!) "сердце к сердцу —?" После *стольких* недель — вместе! Что можете вынести в том, что Вам пред-

стоит? — в поиске и выборе работы? В исполнении ее?! Горы для этого подняты! Со столькими нужными Вам людьми я свела — Вас — с каким трудом! Чтобы Вы ухватились за них, слушали их советы! Думаете "по настроению" жить? В Москве, где у Вас нет прописки?

Я вчера смотрела на Вашу мать, как, искоса материнским глазом наблюдала Вас в беседе с братом Евгением Филипповны¹⁴⁸, в ее взгляде была намученность, смешение восхищения и тревоги, и мы обе знали, что чувствуем совсем *то же*: в час, когда надо было вплотную с друзьями, которых я Вам дала — советоваться и решать, *что же* сделать, чтобы Вам остаться — Вы же *это* поставили целью? — в Москве, где юношей, подобных Вам, без занятия и прописки, из Москвы выселяют — Вы, сев на одну из Ваших фелюг поэтического самовыражения, продолжали на ее и моих глазах баловаться высоким баловством слов, юмора, волевого бездействия. И Вас слушают — с сочувствием, с интересом (— а потом будет полуудержанный вздох: Чудесен, да, — но... нежизненен!). Я *не хочу* такого диагноза Вам! Я хочу Вашей собранности, мужества, — для *этого* я тяну Вам руку. Мои друзья — занятые люди, усталые от труда — они, пожилые, перегруженные, не дают себе словесного баловства — неужели Вам *их* не жалко в той роли, что Вы им даете? Вам *месяц* остался — стать на ноги. "Сердце к сердцу." Докажите это *на деле!* Покажите, *на что* Вы способны — *взяться* и *вынести* — ради Вашего будущего, ради поэзии (Вы же над стихом *не работаете!*) ради всех нас, Вам пошедших навстречу, ради мамы, ради меня... Если Вы метнетесь *от* меня, прочтя это — схватитесь за голову — "мне плохо"... — наше дело потеряно.

Даете нам руку на все трудности?

Нет?..

Этот листок он дочел — и вернул мне.

Я ждала. Звук зажигаемой спички, заалел папиросный кончик.

— Ну, конечно, — сказал он, — мы уже говорили об этом... Простите, я пойду покурить.

Чувство, что мне 100 лет! Не в этот ли день мне, вспыхнув, бросает Валерик: "Вы сомкнулись

против меня — с моей матерью!" ("Ася, он же больной человек..." утешает Женя.) Вместо того, чтобы поблагодарить за столько, за него вынесенное... Ну и ну!

Еду по приглашенью матери — к ее брату, семья. Дружеский чай. Нас снимают.

Вечером мать Валерика (в день отъезда мать переутомлена, высокое давление, головные боли...) приглашает пообедать в ресторан у Арбатской площади — "Валдай". Кормит нас. Примирительные речи: Готова вновь ему помогать, лишь бы искал работу. Не может ее сын называться тунеядцем, 27 скоро, надо стать на ноги... Как не похож мягкий измученный тон на *его* рассказы. И — вдруг он начинает упрекать мать за прошлое, не понимала его! А помощь... Он вскакивает, ходит вокруг нас. На нас смотрят... Мой укоряющий взгляд он — отбрасывает. И снова: "Вы все *не то* говорите. Не то делаете... Не хочу денег!" — кричит он (их взяв).

У матери в глазах слезы. Как он жесток, как неправ... "Я просил Вас нам с Сашей прислать в Сибирь ветчины, а Ты *сала* прислала..."

Позор! — чувствую я: вот так всю жизнь...

Мать берет себя в руки. Выходим. Мы провожаем ее на вокзал. "Обнимите мать", — шепчу я. Он слушает. Обнимает. И поезд увозит ее от нас...

Мы спускались по лестнице метро, движущейся. Мы спешили. Беспомощными, веющими движениями рук Валерик оберегал меня от стоящих и идущих медленнее, чем мы. Каждое это его движение было иное, было другого беспомощнее, одно — трепетнее другого...

Пронзая мое умиление, моя зоркость отмечала на бегу, в некотором ветре нашего обганыя людей, в нашей спешке — рождавшееся сходство в движениях поэта и юноши с движениями ангельских крыл: перьев! Длинные, они и не могли быть иными, как трепетными, состоя сами из Трепета! В тот миг, когда мы достигли конца эскалатора, когда последняя ступенька уходила из-под ног в исчезновение, я еще успела вспомнить, что *тот* ангел, в "Чудесном посещении" Уэллса назвал себя, когда его спросили в гостинице фамилию — Мистер... — ? (ожидая как бы Джекобсон, Смит, Браун) — (в голове был

вопросительный знак). *Тот*, растерянно, но уже воплощаясь, — так же неумело, как оберегал меня мой спутник, ответил, повторил (может быть, полувопросом тоже?): Мистер Эйнджил?¹⁴⁹

"Схождение на землю" — сказала я себе, легко, привычно шагая на мраморный пол (Валерик уже вел меня под руку). "Вы читали, — спросила я его, — рассказ Уэллса "Чудесное посещение"? Прочтите! Чудная вещь..."

...Только утро любви хорошо,
Хороши *только* первые встречи...

Это мог быть эпитафия к внутреннему, начатому письму к Валерику...

Письмо... Как странно, что *ему*, начавшему отношения ко мне с такой высоты общенья, с нежности, заботы — те веющие руки на эскалаторе! — что *ему* так легко сходить с *высоты* "тока" — и "Ток высокого напряжения" как название книги Павлика Антокольского¹⁵⁰, не чтить *декорума*! Я хотела бы этот Декорум чтить до *последней* встречи.

На какую-то очередную (*слегка* грубую) выходку его, я (несмотря на *легкость* эту), раненная *грубостью* этой (было бы *честно* сказать "смертельно", если бы не бояться слов, потому что именно *так* ощущает душа, за легким *кустом* грубоватости видящая весь лес, на нее идущий, шекспировский, всё предчувствующая по первому звуку...) — я спросила его: "Почему Вы в *Крыму* н и к о г д а не позволили бы себе со мной этот тон?" (я удержалась от слова "развязности" — но он не удержался именно от нее в ответе):

— Тогда были *другие* отношения...

Девушки! Женщины, не боящиеся *правды*: вот час для заявления о *душевном* разводе — ибо *впереди* надежд — *нет*.

Но мы не только девушки, женщины, мы еще — матери, и мы спускаем сынкам и это, и больше — от жалости, от *Жалости* с Высокой буквы! Но тем же движеньем уже спущены петли, связанное — *распускается*, ткань *рвется* — и уже никогда не вернется Декорум первых волшебных встреч...

Мы идем по проспекту Калинина, неестественно белой улице новой Москвы, для которой был уничтожен целый район Москвы старой с исторически-

ми особняками, с улочками и переулками, вошедшими в русскую литературу¹⁵¹. Резкие струи ветра и просветы между 20-этажными домами режут лица. Мороз. Я уже не просила Валерика опустить ушанку, он ответил, что ему тепло.

Мы идем к моим друзьям, по его просьбе, он хочет послушать переводы с английского, в тот раз ему так понравившиеся. Обернувшись к нему, я вижу, что уши его совсем красные.

— Ну, почему Вы упрямитесь? — говорю я, — сейчас ходит грипп — и у многих осложнение на уши. Знаете, какая это боль ужасная — воспаление ушей?! (Стараюсь в голос вложить всю мне подвластную убедительность).

Вдруг мой спутник останавливается. Если бы яростный взгляд мог опрокидывать — меня бы уже сшибло с ног.

— *Х в а т и т!* — кричит он, — *д о в о л ь н о!* Что я *пацан*, что ли? Мне — скоро под 30!..

Старался ли он вложить убедительность в окрик, или, наоборот, не сдержал его? Полусбитая с тротуара, напрочь отброшенная от него неожиданностью *т а к о г о* протеста, я отвечаю из бесконечной дали:

— Вот как!.. А мне скоро — под 80!.. Если Вы будете говорить со мной таким тоном, я (и в то время как я сламываю шею своей польской и своей старческой, двум гордыням — и, острой жалостью к *так*, в зло сорвавшемуся, заканчиваю мизерными словами) с Вами я никуда не пойду, — начатое было *прощание* — поворот от ворот — я чувствую, что меня уже всё — *нет* с ним, *нет тут вообще*, всё *кончено*, началось самое мучительное — этого *не показать*...

Негодование (взлет!) и горечь (плашмя!) борют меня с равной силой. В их бою неслышном, незримом, я шагаю рядом с Валериком, как шагала бы заведенный на ходьбу манекен. Идем в гости!

Там целый вечер — я (привычно!) притворяюсь веселой, за чайным столом в беседе о качествах переводов... Но на той арене, где живет только *правда* — я стою совершенно одна, потрясаемая теперь — удивленьем, — как *это* могло случиться! — после всего *обратного*, что нас слило и сливало так долго — после *такой* близости, для которой, как он писал

мне в надписях на даримых каталогах и книгах — свидетелей путешествий наших — "для которой еще *нет слов...*" — значит *это* (возможность этого окрика, *этой* грубости, *этой вражды*) было всё время с нами, оно только *смиралось...* А я-то, я-то — расчувствовалась! Написала стихи, 28 лет промолчав — *ожила* — *полюбила* — *поверила...*

Нет, спасибо, чаю больше не надо... Поздно! Надо идти...

Идем по тому же проспекту. Для которого рухнули дома прошлого. Это во *мне* они рухнули — и теперь строится какой-то "проспект" полуправды понимания на развалинах нашего с ним уюта, счастья — (он не раз говорил что — счастлив, что наша встреча — *чудо!* А я, ведь, *тоже* была счастлива? Перечеркнув свои семьдесят семь?..).

Ветер, мороз. Когда мы сходили с лестницы, он было кинулся в — будто бы неудержимую речь, "как прежде" — о чем? — не запомнила! потому что — не отозвалась! Молча шла, дослушивая какое-то его размышление, *так* ненужное в час, когда мертвая горечь остановила во мне — всё. *Сейчас* я играть — не могла: там, за чайным столом, чтобы *те* не заметили. Здесь... неужто и он хочет кунить мое внимание какую-то вот этой — темочкой — *после того!* На пятак рублей? Слишком я еще уважаю то, что меж нас *было* — и чтобы сейчас отозваться — на *это*, отозваться — словесно — могла бы *только* на одно слово, — "простите!" — *заставила* бы себя ответить, хоть ничто не всколыхнулось бы в сердце; сердца, ведь, просто — *нет...*

Еще раз! Пытается! Уловив мой взгляд (ведет меня под руку) на серебром сверкнувшую в окне магазина из серебра же выточенную елочку — он пылом всех найденных слов, талантливых, о захватывающей красоте подобного зрелища — почти что удушье, остановка дыханья... Неплохо сказано! (Отмечаю). Ироническая мертвая горечь захлестывает меня. Молчу, замолкает и он. Так доходим до метро "Арбатская".

— Вам — в старое, мне — в новое¹⁵², — говорю я, — поздно. Вам нельзя опаздывать на ночлег.

(Неужели не скажет единственно-нужное слово?..) Не говорит. Смотрит. Вижу это боковым зре-

нием. Не отзываюсь. Я не хочу смотреть. Если б и отозвалась (сейчас, без его слова "простите" — *все же чушь*, кроме *этого* слова, неужто же не понятно?) — если бы я отозвалась на — малое, это бы значило, что не было позади — большого. Оно было. Во *мне* — было. То, большое, что было — или казалось — смыкает мне уста. Не подымлет веки. Рукопожатие, кивок головы. "Доброй ночи". Я одна. Мое одиночество, мой вернувшийся спутник, коему я изменила с этим юношей на не так долго, живет со мной вечер, ночь, утро.

Затем в мою комнату входит Валерик. Я очень плохо спала ночь, не могла уснуть с вечера, ни — под утро; три-четыре дозы снотворного (гомеопатия). Тоска точно ком в груди. Голос — хриплый. Но я помодилась, прося помощи, не сказать ничего лишнего, жестокого. Только нужное ему.

Но я не могла бы. Дурная ночь — и тоска делали меня совсем слабой. Тяжелая голова влекла за собой мысли о вот так, после повторных ночей — инсульта. Я присела к нему на диван.

— Мне надо поговорить с Вами. Дело в том — видите ли... я провела очень дурную ночь — после вчерашнего. Вы заботливы ко мне; держите двери метро, чтоб не ударили. Но ведь это — наружный удар, поболит — пройдет. А *сами* меня *так* ударили... Это же не прошло, не пройдет... Что Вы — за заботу о Вас! — подняли на меня — голос. Вы меня — отбросили, и я — в той дали...

Он молчал. (*Как* понимать молчание?)

— Так вот... Вы не терпите моих упоминаний о моей смерти — но ведь о ней говорит — возраст. Прерываете, у Вас меняется лицо! Но Вам надо знать, что повторенье такого — может вызвать именно *ее*. Организм — не силен, хрупок. (Держусь — нервами, волей.) Скажу Вам правду: я думаю, этот разговор — безнадежен. Это мне говорит *опыт* жизни. В зле человек *не* стоит на месте — идет дальше, вниз. Вы, вероятно, бессильны сдержать себя. Не будете сдерживать. В Крыму Вы никогда бы не подняли на меня голос! Я распустила Вас — моей нежностью. (Молчание).

— Было бы полезней, если бы я сказала Вам: повторится — меня потеряете. Но я скажу обратное:

я Вас не — *не брошу*. Я — буду терпеть. Но чем кончится — не в моей власти. Я взываю к Вашей совести. И потом Вы не простите себе...

Он молчал. Помню продолжение, — стою у рояля, он — он немного двигается между диваном и мной. Я рассказываю, как я, задев в молодости человека, — публично причинив ему вред — заставила себя встать и при всех извиниться. Тут (*не до, не в том разговоре, а здесь*) — он вспыхивает. Впрочем, *до* вспышки он, на мои слова о непонятности его молчания — не виновато, а уверенно возразил, что я не понимаю, что он *осознал* свою вину. Да, он был не прав. Но *говорить* об этом... (Тут последовал случай моей молодости.) И он бросился — в спор. Взволнованно — о том, что вообще волнения не стоило — он заговорил, к моему горькому удивлению, — о поколениях, разных.

— Наверное, моральные правила в том веке были — выше... Мы, *наше* поколение — не можем понять этого. Всепрощение, Ваше извинение перед тем человеком... Это *нам* — совсем не понятно...

Слушаю, замерев... "Нам?" Он и какие-то там — *его* молодые люди? И он вместе с ними — не понимает? "Нам" вот уже четвертый месяц значило — он и я. Не *тем* ли он стал мне дорог, что он понимал *всё* — до сих пор — что понимало *мое* поколение? Не для этого ли я вышла из холода возраста — во вневозрастность, в жар *чуда*?! И *это* он говорит — мне?

В комнате веет морозом. Чужой человек говорит — чужие слова. Чужим голосом. И при чем, собственно, тут — Я?... ("What is whoul with the world" Честертона. Как Миронов¹⁵³ хотел перевести это: "Что неладно с миром").

Да, я еще сказала Валерику, что мои друзья — на Том свете — горюют сейчас вместе со мной...

Скажи он мне — это было затмение, *простите* мне этот грех! — я бы, может, — смягчилась? Если б видела, что он страдает. *Сострадание* — большое чувство.

Но он спорит. Он уже мечется по комнате, и — из *несогласия* со мной. (Если б — из-за *несогласия* с собою...) Я бы, может быть, сказала ему: если б ребенок, привыкнув к тому, что солнце шлет ему в его оконышко золотые добрые лучи, вдруг увидал,

что солнце — затмилось, что лучи стали — черные, страшные — мог бы ли этот ребенок, когда затмение прошло, снова верить солнцу — по-прежнему? Ведь он бы все ждал — что снова... Боялся бы солнца! Вот этот страх у меня — к Вам. К Вашей душе, которая вдруг стала мне непонятная. "Не упрекайте меня и на меня не сердитесь, — это не в моей власти..." Но, заострив разницу поколений, блюдя правоту своего — он выходит из комнаты, схватившись за голову...

— Можно с ума сойти!.. Если я найду за Москвой хижину, я запрюсь в ней на десять лет, чтобы никого не видеть...

Стою, занемев. Это — ответ на мое обещание его — не бросить? Когда он входит, я говорю ледяным голосом:

— Я учу своих *внучек* отвечать за свои слова. На ветер не говорить. Я Вас *очень* прошу — если Вы *решите* в такой хижине запереться даже от меня — пожалуйста, предупредите меня: я же для Вас хочу стать членом Союза писателей, чтобы Вы могли назваться — секретарем! Если Вам это не надо...

Тут он ответил, что хижина — это только *мечта*...

— И вообще — о чем мы тут говорим? — тоном негодования, возмущения — целый час ни о чем! Можно было с пользой употребить это время! Читать! — (Как Вы, сев на диван, взялись после вчерашнего — читать "Вечерние огни" Фета — не говорю я.) Я осеняю себя крестом: я крещусь на том, что то, о чем мы сейчас говорили, *самое важное* из всего, что мы *могли сказать*...

Кажется, на другой день моя редактор¹⁵⁴ привезла мне первый экземпляр моей книги. С просьбой не разглашать пока, потому что: "Это — негласно. Книга еще не разрешена к продаже..."

Был первый день Нового года, и редакторша, друг, так за мою книгу бившаяся несколько лет — ждала мой восторг. Радость хотя бы! А я — я не могла играть; очень плохо эту радость сыграла... Я не чувствовала ничего, кроме полнейшей апатии. Будто в саду все ветки скрутились в морозе.

Я подержала книгу в руках, похвалила, полистала. И, несколько позже — я была только честна, что подарила этот *первый* экземпляр — Валерику. Пото-

му что он — радовался. Поздравлял!¹⁵⁵ Господи... Книга эта, в которой не было моего горя сегодняшнего, была мне, как всё, мертва.

100 дней царствовал Наполеон? Но он — царствовал! *Моих* дней счастья с моим таинственным — сыном? Волшебным спутником... было — с двадцать третьего сентября — было в тот день — 99 — 100-й! Да, были в счастье моем перебой, неровности его, часы горечи — но оно возвращалось — решением, что это же болезнь¹⁵⁶ в нем, остатки ее — оно возвращалось, счастье, на круги своя. Тенерь...

Еще через день он уехал в Воронеж. По делам¹⁵⁷, на несколько дней. А сейчас он звонил — простудился — но едет и, если Бог поможет, — он выздоравливает к Рождеству¹⁵⁸.

...Конец января. С нашей последней встречи с Валериком прошла неделя.

Он вошел и, размашисто, привычно меня по-сыновнему обнимая, — показался мне *мил*.

— Скучали по мне немножко? — спрашиваю ласково, матерински, ожидая, что отзовется всем стремленьем недели без встреч, радостно.

Утомленный своим, привычным ему, неумением вести себя с родной (намученной им) матерью:

— Скучал, немножко! — ответил он рассеянно-радостно, взглядом обводя дни им невиданную комнату (продолжая, должно быть, свой тон с *родной* матерью, — со мной, тоже уже привычной, матерью номер два...)

Мы были одни в мастерской¹⁵⁹. Я протянула ему мое письменное обращение к нему, приготовленное, чтобы избежать разговор.

"Мы в Таллине. Откуда Вы — недавно писали мне (ежедневно)¹⁶⁰, где мечтали — со *мной* бродить "по 15-му веку"..."

Вчера в первый раз тут (я болею немного)¹⁶¹, Вы от меня услышали, что я хочу на воздух — был золотым лучом отрезан угол дома в окне, — пройти по городу. (Вы уходили куда-то.) Вы ушли — и пришли через пять часов, когда солнце ушло. Вы ходили в город два раза и два раза забыли мои поручения — *виды* этого самого города, этот 15-й век. Забываете и то, что я уеду к моей внучке на пять

месяцев — надолго — за пять месяцев в моем возрасте можно и умереть! Вы хотели (цитирую) "грохнуть десяток рассказов о Путешествии нашем". Вы не пишете. Я четыре дня жду, чтобы Вы для меня просмотрели Ваши записи тех дней — для последовательности моих глав о нем. Вам всё некогда. Вы листаете том философской энциклопедии, взятой мною, чтобы Вы мне прочли хоть три статьи из семи отмеченных — (мелкий, мне недоступный шрифт). Прочли мне — почти насильно — одну — и читаете для себя.

Вы совершенно свободны — но таким употреблением этой свободы Вы питаете будущую главу о нашем совместном Таллине (и потом назовете ее моей аберрацией?).

А ведь наше Путешествие — еще длится!¹⁰²

Храни Вас Бог на непонятных путях Ваших."

Он дочитал. Я следила за его лицом. Брови сдвинуты.

— Какая-то... (Чепуха? — подумалось мне) — Какой-то бред! — сказал он, бросая на стол листок. (Бросая? может быть — кладя?). И вдруг раздраженно: — Оставьте меня в покое!

Я не ослышалась, нет. Но еще скорее, чем в себе ожидала: "Уже! — отвечала я молча, — мой юный друг, я — свободна!.."

Второй день я — свободна. Он — далеко.

Я не отношусь к нему *сама*, а только отраженно: как он. Если расстанемся в такой тональности — он окажется в бесконечной дали.

Точно сон приснился! Моя ненасытность человеком, его холодком насыщается до сыти, сразу: не нужен совсем!

Грусть? И этого нет, может быть. Трезвость? Насмешливость? *Была бы, если бы не наступило сразу ощущение — греха.*

В страстной душевной близости Бог — близок. Может быть, даже прощает до некоторой степени ее греховность — греховность отвлечения от Него к — *одному* человеку. А когда наступает день — прошлый грех *налицо*, и тогда сразу одиночество, и — "Господи, прости..."

Если он *мог* — в делах, среди людей — не затосковать обо мне *целый день, позабыть священность*

душевной близости, значит, всё его стремление к моей душе было — воображение, развлечение. И я, естественно, успокаиваюсь, как вскипевшее, снятое с огня молоко, и нечего мне кипеть — дальше.

Знай я, что он *м н о ж к о* скучал по мне — кипящее молоко капало бы ему навстречу — честное служение сердцу.

Но раз *день* прожит безбедно с другими, неделя, так и жизнь проживет с ними — и ответственность с меня снимается.

И служенье возвращается Туда, откуда оно снялось (от Бога к Человеку) — назад: от человека — к Богу...

Эпилог

Вот и кончилось наше Путешествие, казавшееся таким бесконечным! Круг завершился. Из им полюбленной сказки *моих* 27-и (как ему теперь), сказки "Черепаха"¹⁶³, где кольцо Соломоново с "И это пройдет" упало со старого сустава отшельницы, некогда принцессы: "и никаких слов там больше не значилось. Молча канув золотом на песок пустыни, змея глотала свой золотой хвост..."

В сказке слова растопились в райском счастье. У нас — потому что кончилось казавшаяся бесконечной беседа, иссякли земные слова!

И — как только кончилось Путешествие и сомкнулось кольцо, так от него, как второй сомкнувшийся круг восьмерки ∞ , началась *История* одного путешествия, — и в трехдневный срок полета поезда по России, Уралу и казахским степям оно, часы и часы, отдыхая лишь сном, перо по бумаге — сомкнулось¹⁶⁴. (Остался неуместившийся в три дня труда Карантин, блужданье по феодосийским старым улочкам (может быть, это последняя символика, что оно — не уместилось?¹⁶⁵ (Как не уместилась моя душа — в нем...))

Путешествие и его зеркальная тень. Нет, это конечно — тусклое зеркало. Как ни тщила я воссоздать то, для чего в радости сперва, затем в горести полугодового путешествия всё не было времени — его первая музыкальная часть была несравненно светлей, радужней, чем — написанное. Перо по бумаге бежало, где-то внутри глубоко окунутое в горечь, оно лишь старалось писать о светлом. Свет хоть и фатаморганным был, куда сильнее — страниц. Был?

Казался? Может быть, Мариной ответить — в семьдесят семь ее семнадцатилетними строчками:

Когда снежинку, что легко летает,
Как звездочка упавшая скользя,
Берешь рукой — она слезинкой тает,
И возвратить воздушность ей нельзя.

.....
Когда хотим мы в мотыльках-скитальцах
Видать не грезу, а земную быль —
Где их наряд? От них на наших пальцах
Одна зарей раскрашенная пыль!..¹⁶⁶

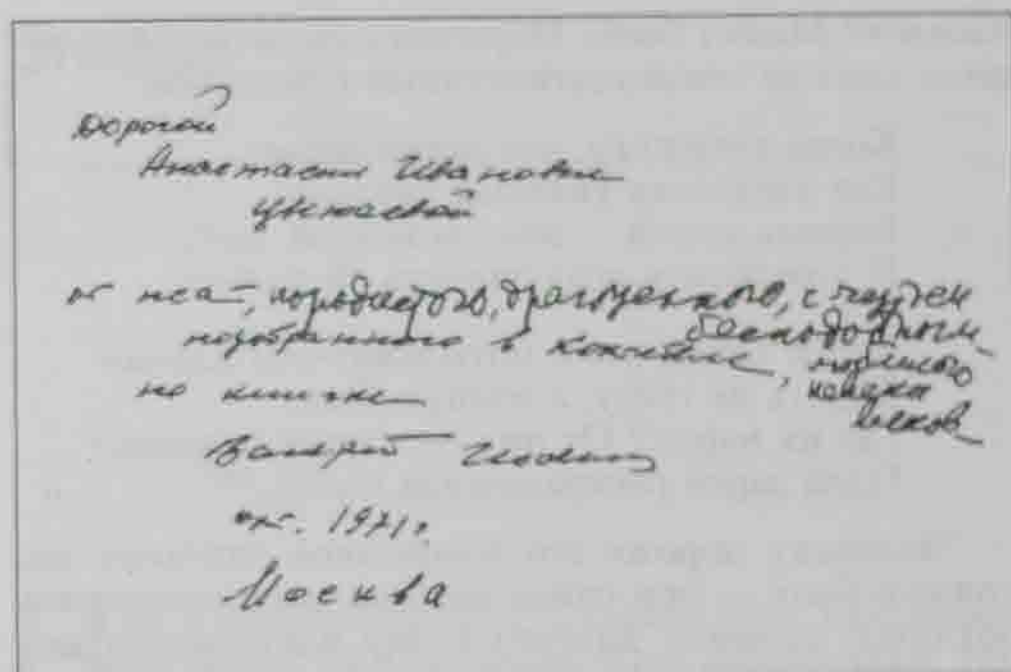
Человеку дороже его привычное одиночество, должно быть — чем самое нежное, всесторонне заботливое желание другого этому одиночеству помочь (NB!), если для этого надо и "спасаемому" что-то — отдать...

Человек держится за *свое*. Есть грубая, но выдавшая виды пословица, поговорка: "По-свиному, но по-моему!.." Именно так осторожно рассуждает не вступивший еще на путь отречения от чего-то своего — в высшее, в которое поверил. За доблесть выдает он горькую только подчас свободу "эх, эх, без креста..."

В надписи мне Валерика значилось: "От пса, подобранныго в Коктебеле"... Еще читая и уже смеясь, стремясь задарить собой эти слова, я понимала, что в нем это мелькнувшее "смирение паче гордости..."
Игра слов!

Со всей цветаевской щедростью я уже вписывала эпитеты псу: "драгоценному..." но его *чутье*... "и любимому вовеки веков..."¹⁶⁷ Это писал человек в семьдесят семь, поверивший чуду! Что *может* молодое существо мужчина потрясти с встречей со *старой* женщиной, со старухой, в ней почуяв опору, правду в ее речах, беззаветность в желанье помочь. (Да и не был Валерик мужчиной мне, а вроде как полуангел, на мои слова о встрече с женщиной, будущей, моливший не говорить этого — оно ему *не* нужно), ему хорошо именно так, со мной, в нежной человеческой Дружбе, открывшей ему новый мир, показавшей всю ничтожность прежде с ним бывшего. Надо ли упрекать себя, что я в тот Бред — поверила? Это же был Бред — с *большой* буквы, и Жизнь полна чудес...

Факсимиле автографа В.Исаянца
 (курсивом выделены слова, вписанные А.Цветаевой):
 "Дорогой Анастасии Ивановне от пса, —
 породистого, драгоценного, с чутьем бесподобным —
 любимого во веки веков — подобранныго
 в Коктебеле, по кличке
 Валерий Исаянц окт. 1971 г. Москва".
 Архив А.И.Цветаевой.
 Публикуется впервые

Упрекать ли себя за женскую свою привязчи-
 вость, за привычную радующуюся щедрость, за веру,
 что это ангельское и пребудет, утвердит его в труде,
 в борьбе с собой, со своей привычкой не обращать
 вниманья на то, как страдает о нем его родная мать...
 Через меня (ей, по годам, матери) я надеялась, что
 он изменится к ней! И как было не верить во всё
 это, видя над собой с нежной улыбкой наклонивше-
 еся лицо чистого ангела с до того, может быть, даже
 не встреченной гармонией черт?

Любованье этим лицом было отдельным счастье-
 ем моего зрения, отзывающимся восторгом (не бо-
 юсь слов) в душе.

И не разрушение этой нежности внесло хинную
 горечь в наше общенье, не с него началось. А — мед-
 ленно, верней, хоть рывками, но долго — раскрыва-
 лись глаза в неблагодарность этого человека, — а
 это слово так, корнями, похоже на неблагородство...
 Прозренье в Лукавство, уклонявшееся от данных
 обещаний, от борьбы за доблесть. Моя трагедия в

этой Истории — не женская, а — человеческая. С женской было круто покончено обетом, в жизни любовь отдавшим, в двадцать восемь лет. Женщина умела терпеть за почти пятьдесят лет, научилась! *Человеческое* не смогло продолжать терпеть слабость. Ухо услышало фальшь...

Честность до последней черты: какая-то боль *живет* под глубоким "спудом" в сердце. От нее может быть — не спасусь. Но стремление к принятому в сердце Облику, Образу — таяло закономерно от каждого удара по сердцу, удару удивления, разочарования — и может быть, это Стремление кончилось у нас одновременно — мы отступили оба от рубежа Понимания и Восхищения: как только понял он, что надо *собой* платить за дружбу, *слушать* Правду — а она зазвучала тверже, и требовательнее — так он начал осознать эту правду — *неправдой*, усумнился в понимании человека, ставшего зорче к нему... И щедрость цветаевская, щедрость до беспамятства, до самопожертвования естественного и привычного (первый круг) уступала все больше место Зоркости (второй круг) — беспощадной.

И всё еще билась я — за Иллюзию! *Как* хотелось претворить ее в жизнь! Как билась! Но Высокая Трезвость уже говорила цветаевским (маминым!) голосом: тут звучит — музыкально — готовность к отказу. И шепот: откажись...

Но — бесконечная жалость к уже родному, кому без меня будет *тяжче!* Та жалость мышкинская, о которой Рогожин: "Твоя жалость пуще моей любви!.." Уже не юношу ангелоподобного я отдавала, а — "дитя мое", своего *ребенка!* И *это* может понять только *мать*. (Мне его мать в последнем письме: "Но Вы уезжаете, без Вас Валерик будет еще хуже... Я же не осушу глаз до конца моих дней" (может быть, и я — тоже?). Но как мне от нее скрыть — происшедшее? То, что я еще должна объяснить; уже в начале ноября, в поездке в Курск — в моих словах, что не надо терять Декорум было взывание к Доблести. Значит, счастья общения уже *не было*. Прояснилась картина безответственности в его молодой душе.

Безответственных должников в *моей* молодой жизни — не было. Борис, Миронов... о Вале, Леониде, Маврикии Александровиче¹⁶⁸ и говорить нечего.

"Мориц"¹⁶⁹ — дитя моей Зрелости — был безответственный должник, так не хотевший быть назван, боровшийся за название обратное. Валерик не боролся за себя в моих глазах — почти. Сразу обвинил в непонимании. Хотел моего отношения — даром, не утруждая себя...

Только раз он спутал эти свои карты настоящим раскаяньем: когда кинулся с рыданьем ко мне (в ответ на мою замерзшесть от его грубости, в ответ на мой холодный убитый тон), с хлынувшими слезами — о мое плечо. *Очистительные слезы!* Но — неповторенные. Вторично не сорвался из себя — в Правду. (Может быть, это еще — впереди?..)

Как я прижала его голову к себе, как его утешала...

И последняя тема: его немота в Таллине во время моей болезни¹⁷⁰.

За две недели два раза, кажется, спросил о моем самочувствии. Раз вмешался в неделанье мне R<ентге>на врачом. И один вечер (или два, из тринадцати) вдруг ожил ко мне: ночью я мыла голову, он постучал в ванную:

— Я Вас потерял, — интимно, встревоженно. — Я не могу спать, когда Вы не спите (это — не раз).

И утром вдруг с доброй нежной улыбкой перебрался с постели к моему дивану, головой ко мне:

— Как себя чувствуете?

В остальное время вообще почти не бывал дома, очень мало. Поев, одевался:

— Я пошел.

Ничего о своих днях не рассказывал мне — другу, больной. С которым так стремился в январе оказаться в этом волшебном городе — ни слова сожаленья о том, что моя болезнь мешает — этому. Болезнь ли? И было ли уже — чему мешать? Хорошо, что не лгал, да — но куда же делась ангельская деликатность, проникновенность начала нашей встречи? Нацело перенеслась в другую душу, в Таллине встреченную? Но *если* так было — почему не нашлось слов мне сказать: "Я встретил — Друга"¹⁷¹. Вы в ней ошибаетесь, верьте мне". Хотя бы это! Я бы насторожилась вниманьем, желаньем *поверить* в свою ошибку... Но — так: исчезать! От меня исчезать, так хотевшей его счастья, *если* оно настоящее! (Та женщина — виденье на балконе коктейбельского дома...)

Прерываю себя: *что* было бы, если б не встрети-
лась эта женщина на, может быть, почти десять,
семь, восемь лет старше его, так не влюбившая его
в его первый приезд в Таллин? Если бы он не по-
любил бы ее! Как пошла бы далее Дружба наша?
Полюбил? У нее спросить надо...¹⁷² Ей мужества по-
желать! Потому что, когда я, всё с той же цветаев-
ской щедростью (да и не только цветаевская, она и
ЖенеКунинская тоже, Того поколения, Того мира...),
преодолев свое первое неблагоприятное о ней впе-
чатление, мыслью, что *она* страдает сейчас, с ним
расставшись, *если* любит его — я рванулась к нему
— о ней осторожно и добро, как старшая, пробуя
воплотить что-то вроде возможности *их* будущего
— он остановил меня (как накануне мои отрица-
тельные о ней слова) — "я не хочу больше слушать
такого" — и вот я не знаю, от любви ли *он* остано-
вил мое на другой день *доброе* отношение к ней —
может быть, от прозренья его в свою неуверенность
о себе, в себе, от — осторожности... остановил меня
словами неясными, что всякое напоминание о ре-
альности жизни — Господи! может быть и тут —
безответственность?

И еще одно: это момент с тем, что ему часто
хочется звать меня "бабушка Асенька"¹⁷³ — оттого
ли он был, что я за полгода явно состарилась, в
последние месяцы три раза проболев — сердце, меж-
реберная невралгия, нервный чес и в первый раз
пневмония (первая болезнь сердца и невралгия на-
чались в вечер его грубости со мной, и он, позднее,
сказал о тяжести ответственности, на него легкой
— мельком, едва-едва, и я разговор этот будто бы
не заметила, сознательно), то есть оттого ли ему
вдруг показалась я — "в бабушках", что я физичес-
ки состарилась (в Таллине он меня медленно вел
под руку в собор — после болезни, помятуя наш
Крым!) Или потому, что от меня освобождался, най-
дя опору о другое плечо?.. И я перешла в разряд
"бабушки Вари"¹⁷⁴, им очень любимой и мне (ибо та
— родная) — почетный, но такой, где, признав себя
внуком, можно, как все внуки — отбежать, отойти
— и уж во всяком случае не слушать того, что ему
говорят вслед?.. От его, почти вдохновенного у Ка-
рантинной феодосийской башни мне: "Я *совсем* не

чувствую Вашей старости!" — слов, которыми он зажег над нашими путешествиями фонарь Волшебства, — до тех слов о "бабушке Асеньке"¹⁷⁵ — пять с половиной месяцев...

Вот и кончилось Путешествие наше, вот Вы и потушили над нами фонарь Волшебства! В свете которого поверилось мне в Ваше возрождение к творчеству и труду... к преодолению нервной болезни...

Все это — на восьми страницах наугад, в темноте, ночью записанных, переписанных и доделанных — днем. Сегодня день развода Валерика в Воронеже. За одиннадцать дней с моего отъезда Валерик не прислал мне ни одного письма. Я ему — письмо¹⁷⁶ и открытку. (Ее он, может быть, не получал, уехав в Воронеж.) На письмо он ответил короткой телеграммой, кончив ее: "Целую Исаияц".

У меня несколько его писем и телеграмм, и все они подписаны — Валерий.

ОТГОЛОСКИ

ПУТЕШЕСТВИЯ

Валерий Исаянц

Первая встреча с А.И.Цветаевой

23 сентября 1971 г.

С Анастасией Ивановной Цветаевой мне была предуготовлена встреча...

Во второй половине шестидесятых годов, как снег в июне, как гром в декабре, стали появляться в "Новом мире" и в "Литературной Армении" материалы о судьбах рода Цветаевых, подписанные глубоким и неожиданным именем на фоне всех других имен.

Имя Анастасии Цветаевой было как струя целебного воздуха — сестра Марины жива, и всё, публикуемое ею, написано на высочайшей ступени характерного, стилевого и интеллектуального благородства. Эти публикации как магниты притягивали душу подлинно высоким художественным, "аристократическим" изложением. Появился текст, за которым угадывалась глубина очевидности, и это уже разряжало атмосферу фатального интереса к личности поэта Марины Цветаевой, ко всему роду Цветаевых, к его драме, которая просвечивала фоном Марининых стихов.

Чувство робости, с каким брался в руки номер журнала с публикацией Анастасии Цветаевой, мешалось с чувством радости угадывания. Да, это такая же подлинная редкость слова, как воспоминания самой Марины, А.Белого, О.Мандельштама.

Где-то в те годы, где-то... да, возможно, в Сибири или еще дальше — на катере, пересекающем реку Амур? или другую — мне приснилась встреча с Анастасией Ивановной почти так, как она произошла, только добрее, человечней, так, как кристаллизация яви из сна всегда бывает неожиданной.

...Неожиданность... встречи...

В тот год я впервые осмелился подступиться к Дому Поэта, Дому Максимилиана Волошина, общий интерес к которому привлекал сюда многих и многих, для которых не поздно еще было приобщиться к духовной природе — к Природе живой, ландшафтной и к глубоко осмысленной посредством нее духовной культуре слова. То и другое послужило тому, что в разные годы здесь собирались люди, которым суждено было стать основоположниками русской культуры. Это особенно обязывало, и только после сна, приенившегося мне, сна с какой-то очевидностью предполагаемой яви, я осмелился прийти в Дом к вдове Максимилиана Александровича — Марии Степановне Волошиной.

Еще на крыльце второго этажа, где "кружится ветка омелы"¹⁷⁷, мой испуг, готовность немедленно бежать, остановил скульптор Анатолий Иванович Григорьев. Он привел меня в гостиную, где мне случилось прочитать мои рыхлые стихи, и я прочитал их с таким воодушевлением, с каким они были написаны, и, более того, с буквально "вещим" волнением, так как я впервые оказался в мастерской Волошина, всемирно известной, мне знакомой по фотографиям и иллюстрациям. Более того, день спустя Мария Степановна уже назначила мое выступление в мастерской, и по Коктебелю полетели слухи о вечере. Мне некуда было деваться. Глубоко в себя я запрятал собственную глупость и неумение перед фактом неотвратимости чтения там, где было лоно и прибежище многого лучшего в области русского слова.

Вечер прошел удачно. Мастерская многими крылами поддерживала мою уверенность в необходимости здесь что-то читать, пусть неумелое, но возникающее сразу в Доме, как эхо в скале, находящее себя и в этом воздухе, и в пейзаже за окном, и в бесконечной жадности на стих собравшихся.

Здесь, над двумя кожаными диванами (на одном спал Мандельштам, на другом — Шаляпин¹⁷⁸) мерцал "неотвратимой улыбкой" слепок с царицы Таи-ах. Картины с прикрепленным вереском, тамариском, молочаем и бельэтаж редчайших книг обязывали к высокому настрою души и состояния.

Вечером руководила сама Мария Степановна, и чувство живой жизни, внимания были обусловлены самой "поэтической установкой" Дома. Как итог ве-

вчера вспоминается реплика Марии Степановны: "Надо с Асей познакомиться". Эти слова остались во мне, но с какой "Асей" — я как-то не понял сразу.

На другой день выяснилось, что "Ася", которой мне необходимо почитать стихи, — это Анастасия Ивановна Цветаева, и я почувствовал восторг, бознь и даже какую-то жуткость — читать стихи сестре Марины! С другой стороны, этим "надо познакомиться" предполагался приезд человека, как-то в моем сознании соотнесенного с тем неожиданно благородным и подлинно интеллектуальным настроением, какой господствовал в ее напечатанных текстах.

Я думал просто о человеке — Анастасии Цветаевой, встречи с которой искал (и встреча с которой мне приснилась).

Наконец, такая встреча свершилась.

В климате Коктебеля что-то явно изменилось, появилось чувство присутствия чего-то совершенно неожиданного, нового. К Дому стали подходить с несколько иной повадкой, и весть сама по себе окрыляла обитателей местности: "Цветаева Ася приехала. Остановилась у Маруси. Вечером будет в гостинной". Я ждал в мастерской недолго и скорее почувствовал, чем увидел невысокого роста женщину, очень сухую, с седой прядью. В осанке угадывалось сходство сестер, и потому чувствовалась неповторимость происходящей здесь встречи.

Еще раз "золотнув" в свечах мастерской улыбкой Таиах, свет перешел на появившееся лицо, собравшее его так много — до потемнения в глазах, но, отразившись, лучи легли мягким слоем беседы, плавно перемежавшейся с оконным гекзаметром волн.

Меня поразила в Анастасии Ивановне ее тишина, в глубине которой, как в глубине глаз, звезд и предметов, в глубине ее неповторимой речи складывалось что-то доброе, яркое, не соотнесенное ни с чем в окружении. И ее чуткость на каждую подлинную интонацию, ее безграничная доверчивость этой интонации стиха или слова.

Она спрашивала у меня стихи, она, сама стиховая, творческая природа, и, ранее, чем я сам успевал переписывать бесконечные "Пролетки" или "Игру безрез"¹⁷⁹, переписывала мне своим неповторимым почерком забытые стихи Марины и свои. Эта записанная тетрадь хранится у меня, многие стихотворения

из нее уже опубликованы. Была еще одна тетрадка, сшитая Анастасией Ивановной, с бисером драгоценных цветаевских, сестринских строк. У меня она пропала. Дубликат был сохранен у Любови Алексеевны Пешковой.

Мы долго в тот вечер пробыли в мастерской, до глубокой ночи. И на прощание Анастасия Ивановна благословила меня так, что с тех пор я помню это, как самое теплое благословение¹⁸⁰.

Валерий Исаянц

В поисках дома, где жила Анастасия Ивановна (Феодосия, 1921 г.)

Идем быстро, — почти летим: Анастасия Ивановна в темно-коричневом старом пиджачке, темно-зеленом старого шелка шарфе с красными полосками по краям, в чепце, в коричневом в крапинку, чуть наклоняясь; и я, спешащий за ней под руку, в белой туристской шапочке, темных очках, с палкой.

Автобусом — быстрее, быстрее, до поезда только два часа, — к могиле Айвазовского, к базилике, хачкарам¹⁸¹, — и на Карантинный холм.

Нужно найти дом, где жила Анастасия Ивановна в 1921 году. Находился он рядом с домом художника Фесслера¹⁸², дом последнего — также не известен. Выходим из автобуса: налево воздымающаяся, крошечная сверху, могучая Генуэзская башня, соединенная со стеной, преграждающей взгляд на море. Но это дальше. Ближе — мост, спуск вниз к кривым, витым, крутым, выразительным и запутанным вечерним улицам старой Феодосии. Направо — довольно крутой склон, вдоль которого, чуть возвышаясь в продолжении, ряд одноэтажных, глухих с этой стороны, домов.

— Ох, как похоже. И здесь так же было — и склон, и вид этот, посмотрите, как красиво! Но, может, и не здесь...

— Что вы ищете? — обратилась к нам какая-то женщина с песочным лицом.

На память Г. Н. Кетичинова.

Я вхожу в комнату опущенной голова ...
 Ваши письма — это дружеские шаги!
 Из них не слышно шума, слышны только,
 Но возмущенно великой любовью слова

Полюбу ваши беды, — иновещи победы
 над бедою, над какою-то страхом конца —
 Трубный глас Ваших строк — шум битв
 Величавую львиную лепку лица.

Наше счастье нетленное, счастье сиянья
 Среди прекрасных, что Вам открывала Земля,
 Навсегда сохраненные утра сиянья,
 В них друзья любимы леса и поля.

Е. Куниной
 Старый Крым, август 1971.

Факсимиле автографа Е. Куниной. Копия из архива
 А. И. Цветаевой. Воспроизводится впервые

Трубный глас Ваших строк —
 через боль, через беды,
 Величавую львиную лепку лица.

Нам осталось нетленное. Счастье сиянья
 С тем прекрасным,
 что Вам открывала Земля,
 Навсегда сохраненные утра сиянья
 И любимой отчизны леса и поля.

1971, Старый Крым

Анастасия Цветаева

Предисловие к сборнику стихов

Валерия Исаянца¹⁸⁴

Передо мной сборник стихов Валерия Исаянца "Лирическая тетрадь". Так назвал молодой поэт свою первую книжку.

Он прав — лирическая струя есть во всех его страницах. Но это не только лирика. Сколько тут есть и героики, и озиранья на окружающий мир, сколько страсти познать жизнь и называть это познание.

Что больше всего поражает в этих стихах?

Стремительные их ритмы. Но было бы близорукостью думать, что это лишь ритм — стихов: ритм — индивидуальность поэта! Стремительность. Говорит ли он с Медным Всадником (прошлое) —

...Как ножницы резал он ночи
Сеченьем лихого галопа...

...Был слышен все ближе и ближе
Раскатистый храп ошалелого
В невидимой скачке коня —

Обращается он и к настоящему, современному
— Гарсия Лорка

...но бьется женское сердце
Любовью к земле и к людям
В сердце потомка Гея
В сердце сына России...

или к Георгию Велласу —

...кровью пишутся сюжеты
Для Софоклова пера.

.....

...И пока тревожит Лету
Эта варварская рать,
Разлученный брат от брата
Здесь не ведает покой,
Как в застенках каземата,
Сердце бьется под рукой.

.....

...И пока тревожит Лету
Эта варварская рать,

Отдыха не знать поэту,
Отдыха ему не знать.

И везде та же стремительность отношения и выражения, тот же стимул *вперед*, через все преграды, в будущее! Даже в самых лирических любовных стихах — тот же бой — на этот раз с собой, то же преодоление —

...Душа и шапка — набекрень,
Ликует сердце сгорая,
И — только легкий бег оленей
Да взгляд якутки невзначай!

...Всю жизнь твою стремится попутно
Полоске неба изумрудной

...Скосишься, падаешь, как будто, —
И снова бег твой устремлен,
Полет вне прений и времен!

И, мечтая —

...Слышите сердце мое на колесах
Еще стучит
И не знает крушенья!

Вот он весь, Валерий Исайнц, в этих словах! Осознание, преодоление, — вперед! Ни тени уныния, радость победы, бой с трудностью творческого пути.

Природу поэт чувствует в единении с собой или себя — с нею, что то же:

...И я дышу дыханием природы.
Она всегда чиста. Она — со мной...

...Я здороваюсь с грибами,
Птице вслед шепчу.
Небо тянется губами
К моему плечу...

Валерий Исайнц в лирике своей глубоко человечен, благожелателен. Он не отъединен, он на все отзывается. Посетив выставку Сарьяна, своего соотечественника, он зажигается пламенем его картин:

...Надолго я запомню
Десятки солнц, слепящие безгранно,
Как шаровыми яблонями молний
Катились в руки яблоки Сарьяна.

Поэт сочетает в себе две крови — русскую и армянскую, о чем он говорит так:

...Два цвета в моей крови,
Два солнца — и нет исхода.

Так поэт называет предельное чувство богатства — быть сыном этих двух жизней.

Но, может быть, скажут иные: в нем замечается подражательность! Тем, кто захотел бы "уличить" его в этом — ответим: разве можно упрекнуть молодого поэта в том, что он учится у старших современников?

Учится — значит, выучится, если уже сейчас он обретает свое лицо.

Начинают с подражания почти неминуемо: Лермонтов подражает Пушкину.

Когда-то английский эссеист Томас Карлейль в своем очерке о народном шотландском поэте Бёрнсе сравнил его с чистым источником, из которого, подставив ладонь, будут пить — путники.

Так Валерий Исаянц поит читателей вечной свежестью юности, которая оглянулась — еще раз, в вечно-первый раз! — на мир.

Сама печаль его стихов — так свойственная истинно русской лирике — дышит жаждой преодоления. Пожелаем же ему светлого творческого пути!

Анастасия Цветаева, ноябрь 1971 года.

Валерий Исаянц

К 90-летию Анастасии Цветаевой (Очерки импрессиониста)

I

<Я спрягаю прошедшее время...>

В опубликованном журналом "Москва" (1977, № 7) "Сказе о звонаре московском" Анастасии Цветаевой (теперь это книга, почти втрое увеличенная, дописанная, должна выйти в издательстве "Музыкальная жизнь"¹⁸⁵) есть такие слова: о произносительных трудностях героя: "Константину Саграджеву, умевшему различать в октаве 1700 звуков, в произношении не давался звук "ж": "И вот вы (то

есть я) должж... он зашнурлся, завязнув в жужжании этого "ж", как жук, попавший в патоку и... методично боролся с неспособностью одолеть слово... Он скорее отдавался чувству юмора этой схватки, иногда выходя из нее со смехом, но никогда не отступал... Нет, упорство жило в нем самом!.. Ему не дается звук — ему! Столькими звуками владеющему, их богатством одаренному свыше всех возможностей!"

И на этом месте, приводя рассуждения писателя уже не ее "Воспоминаний", выдержавших несколько изданий у нас и переведенных почти на все основные языки в Европе, хотелось бы отметить отношение ее к Слову и звуку слов. Вот она говорит о неизгладимом впечатлении, произведенном на нее в юности чтением Данте, предельно точно выражая единство и главное, глубоко осознанное единство звука и смысла. Из всех авторов прошлого Данте "угадан" Анастасией Цветаевой, прислушавшейся к "звуку слов, до краев наполненных смыслом". Это доставляло сестрам Цветаевым "радость не вещественную". И вот это овеществление звука посредством его смысла, так что звук целиком его заполняет, до полного овеществления, — предельно отвечало пониманию слова у юной еще Анастасии Цветаевой, сохранившей это понимание и воплощение в своем творчестве в течение всей ее долгой жизни. В этом ее отношении к слову, отношение, прорывающееся сквозь паточные "ж!", как у своего героя в "Сказе", и приходящее к единству слова и звука, овеществляющего цветаевскую стихию речи и творчества.

И второй существенный момент авторского восприятия Анастасией Цветаевой окружающего мира, культуры, истории сквозь призму ее неповторимой памяти выражен ею же на страницах "Воспоминаний". Неповторимая, отмеченная еще Максимом Горьким феноменальная память (память живая, та же, как у ее сестры Марины — живое о живом!¹⁸⁶) находит свое объяснение: "Я лукавлю. Я "спрягаю *прошедшее время*", подделываясь под явь дней. Но тот день не прошел. Разве он мог пройти. То четырнадцатилетие, прислушиваясь к своему круглому, как рай, счастью — потому и не могло быть до дна вглотнуто, что оно не имеет дна. Потому оно и ... дожило нерушимо в памяти до глубокой старости... Но этот час нерушим и вечен, у него нет имперфекта. У ла-

тыни вечности только одно время: Семпер Идем ("всегда то же". — В.И.). И именно сила такого "спряжения", такой мощной лучевой проекции столь отдаленных теперь для нас времен приводит к нам отраженный в чистом зеркале мир интеллектуального окружения семьи Цветаевых.

<Паруса неповторимости>

"Орленок" — сын Наполеона, герцог Лихтенштадтский, Мария Башкирцева¹⁸⁷, и для Анастасии — впечатления образов Данте, Достоевского, Гоголя — живыми входили в мир цветаевского окружения, вне литературной обобщенности помещаясь рядом с непосредственно любимыми героями самой действительности. Нилендер, Кобылянский, Ланн, Эллис, Аделина Патти, Брюсов, Скрябин, позже — Ромен Роллан, Элюар, Горький, Поль Валери, Б.Пастернак, П.Г.Антокольский, Богаевский, О.Мандельштам, Сальвадор Дали и другие современники Анастасии Ивановны, внесшие свой вклад в основание культуры века.

Уже в последние годы, когда автор этих строк мог быть непосредственным участником и очевидцем цветаевской "прогулки", он был свидетелем встреч Анастасии Ивановны, посредством выхода "Воспоминаний" или другим путем нашедших ее в последней четверти двадцатого столетия и сохранивших дружбу и благодарность: художника Людвиг Квятковского, искусствоведа М.Алпатову, с неповторимой семьей Елены Ефимовны и Евгения Борисовича Тагер, ныне покойных, бережно хранивших дружбу с крупнейшими деятелями культуры двадцатого века.

И все-таки "Воспоминания" или "Сказ" в течение всего одной человеческой жизни сумели стуснуть время, необходимое для кристаллизации памяти А.И.Цветаевой, человеческой смертной памяти в такую форму как "миф" или "легенда". "Я работала как реаниматор", — еще раз скажет Анастасия Цветаева, чтобы живым повествованием вызвать к жизни, воскресить в дне сегодняшнем то, что непреходяще, то, без чего наша жизнь будет обедненной.

Анастасию Цветаеву более, чем биография, поражает в жизни чудо ее героя, она видит это чудо, самоотверженно ему служит и вызывает к жизни — *реанимирует*. Значит, это *нужно* сегодня. Значит,

такие характеры, ставшие исключительно редкими, нужны жизни, культуре, вечности!

Ничего не изменить в том мгновении, часе, дне, жесте, слове — в том пространстве, где это чудо было явлено, исчерпывающей, часто "ситуативной" характеристикой или деталью, приметой выявить его таким, каким оно было в жизни, какое оно в жизни есть!

Вот о Константине Сараджеве, переданном в его стихии (по сегодняшнему признанию специалистов-музыковедов, это величайший из когда-либо существовавших мастеров колокольной игры, и не только колокольной): "Он, казалось, летел бы, если бы не привязи языков колокольных, которые он удерживал в самозабвенном движении, как бы обняв распростертыми руками всю колокольную... Они, эти гигантские птицы, распускали медные, гулкые звоны, золотистые, серебряные крики бившихся в синее серебро ласточкиных голосов, наполнявших ночь небывалым костром мелодий... <...>

Существование огромного мира звуков, нам недоступных, прошло по мне трепетом о себе заявившей реальности. Вдруг открывшейся". Незначительные реплики, отрывки разговоров, почти междометий, — как песчинки в раструбе вдруг получили мощную *властность слова*. В прозе писателя образы сменяются быстрее самых быстрых реалий и создают особое чувство метафоры, которое, как единое, может рассматриваться посредством самого ключа, что открыла нам сказительница, как "*спряжение времени*". Слово — ее стихия, "*безоблачная ночь счастья*".

***

Строки этого очерка принадлежат человеку, который много лет был ближайшим другом семьи Цветаевых, и да простится ему то, что он позволяет себе поделиться некоторыми личными впечатлениями от встреч со сказительницей, дарившей его своим доверием. Многое, что было написано ею позже, рассказанное ему в легких беседах и прогулках, когда память Анастасии Ивановны нуждалась в "непосредственном воспроизведении", проще, когда сказительница нуждалась в собеседнике, которому хотела доверить то из сокровенного, что является самым ценным, и было бы жаль, если бы оно ушло без упоминаний.

Первая встреча в Крыму, когда Анастасия Ивановна вела меня вслед своей легкой беседе, и, когда, казалось, самое простое и легкое воспоминание так же легко, как эти беседы и прогулка; но от предыдущей прогулки по этим памятным крымским местам и от предыдущих бесед со своей сестрой, с поэтом Максимом Волошиным, Осипом Мандельштамом и другими замечательными людьми, любовно вспомненными в "Воспоминаниях" Анастасии Цветаевой, до разговора сегодняшнего ее отделяло более, чем полстолетия. Итак, Анастасия Ивановна вела меня вслед своей легкой, как пена утренней коктебельской волны, беседе, перекатывавшей самоцветные камни побережья с гулом земной пустоты. Многое, что сейчас написано, тогда не было написано и, тем более, напечатано, но густые, темно-бордовые волны печатали знаки этой непроходящей памяти, и в редакции стихи морской они были еще богаче интонациями и яркими подробностями и, как ширь морская, заключали в себе все оттенки сохранившейся молодой души, способной к безмерному дару перевоплощений. Рассказчица шла, как говорила, — легко и круто, и волны уносили "*безветренные паруса*" ее неповторимости. Было грустно, что все это не может быть записано: Анастасия Ивановна вспоминала о многих выдающихся людях, с которыми ей доводилось увидеться, которых она сумела у в и д е т ь, и рассказывала так, что в нескольких чертах при ярких подробностях виделось самое х а р а к т е р н о е в людях. При этом характерность в реальной жизни людей в будущем могла исказиться и быть недоговоренной. В словах ее было самое существенное, что могла донести память, не было ничего лишнего и замутненного: одно существенное. Так она вспоминала о Сараджеве, А.Белом, А.Толстом, семье Максима Горького, Марии Павловне Роллан-Кювилье, Аделаиде Герцык, Федоре Шаляпине и многих других. Главным же было то, что по этой же коктебельской тропе почти в начале века она шла со своей сестрой Мариной — со *своей* судьбой, так светоносно продлившейся почти к концу двадцатого столетия. Я подумал тогда, что организация прозы Анастасии Цветаевой может вызывать некоторые (чаще некомпетентные) возражения оттого, что творческая память ее безмерна. А жизнь не всегда, далеко не всегда оставляла "вакансию поэта" для осмысления и

организации материала по структурным признакам. И при безмерной творческой памяти Анастасии Ивановны, вся ее жизнь — творчество. Ярко, выразительно, героически творит она Жизнь из каждого мгновения, часа, дня, века! "Культурная проекция" — та погруженность в живые образы прошлого в его целокупности, как память человечества, свойственная отцу сестер Цветаевых Ивану Владимировичу — создателю первого в России Музея древних слепков. Слепок — не копия! Слепок — это абсолютно точное воспроизведение оригинала в другом материале.

<Зеркала>

Цветаевы не любили "кривых зеркал". Не тяготел к ним и никто из названных выше великих поэтов.

Подлинный художник, как бы ни смотрели на него, всегда смотрится в *него*. Видит свою кривизну, осуждает ее, но художник невольно меняет фокус зеркала, чтобы, по возможности, искупать, и все-таки. Природа искупает сама себя, — художник не может не быть верным Природе и возвращается к своему зеркальному образу, пускай измененному и деформированному. Если такому пониманию образа зеркала нужны коррекции, то, можно считать, что каждое из этих зеркал — увеличительное, "гиперболическое", что еще более соответствует глубине Природы, которая способна от взгляда на нее только увеличиваться так, как это свойственно ее бесконечности. Этот софизм можно простить в поэтических целях. Так, например, "Зеркало" Мандельштама — прямое гражданское зеркало, пусть гиперболическое — оно одно, но в нем отразилась природа Культуры и Разума его времени такими, какими они *должны* были быть.

Я не случайно заговорил о творчестве поэтов, названных выше. В продолжение своей долгой жизни Анастасия Ивановна Цветаева так или иначе соприкасалась с этими великими личностями. Наконец, чтобы несколько подытожить тему, я скажу несколько слов о "Зеркале" Максима Горького, которому Анастасия Ивановна посвятила много вдохновения и осталась благодарна ему данью высокого уважения за правдивое "видение" своих страданий, выраженных через образы персонажей писателя, и о "Зерка-

ле" Блока. Это неотделимо от общей концепции понимания образа двадцатого века как такового.

Блок, увидевший "сон" о Прекрасной Даме, удивительно чутко и тонко спроецировал его в отражение "Прекрасной незнакомки", вдруг удалившейся "вглубь зеркал", в "зазеркалье", где он все-таки нашел ее посредством песни Гаэтана¹⁸⁸ и темы преодоления судьбы — зеркального отражения непосредственно — он увидел ее телесно осуществленной в своем "зеркале". И мечта, преображенная в плоть посредством темы песни и странника, стала спасением Европы. Даже образ Лоур-Лей¹⁸⁹ (Лоур — скала Эхо) не мог так воплотиться, как сквозь три гениальных действия драмы "Роза и Крест". Это проекция в Вечность.

Наше время отличается тем, что всё, о чем мы мыслим, мы хотим *видеть* в параллелях и реалиях. Таким "бытовым" посредником между обыденным (шитьем, кройкой, вязанием, мытьем) и высоким (память — сильнее утраты, любовь — более домысла, надежда — сильнее отчаяния, вера — способность жизни) и выступает, в нашем случае, "Зеркало" — образ Анастасии Цветаевой. Святой — более чем героиней. Но Анастасии Ивановне потребовался героизм, именно героизм, чтобы в чудом сохранившемся зеркале с серебряным обрамлением и ручкой гризайля показать реалиями то, что нами совершенно утрачено, как понятие б ы т а, и игнорируется так, будто это мусор, откуда и нагнуться не нужно, чтобы поднять волшебное серебряное кольцо, оброненное здесь, может быть, еще царицей Савской.

У меня сохранилась запись многих дней за несколько лет моего знакомства с Анастасией Ивановной, подробности и характеры обстоятельств "последней" русской интеллигенции ее поколения. Я не обобщал, но пытался говорить о существенном.

Наконец, "Зеркало" Горького, которое отражало именно то, что он изобрел для искупления "обиды России", то есть для своего искупления, и так мощно выразил в своем творчестве. Увидев это Зеркало, Анастасия Ивановна поразились тому, как смел этот человек сказать именно *так железно* и конструктивно о мучавшем его. Она изумилась л и ч н о с т и, которая, не кривя душой, отразила овеществленные рефлексy социальные контрастов и ни на мгнове-

ние не усумнилась, что это и есть "Зеркало души" писателя, что в нем, помимо этого, ничего и не могло отразиться. Художник — самое себе — метафора. Об этом знали Марина Цветаева, Борис Пастернак и другие. И "г л у б и н а" такого Зеркала — метафорическая. Лучше других это знали Э.Т.А.Гофман, Р.М.Рильке,¹⁹⁰ Льюис Кэррол, наконец.

Но тяготение увидеть целую эпоху в "прямом зеркале", как склонна видеть сама Анастасия Ивановна со своим каждодневным и вневременным даром сострадания, привело ее к симпатии Максиму Горькому и к преклонению перед ним, на что и было отвечено ничуть не меньшим преклонением. Зеркало "бытия" отличается от зеркал "искусства". И именно поиски смысла бытия приземлили Анастасию Цветаеву на Капри к Максиму Горькому, высоко оценившему ее дар писателя. Отсюда невольно начинается утверждение и оттолкновение Анастасии Цветаевой. Романы, сказки, рисунки и многое другое, не сохранившееся — только повод говорить о ее героике, о ее единственности не только в отношении человеческого возраста, права времени на земле, но и в отношении ее творчества, на первый взгляд, пробужденного любовью к сестре. Да, любовь к сестре, как к себе самой. Анастасия Ивановна рассказывала мне про ту ночь, когда она *увидела*, что с Мариной "что-то стряслось". Я не буду описывать сон. Только он, страшный, сбывся на земле — до мельчайших подробностей. Марина Цветаева легла в землю под такими же кустами малины, которые она предвидела над собой еще в 1916 году. В "Воспоминаниях" Анастасии Цветаевой присутствует та же "общая тяга" к жизни и творчеству, что и у ее знакомых больших поэтов двадцатого века, или менее заметных, но ею заботливо не обойденных — ни практически, ни в памяти. А память эта начиналась "в той мгле, где рождаются воспоминания". В той тьме, которая, обозначившись в реальности, стала у Марины такими строками:

Есть остров — Благостью отца, —
 Где мне не надо бубенца,
 Где черный пух —
 Вдоль каждой изгороди. — Да, —
 Есть в мире черные стада,
 Другой пастух.¹⁹¹

Еще никто не мог бы понять предчувствия двух сестер, сказавших одна — так:

И был Руан, в Руане — старый рынок...
 — Все будет вновь: последний взор коня,
 И первый треск невинных хворостинок,
 И первый блеск соснового огня.

А за плечом товарищ мой крылатый
 Опять шепнет: терпение, сестра! —
 Когда сверкнут серебряные латы
 Сосновой кровью моего костра¹⁹².

И — младшая — так:

Но все пройдет: так сказано на славном
 Кольце еврейского и мудрого царя,
 Все станет мутным сном, дремотным
 дымом давним,
 Над потухающим костром паря...¹⁹³

И, однако, память младшей, выдержавшей все пытки долголетия, бескорыстно отражает нам подлинные "зеркальные" души в своем чистом зеркале.

II

Вторую часть моих небольших заметок о жизни и творчестве Анастасии Цветаевой мне хотелось бы начать с того дня, который в безмерной памяти Анастасии Ивановны упущен, может быть, за недостатком времени. Поводом тому, чтобы вспомнить именно этот день, эту встречу с Мариэттой Сергеевной Шагинян, послужила только что полученная мною публикация в сентябрьском номере журнала "Даугава" (1984): "Мариэтта Шагинян (три облика)", образ которой показан Анастасией Ивановной в дни торжеств по случаю 80-ти и потом 90-летия Мариэтты Сергеевны. Третья часть публикации — скорбь об ушедшей. Я хочу вспомнить вечер, хотя бы часть его, часть разговора, когда (да простится мне, как вестнику Богов), когда эти две замечательные женщины, стоящие у разных полюсов и обусловленные разными истоками творчества, спустя более чем полстолетия увиделись впервые в обстановке дома, в обыкновенный вечер текущего столетия.

Это было, как помнится, 10 января 1972 года, в субботу, уже поздним вечером, после напряженного

трудового дня, писательского дня Анастасии Цветаевой. Нас встретила вахтерша, которая, как и все вахтерши таких домов, очень почтительны с теми, кто так просто, по-семейному, приходит к "авторитетам".

— Шагинян вас ждет!

Входим. Никого! Пустота, заполненная ощущением предбытия. Никого. Словно здесь, в этой писательской квартире на Красносельской никто никогда не жил, да, вообще, все дома построены вне фантазий Ле Корбюзье и никем не заселены... Все комнаты — пусты, а лифтерша еще в дверях, и смущена:

— Никого! Как же... Они здесь. Вот и газетку защемили, и не выходили потому, что вас ждали; говорят, старушка придет и молодой армянин такой-то... Вот и вы... А они здесь. Куда ж это, а? Они не выходили...

Она прикрыла дверь и доверительно оставила нас в лабиринте предчувствия. Фантазия никому не вредит. Цветаева знает это. И это будет ясно из того, что угадено из предполагаемой беседы предполагаемого появления уже совершенно реальной Маризиты Сергеевны Шагинян.

Не надо перечитывать моих строк и вдумываться до их смысла с тем пределом, который находят в Слове. Иначе изначальная немота постигнет человечество, и мы отвергнем воспоминания как живую память, единственное, что сильнее смерти. Вот на суд людско, такие воспоминания у Анастасии Цветаевой, та же доверительность у всей мировой культуры, почему и заходит речь за предел ее жизненно реальных границ, потому что жизнь наша не кончается, и реальность нашей жизни — это та же жизнь. И границы нашего существования, чистого бытия памяти, которую мы мним как единственную, предполагая, что ее чистота — без лика, но лик этот живет, удержанный нашим представлением. И вот эта живая память сильнее преходящего, это память сердца и души, соответствующая нашей нескончаемости в Вечности, и каждый земной облик прекрасного, удержанный в "земных" строках, сущий в Слове, живет в памяти человеческой. Вот так, пропустив множество "выкладок" из книг и рассказов Анастасии Цветаевой, я чуть было не сделал вывода. Но его нет. Именно потому, что у глагола вечности одно всегда "Semper Idem"!

...А Мариэтты Сергеевны все не было, Комнаты были в нашем распоряжении настолько, насколько гениально их владелица присутствовала. Шуршало что-то приглушенное, плещущее, размягченное в воздухе... но ничего не было...

Был воздух, напоенный ощущением *личности* — и было доверие... газета защемлена... лифтерша дремлет, и мы с Анастасией Ивановной — А.Ц. (так подписывала свои анналы сестра М.Ц.) не едем выше первого этажа в механизме, едва Анастасией Ивановной усвоенном, словно дорога в Космос, так видение в малом — великого приводило нас в ситуативно-парадоксальные обстоятельства, когда забывалось назначение всего того, что издавна в течение века (...а в голове — как шаром покати — земля катится в голове!), — (...я с сероглазой девочкой... собирался дождь... похожей на мальчика... Марусей...): а интересы множились, когда приходит подлинный герой, который как те (Орленок, Ростан¹⁹⁴...) и вдруг — уходит (мы опоздали его спасти), так бьется сердце вслед его образцу (лейтенант Шмидт¹⁹⁵!), — так мы обретаем его, что уже не можем спасти! А память человеческая, и человеческая жизнь, — сохраняет память — памятью, и жизнь — жизнью! Это несколько более других знает Анастасия Ивановна. Да, остается — *поворот дороги* (Лихтенштайн!¹⁹⁶), — голос ночной птицы (...внизу пели зашедшие поужинать студенты...) ...лежим и читаем — Марина — Хайди (о девочке в горной хижине), я — легенды Шварцвальда¹⁹⁷... Остается... Я хочу опустить этот отрывок, что остается за идущим из Космоса человеком, и — не могу. Вспомните, Р.М.Рильке: Всадник, Посох, Корона плодов, Колыбель, Дорога, Кукла, Окно, — отраженные созвездия примет. И — реальное... наступил сенокос... мы ее почти боялись и тем любезнее отводили глаза и отвечали на ее вопросы, в тоске отводя глаза...

...Но у меня птица такая... она почти вся на ультразвуках... Поворот Дороги... завтра, завтра¹⁹⁸...

А Мариэтты Сергеевны еще не было.

— Мариэтточка! Где вы? Откликнитесь! (Аукаемся, кличем!)

— Асенька, Асенька... Я ведь почти не слышу!.. Вот вы! — Незаметность на кухне хозяйки освети-

лась изнутри теплым взглядом — сквозь очки, будто вся она вошла в этот взгляд, и вышла из него душой сказанного ею имени. Уши, обутое в слуховой аппарат, дыханием двинулись навстречу! *Обутое...* Якоб Бёме, может быть? — не хлебом единым?... (чего-чего, а слез у меня хватает... кто из героев Горького сказал это?... Каждая слеза Анастасии Цветаевой высыхает строчкой — п а м я т и).

...Нам пора спуститься
И славным теням о себе сказать,
Им будет радость с вами очутиться...
(*Дайте, Чистилище, песнь восьмая*).

О чём был разговор? Я бы вспомнил его с очевидностью того, чем в те времена мы с Анастасией Ивановной питались (я был более, чем ее секретарем, был ее другом): это были гренки из совсем уже иссохшего хлеба, размоченного в воде и политого постным маслом, слегка, и тонкая геркулесовая каша на воде из водопровода. Теперь я пишу, запивая мутным, как ночной ветер, с осадком сухим вином, и запиваю это густым чаем и заедаю чересчур вкусными сухарями, не говоря уже о другом).

Разговор был, собственно, обо мне. Две бабушки прижали "молодого человека с Востока" в угол, предоставив стенам уходить по путям двух из стихий столетия. Две другие углом матово теплились фоном над книгами и рукописями. Как оказался человек в углу, и был ли это человек, помнит только мое воображение.

— Я, Асенька, не маринистка, я — Маринка... — это сейчас слышится человеку, который был с Востока, *В то* время. Стоял в углу, зажатый предвкушением чая, не выпитого рукописями и аргументами обстановки угла — напротив.

— А к Лене¹⁹⁹ у меня самое прямое отношение. Я верила в нее. Тогда о ней материал не пропустили. Я совсем иначе писала, чем другие. Я в ней видела Человека...

(Мариэтта Сергеевна, милая, ты — вызывала его — нет!) — а чай стыл!..

— А ты, Асенька, озлоблена, потому что Троя из-за нее была разрушена! Ты не захотела остаться!

— Но я же осталась, Мариэтточка! Я — маринистка. Я осталась на берегу, а Троя была разрушена.

Ты ведь не была там? Ты не можешь посмотреть оттуда?

— Да, но у вас там было детство, а я в это время ходила за плугом... Асенька, оставим эту тему. Посмотри, наш молодой друг совсем окоченел. Это мне интересно познакомиться с армянином из Воронежа...

— Мариэтта Сергеевна, спасибо, что вы так написали о колонии в Нахичиване, о детстве... — сказал я.

— А у вас есть там колония, была?

— Есть, Мариэтта Сергеевна!

— Кто же это, расскажите!

— Я и моя мать!

— Как весело! Я начинаю сейчас воспоминания. Я бы хотела одну книгу подарить вам...

— Мариэтта Сергеевна!

— Да, вашей матери, я все поняла... Когда она будет в Москве, пусть непременно приходит ко мне... Это — ей... Тогда этого не пропустили. Он казался изображением не таким, я изобразила его человеком²⁰⁰... Ах, да и Вам, что же... вот это... Асенька, где вы?

— Мариэтточка, что это у вас?..

— Это Габриак²⁰¹ с побережья... не так чувствовали в те годы...

Но вернемся к страницам "Воспоминаний".

К портрету Гали Дьяконовой (в будущем супруга Поля Элюара, позднее Сальвадора Дали): "Один из самобытнейших характеров, мною встреченных. Взгляд ее узких, поглощающих (разрядка моя. — В.И.) глаз, движение волевого рта, и она была нужней всех... В ней сильнее всего оттолкновение: во взлете брови вдруг вспугивающей весь пыл застенчивости, короткий взрыв смеха (пыл — застенчивости, и взрыв — смеха)". Полярные определения в прозе Анастасии Цветаевой легко меняют свой полюса (паруса!): "...смех охватывал ее, как стихия была в ней какая-то ланья пугливости, в которой было интеллектуальное начало" (разрядка моя. — В.И.). Интеллектуальное начало в этом случае: стихии, здесь: стихия робости и смеха и — поглощающие глаза: вот стороны свойства героини... "короткая судорога смеха" вскипающего, одним звуком, почти давящим ее: "взлетали бро-

ви, — ее узенькое лицо вспыхивало, и, озираясь на кого-то, на что-то поразившее ее, отпугнувшее: она срывалась с места — не быть здесь!.. Так некоторая часть ее сущности была в ускользании. Яркая выраженность и крайняя застенчивость: тона Рембрандта с импрессионистической быстротой зарисовки, часто экспрессионистической — зарисовки, портрета. И вновь обращение в "синее зеркало" Природы: "...Три человека в траве по плечи... безветренные ветви деревьев, зеленые костры кустов... мы замираем в зеркальном блеске, мы растворяемся в его запахе, звоне, это нас уже нет, о н есть".

Пчелы вкраплены в жар воздуха, реющего как мираж. Годы забвения! Годы забвения! Итальянские скалы, взрывы средиземных волн, гладь Леманского озера с парусами лодок, шварцвальдовские сосны и ели и снова черноморские волны-ветер на выжженной Дарсановой горе. Настойчивая мощная стихия цветаевского зеркала. Я заново вспоминаю (это в о с п о м и н а н и я современника нашим поколениям), когда мы с Анастасией Ивановной отвозим материал в редакцию журнала, — а над домами начиналось действие музыкальной августовской грозы: как у Чюрлениса, — капли становились нотами, капли, с безмерностью скоростей и направлений, отраженные деревьями, кровлями, капюшонами, радужно при радостном солнце, велением Вечности разыгрывались интермеццо, скерцо, прелюдии, — в тончайших нюансах звучаний. Гроза "моментальная навек" раскалывалась на неуязвимость времени и благосклонность к самоотверженной игре творчества. Эту неизменяемость и самоотверженность и называет Анастасия Ивановна в своих "Воспоминаниях" наименованием латинского "Semper Idem". Она присутствует и здесь. Различие ее примет лежит часто в области недосягаемой для непосредственного восприятия. В этом и трудности. Как оттенки листьев в свете заходящего солнца, как нюансы этой световой грозы, — их трудно квалифицировать. "Земное" отражение этого зеркала — основания словесные и музыкальные, так или иначе соотнесенные с "музыкой сфер", с твердью, основанием которой — душа, принимающая наши земные откровения, нашу память, возрождающую к жизни ушедших.

Валерий Исаянц

Музыкальный ключ²⁰²

...Мое мировоззрение есть мой музыкальный взгляд на абсолютно всё, что есть.

К.К.Сараджев

Может быть, лучшим комментарием к "Сказу о московском Звонаре" Константине Сараджеве будут рассказы о встречах с Анастасией Цветаевой, так или иначе соотнесенных с написанием "Сказа", и о самой сказительнице, встречающей продолжение своей легендарной судьбы почти у порога второго столетия. Одна из таких встреч — в Крыму, в волошинском Коктебеле, где до этих лет Анастасия Цветаева была здесь со своей сестрой Мариной. Поразительна глубина и внесовременность узнавания — все как в первый раз!

Анастасия Цветаева вела меня вслед своей глубинной, как зеленеющие ущелья Кара-Дага, легкой, как пена утренней коктебельской волны, — беседе, перекаत्याющей самоцветные камни побережья с гулом земной пустоты.

"Сказ" тогда еще не был написан, тем более напечатан, но волны уже печатали его, и в их редакции оно было еще богаче интонацией ярких подробностей, которые ширью морской и бесконечной — зеленых волн таили уже в себе все оттенки самоотверженной души, способной к творческой молодости, к безмерному дару воплощения.

Рассказчица говорила, как шла, — *легко и круто*, и волны уносили безвестные паруса джонок и фаланг ее мгновенно-неповторимой памяти... Было грустно, что всё это не может быть написано, как сказано. Максим Горький неподдельно и восторженно принимал всё рассказываемое ему Анастасией Цветаевой во время ее пребывания на Капри, считая еще в те годы сказительницу большим мастером, писателем, и просил ее написать о Константине Сараджеве.

Но, видимо, время для этого наступило только сейчас, когда и море само вторило зарождавшемуся в беседе "Сказу".

Для постороннего взгляда Котик²⁰³ жил легко, но за этой легкостью таилась непомерная тяжесть его творческого труда, которая побуждала иных обращаться к врачу. Но вот что сказал о Сараджеве знаменитый врач-психиатр того времени Гиляровский²⁰⁴: *"Может быть, и назовут его безумцем, но для будущего — он гений!"*

Самую высокую оценку уникальному дарованию Константина Сараджева давали композиторы Скрябин, Стравинский, Прокофьев.

Подумалось, что организация, ритмическая структура прозы Анастасии Цветаевой при несомненном поэтическом даре может вызвать некомпетентные возражения оттого, что творческая память автора имеет проекцию — в бесконечность, и бывает трудно найти умещение "отрывков" жизни, *единой* в своей героичности, для книги: романа, поэмы... Ведь вся жизнь Анастасии Цветаевой — творчество! Ярко и выразительно творит она из каждого мгновения, часа, дня, — века!

И воспоминания в "сотворенном" — непреходящи, в них обыденное выражается, как *вечное*. Героя или тему для выражения подсказывает любовь или чувство долга; так Марина Цветаева вспоминала — *любимых!*

Жизнь есть творчество, в чем бы она ни выражалась, пишет Анастасия Цветаева, как Марина, в "утверждение равенства большого и малого", "сопоставление несопоставимого". Это характерно для нее, как для любого настоящего художника. Уж кто-кто, а она знает, что "всякий холм да понизится, кривизны — выпрямятся"²⁰⁵.

Отчего же повествование о современнике своем Анастасия Цветаева назвала "Сказом"? Может, оттого, что в продолжение всего одной человеческой жизни успевает пройти время, заполненное озоном предельно серьезного отношения к дорогой памяти, время, достаточное для кристаллизации из глубин прошлого формы легенды, сказания.

Бывают года длиннее веков... века короче лет, и тысяча лет, как миг один...

Приемы, свойственные вышеназванным формам, совмещены с реалистически точными зарисовками очевидца. Повествование одновременно и художественное, и документальное. Выводы и усмотрения

подкреплены подтверждениями современников, специалистами. В быту Сараджев живой настолько, насколько он "над бытом"; в портрете его проступают, как золотые крупницы на песке, световые точки означенной судьбы, облика, характера. Пейзаж у Анастасии Цветаевой — фон для такого излюбленного портрета.

— Смотрите, типичный дом в стиле 102 бемоль! Он перегибался через заднюю загородку трамвайной площадки, провожая взглядом родной его слуху дом. И когда тот исчезал, он потирал руки, смеялся, наслаждаясь ему одному понятной гармонией...

— Я забыл вам сказать, — говорил он, — что вчера меня проверяли (он закивал головой, торопясь, опережая себя)... то есть они хотели узнать, верно ли, что я слышу все эти звуки! Они мне сказали так: "Это нужно для науки". И вот Вы (то есть я) должны... — он запнулся, завяз в жужжании этого "ж", как жук, попавший в пазуху, шевелит лапками, так и он методично боролся с неспособностью одолеть слово. Но ни тогда, и ни позже я не встретила ни раздражения, ни нервозности, встреченной у других заик. Он скорее отдавался чувству юмора этой схватки, иногда выходя из нее со смехом, и никогда не отступал... Нет, упорство жило в нем самом! А может быть, крылось в каком-то веселом единоборстве или же в сознании комизма ситуации: ему не дается звук — ему! — столькими звуками владеющему, ему, их богатством одаренному свыше всех возможностей!"

Еще примеры из "Сказа" подтвердили бы точность вышеприведенного. Такие примеры еще более выразительны — чуть ли не в каждом предложении или абзаца "Сказания". В нем много действующих лиц, героев, их подлинных — до мельчайших интонаций — слов, поступков, выражений. Всё разыгрывается, как на сцене, и за нею — или авторский голос, или ощущение того, что этой пьесе нет автора. Наверное, это и есть подлинное мастерство, когда, по выражению Анны Ахматовой, — "света источник таинственно скрыт".

И еще. Этот повсеместный в жизни и творчестве Анастасии Цветаевой свет — сила ее души и памяти, любовь к людям и миру, глубина и искрен-

ность которой и определяют достоинство прозы, доверительной и проникающей. Здесь ее проза, по выражению Павла Антокольского, "насыщена электричеством памяти" — родная сестра Поэзии, передает все подробности жизни, минуя при всем том "тьмы мелких истин".

В прозе Анастасии Цветаевой удивительно сопрягаются манеры русской портретной живописи XVIII века с французским импрессионизмом и, почти, с современным экспрессионизмом.

С самого начала первого тома "Воспоминаний" — с рассматриваемой фотографии, — почти нечerpывающее в этой ситуации положение характера старшей сестры в четырехлетнем возрасте: "В памяти моей унесенная жизнью фотография четырехлетней Муси, двухлетней Аси. Большое крутособое лицо старшей, на котором вспыхивают мне зеленью, в сером тоне фотографии, глаза Марины, взрослый взгляд на детском лице, уже немного надменный сквозь растерянность врожденной близорукости. Взгляд — чуть в бок — на сверкающее на тонкой цепочке граненое сердечко, — не ее, а маленького существа рядом!" Сколько здесь неуловимой замечательности характера четырехлетней Марины! "Объектив фотоаппарата поймал это мгновение, полыхнувшее к чужому — аметисту ли, хризолиту? — как мотылек к свече".

Это аллегория вечного тяготения Марины к прекрасному, ясному, драгоценному и в мире, и в людях. И рядом неподвинутое характеризование собственного изображения: Ася, двух лет, так фотография помогла памяти: и лицо рядом, младенческие, детские губы, своей мягкостью оттеняющие твердый волевой абрис, *tex...* Родственное сходство черт. Первое воспоминание о Марине... "Его нет. Ему предшествует чувство присутствия ее вокруг меня, начавшееся в той мгле, где рождаются воспоминания".

По поводу этого мне вспомнилось замечание дочери Марины Цветаевой, Ариадны Сергеевны Эфрон о взгляде Марины: "он всегда полыхал", "мгновенно улавливая черты окружающего, узнавая человека, обстоятельства". "Чувство присутствия" Марины в памяти ее сестры, начавшееся "в той мгле, где рождаются воспоминания": сквозь *бездну лет*, через во-

семьдесят лет эта "тьма", как уголь, просветилась в алмаз "Воспоминаний".

На силе "призрения" Марины к Асе (читай здесь: "призрение" — привечать, любить, попечительствовать) у младшей сестры держится мощная влюбленная тяга основной части "Воспоминаний", тяга же эта сама — фон жизни Анастасии Цветаевой: суровой, неповторимой по судьбе, по судьбам, встреченным и знаемым; на сцене разыгрывается трагическое, мужественное, горестное и радостное действо со всеми мыслимыми и немыслимыми отношениями, обусловленными, как и у Марины, и личными симпатиями, и, конечно же, неожиданностью, сложностью отношений, эпохой обусловленных.

Продолжим несколько "путешествие" по страницам "Воспоминаний", чтобы уяснить творческий почерк автора, и вернемся к "Сказу". Как в "Бегущей по волнам" Александра Грина, в них дан ключ ко всему повествованию на первых же страницах. К ним обязательно надо "приглядеться", не упустить. Это, казалось бы, не самое значительное, но это "та мгла", где рождаются "Воспоминания", и это — лоно их рождения.

"Давнее, как я, множественное, похожее на дыхание...", "наше вдвоем", полное ее Мусино старшинства, презрение моей младшесть, неумения и ревности к матери. Наше "вместе" втроем, полное гордости матери своим первенцем, крепким духом, телом и нравом, полное любования и жалости к младшей, много болевшей... В этом жарком течении плыло наше детство".

Через несколько страниц уже *живое* о Марине:

"Еще из маминого дневника: мы (пять лет и три года) играем — Муся продает, я — покупаю.

— Пацом? — спрашивает Ася.

Маруся: Я — задаром продаю.

Ася: Как дорого!"

Это "задаром" выросло в цену жизни Цветаевых и оказалось самой дорогой ценой, которой цены — нет! Так, может быть, Марина Цветаева ушла из жизни, не сумев "разменять свой золотой".

Продолжим наш комментарий к "Сказу". Я уже вспоминал, как когда мы с Анастасией Ивановной отвозили "Сказ" в редакцию, над домами началось действо музыкальной августовской грозы, и *все ее*

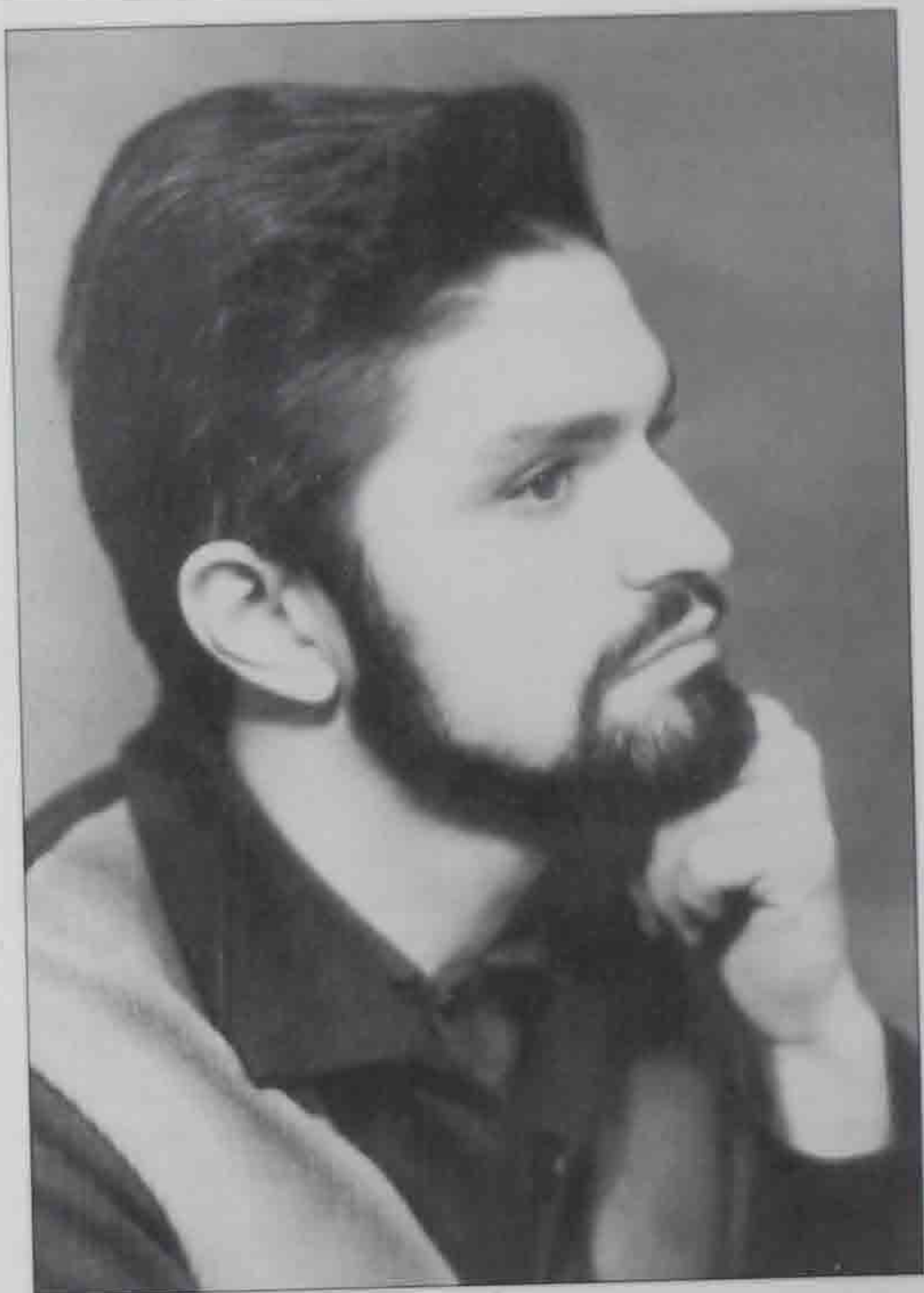
звуки — как колокольные звуки гениального мастера Сараджева, звучали во святую память его — ширясь и сверкая, *"гроза, моментальная навек"* была неуязвима для времени, которое неизменно благосклонно к ее самоотверженной игре. Эту неизменяемость в своих "Воспоминаниях" Анастасия Ивановна назвала латинским изречением "Semper Idem". Эта неизменная благосклонность присутствует и здесь.

Различие ее примет лежит часто в области, недостижимой для обычного взгляда и слуха, как оттенки листьев в свете заходящего солнца, как нюансы светящей грозы, — *их трудно* классифицировать. Если принимать во внимание, что помимо оснований обычных у них есть еще основание музыкальное, соотносимое с "музыкой сфер"²⁰⁶, то эти музыкальные приметы неуязвимости любви также трудно различимы в звучаниях, как 1701 звук октавы, которые мог слышать Сараджев.

Он мог слышать не только обертоны основного тона, но и его дисперсию, которая минимальна для звуковых инструментов, подобных камертону, то есть для колоколов, работающих по его принципу. И неудивителен потому интерес Сараджева к поиску соотношений колоколов и музыкальных инструментов, которые соответствовали бы разрешающей способности звуковых тонов. Легко говорит Сараджев о невероятном: "Это же совсем просто!" Различения в октаве 1701 звукового тона соответствуют разрешающей способности примерно 0,7%. Разрешающая способность такого порядка лежит, повидимому, на грани средних дисперсий звуковых частот, воспроизводимых музыкальными инструментами. Такая разрешающая способность свойственна звуковым генераторам. Может ли расцвести музыкальное древо Константина Сараджева — а он записывал колокольные мелодии при помощи изобретенной им системы в виде дерева — теперь, когда мы имеем новый музыкальный инструмент: звуковой синтезатор? Но доли диезов и бемолей, которые различал Сараджев, как мы различаем обычные ноты, воспринимаются даже людьми, обладающими абсолютным слухом, как шумы...

Видимо, более счастливы и печальны люди, обладающие не столько абсолютным слухом, сколько *Музыкальным ключом*, открывающим мир, прошедший сквозь волшебный кристалл *Музыки*.

Валерий Исаянц. Фото начала 1970-х.
Архив А.И.Цветаевой. Публикуется впервые

М.С.Волошина и А.И.Цветаева в мастерской
Дома Поэта. Коктебель, 1967 г. Архив А.И.Цветаевой.
Публикуется впервые

Коктебель. Дом Поэта, апрель 2003 г.
Фото Д.Лосева

Н.Велитова, А.Цветаева, М.Волошина, В.Мамонтов,
Т.Стецюренко. Коктебель, 1972 г. Архив А.Цветаевой.
Публикуется впервые

Скульпторы Ариадна Арендт и Анатолий Григорьев.
В их доме в Коктебеле В.Исаянц читал стихи.
Фото Г.К.Васильева. Москва, 1976 г.
Публикуется впервые

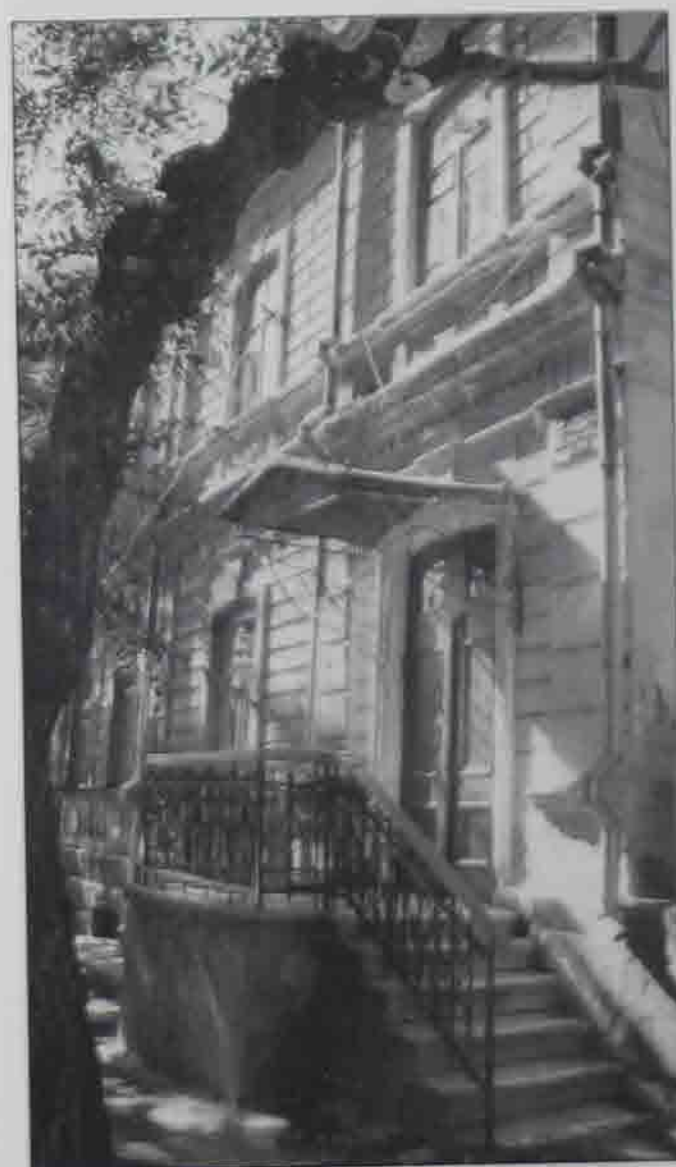
Коктебель.
Могилы сына
А.И.Цветаевой
— Алеши.
Фото
В.В.Яншиной,
август 2000 г.

Коктебель. Интерьер столовой в Доме Поэта.
Фото Д.Лосева. 28 мая 2003 г.

Евгения Кунина. Москва, нач. 1970-х.
Архив А.И.Цветаевой. Публикуется впервые

Старый Крым,
ул. Свободы, 17.
С 1996 г.
в этом здании
размещается
Старокрымский
литературно-
художественный
музей. В его
экспозиции
представлены
материалы,
посвященные
И. Айвазовскому,
А. Грину,
М. и А. Цветаевым,
Г. Петникову,
К. Паустовскому,
Ю. Друниной,
А. Каплеру,
Б. Чичибабину,
Н. Амосову и др.
Фото Д. Лосева

Григорий Николаевич и Екатерина Кузьминична Петниковы с А.И.Цветаевой. Надпись на обороте фото (рукой Г.Петникова): "Памятка о летнем Старом Крыме дружески Ан. Ив. Цветаевой, это 1966 г. от Г.Петникова и К.Петниковой". Архив А.Цветаевой. Публикуется впервые

Поэма о Карадаге. Фото Михаила Горшкова. 1990-е годы

Новый Свет. Фото М.Горшкова. 1990-е годы

А.И.Цветаева и В.Исаянц в доме брата его матери.
Ленинград, ноябрь 1971 г. Архив А.И.Цветаевой.
Публикуется впервые

Бахчисарай.
Ханский
дворец.
Фото
Д.Лосева.
Август
1998 г.

Судак. Генуэзская крепость. Фото Д.Лосева. Июнь 1999 г.

Анна Петровна Исаянц с сыном Валерием
в первый год его учебы в Суворовском училище.
Архив А.И.Цветаевой. Публикуется впервые

Севастополь. Приморский бульвар.
Фото Д.Лосева. Сентябрь 1996 г.

ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ

*Отрадней, грусть рассеяв
Забывшись в шуме дня,
Длиной в тысячелетие –
Косая тень преследует
меня.
В.И.*

*Анастасии
Ивановне
Цветаевой
10 октября 1971 г.
Херсонес
Валерий Исаянц*

Обложка фотобуклета "Херсонес Таврический"

(Киев: Мистецтво, 1969) с надписью:

"Анастасии Ивановне Цветаевой 10 октября 1971 г.

Херсонес. Валерий Исаянц.

Отрадней, грусть рассеяв

Забывшись в шуме дня.

Длиной в тысячелетие – Одиссея

Косая тень преследует меня. В.И."

И на обороте:

"Мертвый город ожил – для нас; живее живых городов;

чувство, смещающее время, – всеильно, и если

оно чисто... то оно истина... В<алерий>."

Архив А.И.Цветаевой.

Воспроизводится впервые

Э.Б.Бернштейн.
Судак.
Генуэзская
крепость.
Открытка
с автографом
В.Исаянца:
"«...» Дорогой
Анастасии
Ивановне
Цветаевой
в память
блистательной
совместной
поездки
в Новый Свет.
4-5 окт. 1971 г."
Архив
А.И.Цветаевой

Феодосия. Музей А.Грина. Фото М.Горшкова. 1980-е годы

Владимир Казимирович Герцык
с дочерью Вероникой Владимировной. Август 1957 г.
Собрание Т.Н.Жуковской (Москва). Публикуется впервые

Святой источник в Колюпаново.
Фото А.И.Цветаевой, 1962 г.
Архив А.И.Цветаевой. Публикуется впервые

А.И.Цветаева в своей московской квартире. 1992 г.
 Фото В.И.Парамонова. Публикуется впервые

Фрагмент интерьера московской квартиры А.Цветаевой.
 1985 г. Фото Г.К.Васильева. Публикуется впервые

И.Бржеская, А.Цветаева и В.Исаянц
на фоне парного портрета. Таллин, 14 марта 1972 г.
Архив А.И.Цветаевой. Публикуется впервые

А.Цветаева
и И.Бржеская
у живописного
портрета
Анастасии
Ивановны
работы
И.Бржеской.
Декабрь
1984 г.
Фото
Г.К.Васильева
Публикуется
впервые

А.И.Цветаева. Москва, 31 августа 1991 г.
Фото Н.Михаловского. Фонды Дома-музея М.Цветаевой.
Публикуется впервые

Анна Ивановна Жуковская

Из писем В.Исаянца к А.Цветаевой

4 апреля 1972 г., Воронеж (в Павлодар) [на складной художественной новогодней открытке]

Дорогая Анастасия Ивановна! Второй день в Воронеже, все важное удалось сделать. У нас снег, густой, метельный: когда я смотрел с верхнего этажа Дома художников на эту снеговую карусель, кружащуюся внизу, на базаре, мне казалось, что смешно и музыкально кидаю зерна на корм всем голубям на свете, и они уже слетелись, и клюют: вдруг погода прояснилась, получили объем сине-бурые тучи и на базаре косо легли розовые тени: так голуби поднялись и в благодарность стряхнули с крыльев своих розовое и голубое.

В Воронеже я пробуду еще дня 2-3, может 4, если будет идти какая писанина (простите за оборот); видимо, когда Вы получите это письмо, я уже буду в Москве. Миша <неразб.> (так зовут — на вокзале, — поэта) взволнован, пишет Вам, Белопольский захлеб рисует для Вас кота. Мама благодарно Вам кланяется.

Целую Вас Ваш Валерий Исаянц.

<Вверху на отвороте открытки:> Елку с детьми, с петухом, кошкой, мальчиком-музыкантом, — Вам: это дорого Вашему сердцу, и моему тоже. А какие фонарики!

<Снизу, там же:> Мои лучшие пожелания добра и крепости Вашему сыну, Андрею Борисовичу, успехов Вашей внучке Оле!

10 апреля 1972 г., Москва (в Павлодар)

Дорогая Анастасия Ивановна!

Вчера приехал из Воронежа, вестей от Вас на К-50 пока нет.

Звонил Рите, был у Евгении Филипповны, знаю, что в Павлодаре сыро, что Вам там на первых порах нелегко.

Все благополучно у меня и в Воронеже, и в Москве, жду "Литературную Армению" и гонорары, привезу себе 3 кило меду, что поддерживает мои силы и здоровье.

Сейчас звонил в Комитет по печати. Рецензия неблагоприятна.

Следуя Вашим традициям и учениям, звонил в несколько мест, никого не застал.

Сегодня в 16.00 буду звонить министру.

Антокольский ждет меня в среду утром, днем с Евг. Филипповной обедаем у Пастернаков. Почти не пишу, не издают, утешаюсь неутешительно визитами и обедами. Это ужасно.

Думаю, всё будет к лучшему. Берегите себя, целую Вас, Ваш Валерий Исаянц.

P.S. Нехорошо, Вы у меня взяли Ваши, те, мне посв<ященные> стихи. Если можно, пришлите.

В<алерий> И<саянц>.

13 апреля 1972 г., Москва (в Павлодар)

Дорогая Анастасия Ивановна!

От Вас — мне — ничего нет, и даже работники почты удивляются, т. к. я хожу туда каждый день.

От других знаю о Вас и надеюсь получить личное письмо. Для сердца.

У меня в Москве всё складывается хорошо: учусь, пишу, и даже иногда получаю деньги. Бегаю по Москве в поисках № 3 "Лит. Армении", не знаю, есть ли там Ваше предисловие и мои стихи.

Вам велели кланяться Басаргины (которым Вы подарили через меня книгу).

Виделся с прекрасным Петром Петровичем, послал стихи Антокольскому, звонил Ольге Семеновне²⁰⁷, бывал у Евг. Филипповны. Думаю о Вас, и этим, если возможно, пусть убудет Ваших сугубых и нежных, болящих забот о Всех, о всём.

Ваш Валерий Исаянц

16 апреля 1972 г., Москва (в Павлодар)

Родная моя, Анастасия Ивановна!

Первый успех — подборка в "Лит. Армении". Правда, без Вашего предисловия (как бы хотелось с ним!), но всё-таки публикация в хорошем журнале. На днях я вышлю Вам экземпляр.

Получил Ваши деньги, спасибо, не считаю нужным скрывать, что Вы, Человек и Писатель, помогаете мне и материально в трудное для меня время становления. Это — Ваше Великодушие, от сердца, и осознанная помощь. Спасибо.

16.04.72
Москва

Дорогой
Анастасии Ивановне,
инициатору и
руководителю
сей подборки, сердечно,
любящий и благодарный
Валерий Исаянц

Валерий Исаянц

На жертвенник вашей любви,
Родные мои, я подан.
Два цвета в моей крови,
Два солнца, и нет исхода.

Лучи этих солнц все острее,
И с кем бы и где бы я ни был } *Но не краше*
На вашем пылаю костре. } *загорелась*

Факсимиле дарственной надписи
В.Исаянца на подборке своих стихотворений
в журнале «Литературная Армения» (№ 3, 1972. С. 31):
"16.04.72 Москва. Дорогой Анастасии Ивановне,
инициатору и руководителю сей подборки, сердечно,
любящий и благодарный Валерий Исаянц".
Архив А.И.Цветаевой. Публикуется впервые

Эту ночь ночую у А.И.Григорьева и А.А.Арендт,
передаю Вам сердечный привет от них. А также от
Граера Арт. Нерсисяна, Пастернаков.

На посланные Вами деньги приобрел 15 экз. жур-
нала, и отошлю в Армению, на "Союзпечать" еще на
столько же.

Целую Вас. Ваш благодарный Валерий Исаянц.

9 июля 1972 г., Москва (в Кясму, Эстония)

Дорогая Анастасия Ивановна!

Только теперь, вдали от Вас, понимаю все, то
добро, весь свет, что Вы в меня привнесли. Вы дума-

ли обо мне в каждом Вашем действии, в каждой малости, и — в большом.

Не избежать судьбы, но я в полной мере когда-нибудь пойму Вас и счастье быть с Вами.

Буду отныне думать о себе сам, имеющий силы на это после прошедшего благословенного нашего года.

Думаю о Вас, люблю, желаю крепости и отдыха. Если что делал я не так — не сердитесь на меня, не оставляйте меня в переписке, хотя бы иногда, и в Вашей дружбе.

Понимать Вас — это действительно счастье, столько и *так* открывается через Вас мира и света, не считите за комплимент. Привет мой большой дорогим Софье Исааковне и Юдифь Матвеевне.²¹⁸

Ваш Валерий

P.S. О Вашей книге я еще более высокого мнения, чем ранее. Вполне достоинства ее будут ясны при филологическом разборе. Мне где-то мерещится, что это венец Розановского "домашнего филологизма". Воздухом этой книги дышат читатели, а писатели по молекуле будут его себе заимствовать в свои душевные книги и души. И первым делом — уверен — все начнут вспоминать про свои елки, как, к примеру, в статье Б.Ахмадулиной об опере что-то в последней Литгазете. Для многих эта книга — яд, так много в ней кислорода, избыток его. Но такая книга чахоточных должна возвращать к жизни.

В<алерий>.

И еще — в книге ищут — факты! Мало фактов — говорят. Так привыкли к телеграфной псевдолитературе. Живая жизнь для них — неудобна! Света боятся. Знают значит, что скрывают.²¹⁹

Целую В<алерий> И<саянц>.

11 августа 1972 г., Ферапонтон (в Кясму, Эстония).
[Письмо на свободной стороне телеграфного бланка]

Севан, здравствуйте, наконец, — не сердитесь, что давно не писал. Бывал в древнерусских городах, в храмах Владимира, Ростова, Суздаля, Ярославля, Углича, Калинина, Кириллова, вот теперь здесь, в Ферапонтоне, каждый день в храме Рождества Богородицы, учу Акафист, Е<ванге>лие.

Здесь две чудные девушки, одна из них будет в аспирантуре у Алпатова²¹⁶; очень серьезно относится к Евангелию, с благоговением к Храму. Они при этом

работают. Если сразу, то ответ бы застал меня в Феррапонтове, напишите, родная, и, может быть, открытку Ларисе и Марине, о которых написал Вам выше.

Целую Евгению Филипповну, Вас, Чудо мое и всего Человечества, думаю о Вас.

Ваш Валерий.

P.S. Как Юдифь Матвеевна и Софья Исааковна? Очень хотел бы, чтобы Вы все дружили²¹¹.

21 сентября 1972 г., Ленинград (в Коктебель)

Севан, милый! Как я рад за Вас с Е<вгенией> Ф<илипповной>, что Вы в Коктебеле.

Подберите на берегу камушек — это мое сердце; — послушайте его; и поцелуйте Мануйлова.

P.S. Только сегодня получил открытку из Таллина. Плачу. Трезвый.

Ваш Валерий

День Рождества Богородицы; поздравляю Вас, и Вас, Евгения Филипповна, родные мои.

P.P.S. Ценю Ваши заботы как человека мне родного; оставьте только одну — заботу о моей работе.

Мамочка 10.19.72. отправляется на Средиземное море. М.С.Волошину целуйте от меня.

В<алерий> И<саянц>.

4 октября 1972 г., Ленинград (в Коктебель)

Анастасия Ивановна, родная! Сегодня говорили с доктором Мануйловым о Вас, о Коктебеле, так сердце не отличимо от ваших волн стало — плещет на берегу.

За прогулку с Вами по Старому Крыму многое теперь бы отдал — к источнику, к армянскому монастырю: воздух, горы... Феодосия...

Почти весь месяц живу у прекрасных Спенглеров. Скоро поеду в Воронеж — отправлю мамочку в Европу, и встречу. На обороте попытка философского осмысления себя на одном из этапов, как?

<На обороте:> В платке ль пуховом угаишь ты —
Метель! — гриневскую кибитку?
Тулупом заячьим иль пыткой —
(и?)

Судьба нас обретает трижды.

(испытует?

образует?)²¹²

Крепко, крепко обнимаю Вас, как бы там — с Вами.

Ваш Валерий

<Сбоку листа снизу — вверх замечания Анастасии Ивановны к последней строке:> "Но почему Зжды — не знаю/ — Думается, всю жизнь". Ею же зачеркнуто слово: "обретает" и подписано: "думаю — посещает?"

14 октября 1972 г., Воронеж (в Коктебель)

Родная моя, Анастасия Ивановна!

Вы сутью своей, и заботой сопутствовали Гармонии, идущей ко мне, и все слова благодарности — разноцветные мыльные пузыри перед чудом Рассвета. Пусть будет и то, и другое. Простите за выпренность. И дело-то не в том, что я пишу, — в другом, в другом; я немного понимаю, как это Вы говорите — литература...

Севан, о нас говорят кому не лень, т. к. сейчас все в основном занимаются с/летними; от почти незнакомых людей в разных городах узнаю, что Вы на меня сердитесь и плохо говорите (я не о Мануйлове). Да поверю ли я им? За напраслину такую на Вас — я вечно со шпагой — за вечного маленького лорда Фаунтлероя²¹³!

Практически свое бытие теперь я согласую с мамой: на Вашей же заботе дела были Большие. На днях с ее благословения отправляюсь на Харьков — Краснодар. Далее — цель моя серьезна; готовлю себя к ней. Напишу позже, куда.

Целуйте Евг. Филипповну. Ей я напишу. Мне — на Краснодар, Мира, 26, Бедросян Варваре Ивановне (для Валерия), это — бабушке.

Ваш всегда Валерий.

Копия письма — на К-50, т. к. не знаю, где Вы.

16 октября 1972 г., Воронеж (в Коктебель)

Дорогая Анастасия Ивановна!

Я в Воронеже, мама едет в Европу, я — на Восток.

Очень прошу Вас прислать мне адреса о. Дм. Серг. и о. Владимира из Таллина.

До 1-го ноября на: Краснодар, Мира 26, Бедросян Варваре Ивановне (бабушка) — для меня.

Целую Евгению Филипповну, поклон мой и вечная благодарность Марии Степановне, Григорьевым, Анатолию Ивановичу и Ариадне Александровне.

Как стихи? Обнимаю Вас Ваш Валерий.

24 октября 1972 г., Воронеж (в Коктебель)

Дорогая Анастасия Ивановна!

Получил Вашу открытку; давно не имел вестей от Вас: оценкой Вашей и М<арии> С<тепановны> последних ст<ихотворе>ний очень обрадован. Спасибо!

Вчера проводил маму в Европу; сам же с ее согласия, и согласия консилиума профессором-невропатологов, собравшихся у меня, еду в Армению, с небольшими остановками в Харькове и Краснодаре. Цель — попытка переводов средневековых армянских поэтов, для чего нужно понять Дух самой страны. Это сообразно с Вашими советами пробовать силы в переводе. Из европейских поэтов наиболее мне близок — Рильке. Уверен, что никто кроме Вас и м. б. Ваших друзей не сможет донести смысл Рильке в подстрочнике...

Подстрочники некоторых стихотворений сделаны для меня Еленой Владимировной Синельниковой-Ягалим (?): перевожу. Отправил на днях ей письмо.

В книжке Рильке, имеющейся у меня (на нем. языке) — немногим более 50 ст<ихотворе>ний. Сегодня ночью переписывал их, и осмелюсь послать с нижайшей просьбой Вам, и м. б. по Вашему усмотрению Вашим друзьям сделать (можно и лучше прямо на обратной стороне листа) подстрочники, как можно более точные и распространенные.

Вы единственная, передающая чужой язык — жизнью. Для профессором языка даже Рильке труден — не дословен, не прям. Трудность Рильке м. б. и в необычности его тропов, метафор, особой передачи связей впечатлений и — что замечено мной, думаю, не без оснований — в особой окраске лексики, часто ориентирующейся на подобный многоассоциативный духовный тон Святого Писания (нем. язык!)

Все это окрашивается тончайшими словесными, глубинными нюансировками: лексически слабо представляемого нами — немецкого быта, мышления.

Очень хотел, чтобы Евгения Филипповна тоже поняла мое стремление и помогла.

Написал почти всем, с кем счастливо знаком от Вас в Москве, как и моим личным знакомым.

До 10 ноября письма: Краснодар, ул. Мира, 26, Бедросян Варваре Ивановне (для Валерия).

Ничего нет от Евгении Филипповны, волнуюсь. Вам и Евг. Фил. отправил на Коктебель несколько писем, м. б. не пришли? Горд, что на мой вопрос в предыдущем письме Вы ответили прямо. Но одно дело — правда, другое — сплетни, независящие от Вас, и это надо учитывать.

Обнимаю Вас и целую Евгению Филипповну.

Ваш Валерий.

P.S. Шлю Вам и Евг. Фил. отрывок из поэмы. Всё это к новой книге "С мечом в голове"²¹⁴ В<алерий>.

М. б. — в Армению — от Вас, и м. б. Ваших знакомых мне будут поручения. См<отрите>/о<борот>
<На обороте:> Сегодня звонил Куниным.

Завтра Вы в Москву — шлю письмо и туда. Мама написала на Коктебель. Я тоже — Марии Степановне.

Спецслеры — чудо, если бы не они, я не написал бы ни строки. Черкните им...

Ваш В<алерий>, 27.10.72 Люблю.

22 декабря 1972 г., Ереван (в Москву)

Дорогая Анастасия Ивановна! Разрешите поздравить Вас с Рождеством и Новым Годом, вспомнить с нежностью и благодарностью прошлогоднюю Рождественскую ёлку — у Вас подсвечники из гомеопатических коробочек, полумрак в отблесках, бенгальские огни... Боже мой!

Рад Вас немного успокоить за себя: скоро в печати будут мои переводы; Союз писателей помог — деньгами, дал отношение в Матенадаран, чтобы меня допустили к древним рукописям; пока внештатно работаю на радио и в комсомольской газете. Живу у родственников, но обещают общежитие.

Е.Б.Пастернак написал письмо — деловое, глубокое в мыслях, доброе — в чувствах. П.Г.Антокольский обещал меня "пробить" в Москве, письмо — "горячее". Слава Богу, бабушка, все родственники — ничего; мама, может быть, после января приедет в Ереван.

В Армении Вас любят, приезжайте! Только мне иногда туго — смотрят на меня как на знающего Вас — восхищенно и удивленно, — незаслуженно принимаю отношение к Вам — на себя. Но и гордо.

Обнимаю Вас. Ваш Валерий

Поклон мой Рите и Ростиславу. Что они?

В заключение попробуем понять, чем же все-таки увлек Валерий Исаянц сердце Анастасии Ивановны, какие стороны его личности и таланта оказались созвучными творческой натуре самой писательницы. С первых минут их знакомства это были стихи...

В архиве Анастасии Ивановны сохранилось множество страниц, писем, открыток и отдельных записок со стихами Валерия с краткими и безоглядно бескомпромиссными пометами типа: "бред", "хорошо" — писала она дружеской рукой на полях его рукописей.

Валерий жил стихом, и стихи постоянно проливались им, как пряный и сладкий сок какого-то экзотического растения, раненного жестким инструментом повседневности и лезвием собственного недуга. Последним крупным произведением поэта была драма в стихах "Действо о Жанне д'Арк", над которой он работал в 1980-х. Не случайно, повидимому, трагичная судьба героини, завершенная в пламени инквизиторского костра, стала предметом многолетнего пристального изучения и стихотворного воплощения поэта.

Ниже приводятся монологические фрагменты из пролога драмы и рекомендация Анастасии Ивановны к ее сценическому воплощению, а также некоторые из стихов Валерия Исаянца.

Валерий Исаянц

Действо о Жанне д'Арк

(Фрагмент)

Узник Сен-Лоранса (автор)

Из книги выпал я, словно строка. Но где я?
Туман предзимний. Лед на листьях. Три звезды...
Да, это пояс Ориона, препоясан
Я был им некогда... Мой путь мне предвещает
Еще находку... Встречу? Мне к лицу
И этот лес с внимательным названьем
Шитья, вязанья... Так бы я связал
Серебряный туман, что выпал блеском
Сухого гимна из страницы книги,
Которую уже я прочитал?
Что было там? Склоненная за спицей,
Ровесница дыханья моего,
Наперсница моей глубокой думы,

Судьба, как кость, подброшенная мне...
 И это уже было. Дровосеки,
 Наверно, рубят лес... или стреляют?
 Нет, не стреляют, рубят... Одному
 Мне боле, чем прискорбно оставаться
 С наследниками века моего —
 С родными вековыми деревьями,
 Их страстно рубят. Остаются пни, —
 Не выкорчевать... или может, кресла
 Из них себе замыслит чья-то жопа?
 К чему ж тогда рубить? Шиноиский лес
 Попрежнему шумит, как Бурлемонский,
 И тайна звезд, что в диком сне затмилась,
 На листьях оживает... Поздно... Осень...

Голос

Что бродишь ты? Что потерял? Зачем,
 Не выходя в пространство, мысль твоя
 Здесь обретаёт шаг, словно дыхание,
 Мешающая снам в ее ночи?
 Иль снова Жанна пробудиться может
 В твоей надежде? Слышишь, тишина,
 Здесь просто ночь, и просто сон, и трогать
 Своим раздумьем ночь, как королеву,
 Еще ты можешь. Пощади надежду,
 И ты усни...

Узник

Заложены последние листы
 Ярчайшей осени в просветы книги ночи,
 И лозы виноградные свиты
 Нежнейшим льдом, сверкающим, как очи,
 И где-нибудь остался нежный храм,
 Разрушенный, но с неизменным действием
 Лучей, словесным отданных дарам,
 И с теплотой спасенного семейства.

Голос

Разрушен замок... Посмотри кругом,
 На сколько будет силы дню и глазу, —
 Одни руины с древним языком
 Молчат здесь о разбое...

Узник

Сколько сказок
 Таит в себе лесная благодать,
 Руины, склонные к священнодействию,

Одни без их владельцев, только вспять
 Вернется век, как в розовое тельце,
 Так я вернулся: книги, тишина,
 И бой часов, как чистое дыханье
 Любимой тени, что сама без сна
 В рассвет мой уместается, с дарами
 Стихов и звезд, и голоса со снимка,
 С естественностью голоса без дна,
 В котором жив пока я невидимкой.
 Прошедшим днем в эпоху Каролингов
 Я возвратился, и теперь я здесь,
 Когда узнал в надежде даль и весь,
 И с ночью безвозмездно расплатился
 Своим приходом, зная, нет цены
 И сну ее и делу обихода.

Голос

Барометром показано к осадкам,
 Здесь гололед... Иди к себе... Приснишь
 Надежде робкой...

Узник

Знаю, что с осадком
 Мое питье, но в нем и даль, и высь.
 И не случайно мысль моя оттуда,
 Где стены вытесняют в век иной.
 Я помыслом бродил словно простудой, —
 В ее предместьях, таял за судьбой,
 И продивался днем за пересудой,
 Где я любил всё то, что стало мной,
 И тем себя навеки не избуду,
 Налево повернувшись, — всей страной,
 Направо так, как могут видеть чудо,
 Возникшее с шекспировской основой:
 Не в Бурже... но король — не коронован!

Голос

Но вот уже свершилось, что могло
 Свершиться. Сложенный твой гимн
 Живет в сердцах, зачем ты вышиваешь
 На крестик-ноликом: живой и теплый страх
 Свершившегося? Слышишь, звон трамвая,
 И клики голосов?..

Узник

Еще ты слышен
 За ними. Я б тебя узнал

Среди других и днем, но долго будит
 Разгар шальных немолчных пересудов
 Меня в моей темнице... Приходи!
 Я в Жанне пробудил мою Надежду,
 В Надежде Жанна бьется. Час шестой.
 Часы уже пробили третью стражу,
 И я склоняюсь к ложу моему
 Из вечности и вороха пророчеств,
 Едва ль они под силу одному.

.....

Анастасия Цветаева

Отзыв на пьесу Валерия Исаянца "Действо о Жанне д'Арк"

Пьеса глубоко продумана и исторически обоснована, написана прекрасным языком, представлена живыми разнообразными явлениями, подана в духе того времени, и, думаю, украсит любую сцену театра, могущего заняться историческим мотивом.

Рекомендую ее к постановке на сцене и уверена в успехе.

Не следует смущаться тем, что потребуется сценическая доработка — это для опытного режиссера естественный, свойственный ему труд.

*Член Союза писателей
 Анастасия Цветаева.*

Валерий Исаянц

Избранные стихотворения

ИЗ ЦИКЛА "ГАМЛЕТ"

...Я в королевстве — королева.
 Направо — секретер, и стол — налево,
 Цветы. Между горшков — стекло,
 На солнце вспыхивающее. Тепло
 Проходит через огненные шторы.
 Китайский веер — тот, который
 Дыханье помнит старого Востока.
 Сандаля аромат. Я одинока,

Но этого я не боюсь —
 В зеленый лед зеркал гляжусь,
 Узоры разбираю пожелтевших кружев.
 Я о тебе не вспомню, и вспоминать не нужно.
 Старинные флаконы, а в них на дне
 Застывшей жидкости янтарной капля.
 В хрустальном шаре — в глубине
 Я прочесть свою судьбу пытаюсь — так ли
 На самом деле я живу?.. А ты
 Всё тот же. Немоты
 Печать на сердце не легла,
 Подруга также всё колдует?

.....
 А что сказали зеркала,
 Не я в которых — а она
 Небесной прелестью чарует?

***

Маме

...И для тоски соленой, полевой,
 Меня трамвай увозит кольцевой
 К твоей квартире новой, к тем цветам
 Где прошлое погибло, навсегда...
 Слепит окном оставленный твой дом,
 В нем — жизнь других:

он слеп твоим окном, —

Страдой смертельной отошла сетчатка...
 Друг, — зрячая, — глядишь,

глядишь украдкой

И машешь мне рукой, и, счастья не скрывая,
 Вся к солнцу тянешься... такая молодая, —
 В большое детство... мама, — это прятки?..

.....
 Окраин ветер душно губы лижет,
 И нет преград оставившему путь...
 Мы встретимся с тобой когда-нибудь
 И будем ближе...

***

Анастасии Ивановне Цветаевой

В ночь затмения Селены,
 Что во мне сокрыто было,
 Выводила ты из плена,
 Как последняя Сивилла.
 Лушь волос, и профиль Гете,

Не перо — стило в руке,
Неизменною заботой
Ты во мне, и вдалеке.
Семь одежек, чепчик, палка,
Перетертая айва...
Просветленно, гордо, жалко
Ты вела себя сама
По путям твоей молитвы,
Иступленной, словно бритва.
И она, как ты — права.
В эту ночь пришла зима,
В ночь затмения Селены.
В эту ночь — сойти с ума,
Значит вырваться из плена
Предрассудков и интриг,
Пересудов, споров, книг,
И понять, что жизнь сама
В лунном лике неизменна.

Ночь затмения Селены.
Наплывал туман предгорий,
Покрывал крутое море
С упоением белых строк...

Ночь забвения тревог,
Накипи тоски и пены.
Ночь затмения Селены...

***

То знает Бог: Ваш Слог и Быт бессмертен,
Для Вас едины Лик и Красота,
Предмет и Суть. Вы вырвали у смерти
Эпоху Света. "Мир, еще побудь!"
И ты еще вернешься, не забудь, —
В мой Семпер Идем — лучезарность тверди,
Землей вскормленной, где каждая деталь, —
Невероятна, верьте ей, и верьте
В животворимую, живую даль
Души, познавшей Вечность, и тревоги
Ужасных лет, а радость — как амвон.
Вы девяносто вырвали у смрада,
Просеяв Свет, и веря лишь ему!
Век скоро двадцать первый, — Не отстали.
И Слог Ваш первороден и высок,
И в Вас еще живут такие Дали,
Что знают люди, что не видит Бог.

***

Дождь приходит на пуантах,
Па-де-де стучит на стеклах
Где проходишь ты, инфанта,
В обаянье дум поблеклых.

И еще сильна тревога,
И тоскою страсть согрета,
И длинна моя дорога
До тебя, где ты — Одетта.

***

Комната крыльями хлопала.
Чьей-то простудой болела.
Бабушка пела и штопала.
Птица кружилась и пела.
Кот развалился восторженно,
Юзя пришел с разговором.
И от соседей отторженный,
Я успокоился скоро.
Брамс размечтался по радио.
Стихло. И птица умолкла.
Вечер весенний старательно
Жизнь возвратил по осколкам.

Комментарии

- 1 Здесь, недалеко от Генуи, Цветаевы провели больше года по причине болезни матери, нуждавшейся в смене московск. климата. Затем последовали переезды в Швейцарию и Германию.
- 2 Вилла Торре, "Бориваж" (Beau Rivage – Прекрасные Берега) – названия маленьких отелей на побережье Италии. (Цветаева А.И. Воспоминания. 3-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1983. С. 194-197).
- 3 Поэт и художник М.А.Волошин (1877-1932), друг сестер Цветаевых, существенно повлиял на становление их духовного облика.
- 4 Венчание А.И.Цветаевой и Б.С.Трухачева состоялось 1 апреля 1912 г., в воскресенье на Фоминой неделе, в храме с. Всех святское. Венчание М.Цветаевой и С.Эфрона состоялось 27 января 1912 г. в Москве.
- 5 Цветаева А.И. Воспоминания. 3-е изд., доп. М., 1983. С. 505.
- 6 Дом № 14 по быв. Анненской улице (ныне ул. Шмидта; частное домовладение), 4 июня 1999 г. на доме установлена мемориальная доска, посвященная М.И.Цветаевой.
- 7 Книга выдающегося русского писателя и философа В.В.Розанова (1856-1919) впервые издана в 1912 г. и вызвала взрыв негодования и осуждения литературно-общественной среды.
- 8 В 1881 г. И.В.Цветаев начал свою почти 30-летнюю службу в Московских Румянцевском и Публичных музеях. Сначала он состоял в должности хранителя различных отделений музеев (1883-1901) и, наконец, – директором. (Каган Ю.М. И.В.Цветаев: Жизнь, деятельность, личность. – М.: Наука, 1987. С. 55).
- 9 Со смертью И.Сталина, последовавшей 5 марта 1953 г., в стране начали проявляться ростки свободы, пошел процесс освобождения незаконно осужденных в годы полит. репрессий.
- 10 Волошина М.С. О Максе, о Коктебеле, о себе. – Феодосия; М.: Издат. дом Коктебель, 2003. С. 272.
- 11 Впервые опубл.: журнал "Юность", 1989, № 9.
- 12 Поэтик, сборник "Храмы" (Ереван: Аль-Астан, 1970) с дарственной надписью Анастасии Ивановне имеет много маргинальных помет адресата, что свидетельствует о внимательном прочтении книги.
- 13 Евгения Филипповна Кунина. Подробнее обо всех упоминаемых в тексте лицах см. в именном указателе.
- 14 В то время поселок официально именовался Планерское. Однако старожилы Коктебеля редко употребляли это название, считая его чуждым.
- 15 Мария Степановна Волошина, вторая жена М.Волошина, близкий друг А.Цветаевой.
- 16 Борис Сергеевич Трухачев.
- 17 Имеется в виду Мария Ивановна Кузнецова-Гринева.
- 18 Астафьева (урожд. Трофимова) Ольга Васильевна, подруга М.С.Волошиной по Петербургу, в романе А.Цветаевой "Апог" выведена под именем Анны Васильевны.
- 19 Речь идет о доме на углу улиц Бульварной (ныне ул. Десантников) и Военной (ныне ул. Вити Коробкова). Здесь, на доме № 13 по ул. В.Коробкова, 4 июня 1999 г. установлена

- мемориальная доска, посвящ. А.И.Цветаевой. С осени 2003 г. часть здания занимает Феодосийский музей сестер Марины и Анастасии Цветаевых, входящий в состав Коктебельского республиканского эколого-историко-культурного заповедника "Киммерия М.А.Волошина"; ведется создание экспозиции.
- 20 Стихотворение написано в Феодосии 26 декабря 1913 г.; посвящено С.Я.Эфрону.
  - 21 Маргарита Васильевна Сабанникова.
  - 22 Речь идет о поэте, писателе Вячеславе Ивановиче Иванове.
  - 23 Имеется в виду М.А.Волошин. См.: Цветаева А.И. Воспоминания. 3-е изд., доп. М., 1983. С. 548.
  - 24 В те годы междугородный автовокзал находился в центре города, на ул. Назукина.
  - 25 Ныне ул. Горького. Практически вся была разрушена в годы Великой Отечественной войны. С конца XIX в. вплоть до нач. 1940-х — главная улица города. О ней А.И.Цветаева тепло вспоминает в книге "Воспоминания". Также см. статью Д.Лосева "Анастасия Цветаева: "Я жила на Бульварной"" в альманахе "Крымский альбом 1996" (Феодосия; М.: Издат. дом Коктебель, 1996). С. 125-131.
  - 26 В доме Ивана Константиновича Айвазовского (уже тогда скончавшегося) и Анны Никитичны Айвазовской, в квартире уехавшей в эмиграцию семьи Лампси, М.Волошин в нач. 1920-х останавливался и некоторое время жил, когда приезжал из Коктебеля.
  - 27 Волошин не мог читать здесь в те годы стихотворение "Дом поэта", т. к. оно было написано лишь в 1926 г.
  - 28 Всегда то же самое (лат.).
  - 29 Памятник работы И.Я.Гинцбурга стараниями директора галереи Н.С.Барсамова был установлен у главного фасада картинной галереи им. И.К.Айвазовского и открыт 2 мая 1930 г.
  - 30 Воинского звания "адмирал" у художника не было. Айвазовский был главным художником Морского штаба России, носил адмиралтейский мундир. Он имел звание действительного тайного советника, что соответствовало в Российской империи воинскому званию "генерал-полковник".
  - 31 Точнее сказать — Айвазовский приложил энергию и усилия для осуществления этого крупного проекта. Железнодорожную ветку из Джанкоя в Феодосию завершили строить в 1892 г. Айвазовский посвятил событию большое полотно "Первый поезд в Феодосии" (1892); х., м.: 101 × 204; представлена в постоянной экспозиции Национальной картинной галереи им. И.Айвазовского (Феодосия).
  - 32 Охраняемые склады Феодосийского торгового и военного портов, сооружения железной дороги, др. организаций.
  - 33 Имеется в виду мыс Ильи (мыс. Св. Ильи), замыкающий дугу Феодосийского залива.
  - 34 В старом районе, который горожане называют Карантин, в начале XIX в. был учрежден центральный карантин "для всех судов, приходящих в Черное море из стран, неблагополучных по заразным болезням, по преимуществу чуме и холере". Здесь сохранились цитадель и отдельные башни генуэзской крепости. Каффа (Кафа) — генуэзское название города с послед. четверти XIII в. по 1475 г. Ардабла — название города с кон. IV в. по V в. (в пер. с аланского — "Семибожная").

- 35 А.И.Цветаева не раз говорила о некой сероватой полосе, движущейся от горизонта по стихшему морю, которая, по ее наблюдению, отмечает наступивший полдень "внезапно, как перегиб стеклянной трубки, нагретой пламенем спиртовки".
- 36 Об этом повествует крымскотатарская легенда.
- 37 Имеется в виду обрыв горы Кок-Кая (крайний мыс, вдающийся в море за Коктебелем). Напоминает профиль М.Волошина. Это замечали многие гости Коктебеля еще с нач. 1910-х. См. очерк "Профиль" в книге В.П.Купченко "Киммерийские этюды" (Феодосия: Издат. дом Коктебель, 1998. С. 60-63).
- 38 Дом М.Волошина был построен летом 1903 г., позже производились пристройки.
- 39 Астафьева (урожд. Трофимова) Ольга Васильевна.
- 40 Волошин, скончавшийся 11 августа 1932 г., был похоронен 12 августа на вершине хребта Кучук-Янышар (согласно его завещанию).
- 41 Пра – прозвище Елены Оттобальдовны Кириенко-Волошиной.
- 42 В день сороковин по кончине Марии Степановны, 25 января 1977 г. в доме Толстых собрались друзья Дома Поэта. И в их числе – А.И.Цветаева. "В углу детской, не в Красном углу, а у двери над шкафом висела икона в серебряном окладе. Подойдя к ней, Анастасия Ивановна стала вглядываться. "А это мне подарила Мария Степановна", – сказала маленькая Оля, дочь художницы Екатерины Никитичны Толстой. – "Это икона св. Ольги, и она подарила мне ее в день моих именин". "А ты знаешь, когда твой именины?" – спросила Анастасия Ивановна. "24 июля", – ответила девочка". (Записано Г.Я.Никитиной и Г.К.Васильевым).
- 43 Композитор А.Н.Скрябин никогда не бывал в Коктебеле. Легенда о его выступлениях в Доме Поэта пошла от М.С.Волошиной. См. об этом мемуарный очерк "Вспоминая М.С.Волошину" в книге В.Купченко "Киммерийские этюды" (Феодосия: Издат. дом Коктебель, 1998. С. 121).
- 44 Старший сын А.И.Цветаевой – Андрей Борисович Трухачев, инженер-строитель. Мл. сын, Алексей Маврикович Минц, скончался в младенчестве – 12 июля 1917 г. в Коктебеле.
- 45 Стихотворение М.Цветаевой "В каждом случайном объятье..." ("Детский юг". Строфы II, III), Гурзуф, Генуэзская крепость, 1911.
- 46 Надежда Григорьевна Глазер (урожд. Зоммер), бабушка М.А.Волошина.
- 47 Сергей Гаврилович Пустовойт, наверное, последний художник, писавший в мастерской М.Волошина. Грушовые портреты "коктебельцев", пейзажи Крыма. Известна одна из его картин – "Комета Коктеутока", написанная с вышки Дома Поэта.
- 48 Гипсовый слепок с древнеегипетской скульптуры Волошин привез из Парижа: видел в ней сходство со своей первой женой М.В.Сабашниковой. Подробнее см.: очерк "Танах – легенда и быль" в книге В.П.Купченко "Киммерийские этюды" (Феодосия: Издат. дом Коктебель, 1998. С. 65-71).
- 49 См. об этом очерк В.Исаянца "Первая встреча с Анастасией Цветаевой, 23 сентября 1971 г." в приложении к шест. изданию.
- 50 Скульптор-миниатюрист, художница Ариадна Александровна Арендт и ее муж – скульптор Анатолий Иванович Гри-

- горьев — близки к кругу Волошина. В 1955-1956 гг. в Коктебеле построили дом с мастерской.
- 51 Ариадна Николаевна Латри (урожд. Арендт) была женой выдающ. рус. живописца М.П.Латри, внука Айвазовского.
- 52 А.А.Арендт называла себя кришнамуртисткой (сторонницей учения о реинкарнации индийского мудреца Кришнамурти).
- 53 Парафраза стихотворения Б.Пастернака "Февраль. Достать чернил <...> Достать пролетку. За шесть гривен..." (1912).
- 54 В Доме Поэта хранятся два портрета Волошина работы этого выдающегося мексиканского художника-монументалиста (В рост. Дерево, масло. 50,2 × 30,5; Голова. Холст, масло. 114,5 × 144,5). Написаны в Париже в 1916 г. в кубистической манере.
- 55 Гипсовый слепок головы Гомера Волошин привез из Парижа.
- 56 Подробнее о мемориальных вещах Дома Поэта см. очерк "Макс в вещах" в книге воспоминаний М.С.Волошиной "О Максе, о Коктебеле, о себе" (Феодосия; М.: Издат. дом Коктебель, 2003. С. 80-147).
- 57 Имеется в виду И.В.Бржеская. Сохранилось более 200 ее писем к А.Цветаевой, частично на французском.
- 58 Имеется в виду Елизавета Петровна Калининна.
- 59 А.Цветаева. Из прошлого. Жур. "Новый мир", 1966. №№ 1, 2.
- 60 А.Цветаева знала поэта Андрея Борозина еще в Москве. Евгения Филипповна позже его крестная мать. В архиве А.И.Цветаевой сохранилось его 12 писем (1970-1975).
- 61 Имеется в виду Виталий Лёзов, уроженец Старого Крыма.
- 62 Имеется в виду Нина Николаевна Грин, вторая жена писателя.
- 63 Поэт-футурист, "председатель Земного шара" (этот титул ему завещал В.Хлебников, первый "председатель Земного шара"), скончался в Старом Крыму 11 мая 1971 г., похоронен рядом с могилой А.С.Грина. В архиве А.Цветаевой сохранилось 69 его почтовых отправок к ней (за период 1966-1972 гг.). См. в приложении к настоящ. изданию стихотворение Е.Куниной, посв. памяти Петникова.
- 64 Писатель Д.Шепеленко приятельствовал с А.Грином. Написал о нем воспоминания, хранящиеся в Рос. гос. архиве литературы и искусства (Москва) и частично опубликованные (публикатор А.А.Ненада) в сб. "Феодосия, мой древний град" (Феодосия: Издат. дом Коктебель, 1997. С. 108-109).
- 65 Нину Николаевну, оклеветанную в пособничестве оккупантам, не разрешили похоронить в семейной ограде (рядом с могилой мужа); захоронили метрах в пятидесяти от могилы А.С.Грина. Юлия Первова, одна из душеприказчиков Н.Н.Грин, вспоминала, что однажды Нина Николаевна *"постучала палочкой около могилы Александра Степановича: "Здесь я буду лежать". А месяц назад, в годовщину ее смерти (т.е. в конце сент. 1971 г. — Ред.), мы были тут с Анастасией Ивановной Цветаевой, которая совершенно тем же движением стукнула палочкой по земле и решительно произнесла: "Здесь она должна лежать. Рядом с ним". Осенью прошлого года Анастасия Ивановна со своей подругой Евгенией Филипповной Куниной освятила землю с могилы Нины Николаевны, а на горкомхозовской тумбе начертала белой краской аккуратный крест..."* (см. очерк Ю.Первовай "Ночью на кладбище" (жур. "Мир Паустовского", № 19, 2002 г. С. 49). О тайном перезахоронении вдовы А.Грина, которое состоя-

- лось в ночь с 22 на 23 октября 1971 г., см. эту же публикацию (с. 48-50).
- 66 Неточная цитата из стих-я М. Цветаевой "Прокрасться" (1923).
*Распасться, не оставив праха
 На утру...
 Может быть — обманом*
 Две последние строфы, соединенные канцелярским ержанбешент.
- 67 О. Макарий, священник феодосийского православного храма, был духовным отцом Г. Петникова.
- 68 Стих-е впечатление от неухоженной могилы Петникова А. Цветаева высказывала в письме к его жене Екатерине Кузминичне Петниковой (Коктебель, Дом творчества, 17 октября 1972). При общем огорчительно-назидательном тоне письма в нем присутствует нота возмущения и осуждения небрежением могилы поэта: *"Не могу не поделиться с Вами горьким и тяжелым впечатлением от вида заброшенной и безмянливой могилы человека, который был Вам опорой <...> ни цветочка, ни мятинки, что он кому-то был дорог, ни имени его, ни следа, что кто-то посещает бедную могилку"*. Сохранился и исполненный достоинства ответ Екатерины Кузминичны, написанный по диагонали листа бумаги (без даты и адреса): *"Я уделила много внимания Г.Н. на протяжении 35 лет. Это для живого. А для мертвого я еще не успела сделать то, что Вы считаете таким важным. К.Петникова"*.
- 69 Автор книги "Лирика" — индийский поэт Мирза Галиб (пер. с урду В.Потаповой). М.: Худ. лит., 1959. (А. Цветаева воспроизводит только часть надписи на книге, ее полное содержание: *"Любимой Анастасии Ивановне в день рождения. Валерий. Ст. Крым, 27 сент. 71 г."* и ниже: *"Был бы я в вечном унынье,
 Если бы не было Вас
 На моем пути."*
- 70 Обет целомудрия, вегетарианства и отказа от лжи был принят Анастасией Ивановной в 1922 г. под влиянием Бориса Михайловича Зубакина, основателя и руководителя последней ложи Розенкрейцеров в Москве.
- 71 Тогда же Валерий подарил Анастасии Ивановне стихи, написанные для нее: *"Любимой Анастасии Ивановне посвящаю в день ее рождения.
 Господи, Господи, Если ты есть, Если ты есть,
 Услышь мою песнь. Да святится имя Твое. — к Тебе.
 Оставь для меня свою месть
 В ней не хвала, не лесть. И пощади её.
 Только склоненный в мольбе:
 Ваш Валерий Исаевич, 27 сентября 1971 г. Старый Крым."*
- 72 Одна из выразительных бухт заповедника Карадаг.
- 73 В 1950-х пляж в Коктебеле был обезображен бесконтрольной выемкой гальки для строительных нужд, приведшей к нарушению равновесия береговой линии.
- 74 Курортный поселок Новый Свет получил всемирную известность, прежде всего, благодаря заводу шампанских вин, основанному князем Л.С. Голицыным.
- 75 Опубл. в книге: Кунина Е. Самое дорогое. — М.: Отечество, 1994. С. 143. Стихотворение посвящ. А. Цветаевой и датируется октябрем 1971 г. (Дорога: Плавнерское-Судак). Находя-

- щийся в архиве А.Цветаевой автограф стихотворения, приведенный выше, имеет разночтения с опубликованным в книге — строки 3, 9 и 10 — соответственно: "Мчит ввысь..."; "Все вверх..."; "И высота над высотой...".
- 76 Алчак (в переводе — низкий) — самая миниатюрная из вершин, окружающих Судакскую долину; ее высота — 152 м над уровнем моря. В 1988 г. мыс Алчак, площадью 55 га, объявлен заповедным.
- 77 Дом Капнистов находился в долине, недалеко от моря. Графу Петру Васильевичу Капнисту принадлежало несколько гектаров виноградников, примыкавших к реке Суук-Су. Дом разрушен в годы Великой Отечественной войны. Из этого рода происходит рус. драматург и поэт В.В.Капнист. В доме Капнистов в Судаке бывали М.Волошин, Н.Бердяев и др. Ростислав Ростиславович Капнист расстрелян во время красного террора в Крыму 13 января 1921 г. В роду Капнистов жила легенда о том, как их отдаленный предок, участник турецкой кампании, взял в плен девочку турчанку и женился на ней. Тогда ее бабушка прокляла насильника и предсказала, что первенцы Капнистов мужского пола будут умирать насильственной смертью. Странным образом заклать старой турчанки многократно сбывалось на протяжении более 250 лет. О Капнистах и их судакском имении см. в очерке "Судак" из книги С.Я.Елпатьевского "Крымские очерки. Год 1913-й" (Феодосия: Издат. дом Коктебель. С. 105-109).
- 78 Профессор биологии из СПб, "застрявший" в период Гражданской войны в Судак.
- 79 Известно, что Ф.И.Шаляпин был гостем Д.С.Голицына в Новом Свете. Существует легенда, что в гроте, в котором хранилась коллекция шампанских вин, Шаляпин дал импровизированный концерт. С тех пор грот полноправно носит два названия — Голицынский и Шаляпинский. С 2001 г. силами солистов Большого театра России в гроте проводятся концерты памяти Шаляпина.
- 80 Большое стихотворение М.Цветаевой "Ода пешему ходу" было создано 26 августа 1931 г. в Мёдоне и доработано 30 марта 1933 г. в Клараме. Первое четверостишие: *"В век сплошных скоропадских, /Роковых скоростей — /Слава стойкому братству /Пешеходных ступней!"*
- 81 Лазурный берег (фр.).
- 82 Царская бухта
- 83 Св. Пантелей-целитель. Ему Анастасия Ивановна молилась при телесном и душевном недомогании.
- 84 Опубл.: Кунина Е. Самое дорогое. — М.: Отечество, 1994. С. 147.
- 85 Там же. С. 140.
- 86 К сожалению, в рукописи стихи не обнаружены.
- 87 Анна Петровна Исаянц в то время жила вместе с сыном в Воронеже.
- 88 Валентина Иосифовна Зелинская была владелицей имения Базулак недалеко от Ст. Крыма. Выведена в романе "Апог" под именем Андрея Павловича (Панич). В 1920-е эмигрировала.
- 89 Елена Варнавовна Нагаевская, друг и корресп. А.Цветаевой.
- 90 М.А.Альбова при содействии А.Цветаевой и П.Г.Антокольского опубликовала первый сборник своих стихов — "В моем

- саду большим" (Симферополь, 1971). Книга вышла под редакцией и с предисловием Антокольского. (Интересна история их переписки. См. кн. "Гений памяти" (М.: Дом-музей М. Цветаевой, 2000. С. 61 и далее).
- 91 Имеется в виду Бахчисарайский гос. историко-культурный заповедник, расположенный на территории ханского дворца – бывшей резиденции правителей Крымского ханства.
- 92 *Оне* – так в рукописи – по старой, времен юности автора орфографии.
- 93 Знаменитый Фонтан слез был создан иранск. мастером Омром по распоряжению хана Керим-Гирей (правил до 1764 г.) в память его любимой жены Дилары-Бикеч, умершей в 1764 г. Из "Книги путешествий по Тавриде" И.М. Муравьева-Апостола: *"Странно очень, что все здешние жители непременно хотят, чтобы эта красавица была не грузинка, а полячка, именно какая-то Потоцкая, будто бы похищенная Керим-Гиреем. Сколько я ни спорил с ними, сколько ни уверял их, что предание сие не имеет никакого исторического основания, и что во второй половине XVIII в. не так легко было татарам похищать полячек; все доводы мои остались бесполезными: они стоят в одном: красавица была Потоцкая; и в другой причины упорству сему не нахожу, как разве приятное и справедливое мнение, что красота женская есть, так сказать, принадлежность рода Потоцких"* (цит. по изд.: Пушкин. Т. 4. Поэмы. М., 1984. С. 175). Фонтан слез иногда называют Бахчисарайским фонтаном в связи с одноименной поэмой Пушкина, созданной в 1823 г.
- 94 Стихи В. Исаица.
- 95 Историческо-археологический заповедник Херсонес имеет мировую известность. Крушной политич., экономич. и культурный центр Сев. Причерноморья, Херсонес был основан в 422-421 гг. до н.э. и являлся греческой колонией. В 988 г. киевский князь Владимир здесь привнес православие. С этого события ведет отсчет история христианской Руси. Жизнь в городе окончательно утасла к сер. XV в.
- 96 Первые раскопки на месте погибшего Херсонеса были произведены в 1827 г. Наиболее систематическими раскопки стали с кон. 1880-х.
- 97 В архиве А. Цветаевой сохранился фотобуклет "Херсонес Таврический" (Киев: Мистецтво, 1969), на первой странице обложки слева внизу имеется надпись: *"Анастасии Ивановне Цветаевой 10 октября 1971 г. Валерий Исаица"* и по центру справа: *"Отрадно, грусть рассеяв // Забыться в шуме дня. // Длинной в тысячелетье – // Одиссея // Косая тень преследует меня. В.И."* И на обороте: *"Мертвый город ожил – для нас; живее живых городов; чувство смещающее время – все-сильно, и, если оно чисто... то оно истина... В<алерий>."*
- 98 В архиве А. Цветаевой имеются несколько открыток с видами Севастополя, на обратной стороне которых имеются ее пометы: *"мое память 71 г."* – ("Сквер на Приморском бульваре"); *"мое 1906-1971 ("Графская пристань")"*.
- 99 Изображение Графской пристани стало своеобразной эмблемой Севастополя. Ее белая колоннада украшает город с 1846 г. Обычная деревянная пристань здесь появилась в 1783 г. одновременно с черными городск. и портовыми постройками.

- 100 Любопытно, что именно в 1905 г. (27 ноября) с Графской пристани лейтенант П.П.Шмидт отбыл на крейсер "Очаков", где принял командование восставшими кораблями флота.
- 101 Графиня Е.Ростопчина была наиболее известна как автор произведений общественно-прогрессивной тематики. Среди ее стихов, посвящ. Крымской войне 1853-1856 гг., — "Песня русским воинам, раненым в Севастополе", "Молитва об ополченных", "Сестрам Крестовоздвиженской общины".
- 102 Строки из ст-я Е.Ростопчиной "Черноморским морякам. Стихи, говоренные на обеде 25 февраля 1856 г., данном московскими дамами защитникам Севастополя". См. его текст в сб. "Крым в русской поэзии" (Сост. А.Маркевич. 2-е изд. — Симферополь, 1902. С. 237-239). Есть отличия в тексте (выделены нами курсивом): "Двенадцать раз луна менялась //Луна всходила в небесах...", 5-я строка: "В облитых кровью стенах".
- 103 В 1971 г. в Севастополе трамвая уже не было.
- 104 Е.Кунина считала себя экстрасенсом, что вызывало крайнее осуждение со стороны А.Цветаевой, ортодоксал. христианки.
- 105 Феодосийский литературно-мемориальный музей А.С.Грина был открыт 9 июля 1970 г. В этом доме писатель жил в 1924-1929 годах. Здесь были написаны романы "Золотая цепь", "Бегущая по волнам", "Дорога никуда", "Джесси и Моргиана", рассказы "Фанданго", "Акварель", "Возвращение" и мн. др. О создании музея см. очерк Л.Ковтуна "Они были первыми" в сб. "Феодосия, мой древний град" (Феодосия: Издат. дом Коктебель, 1997. С.104-107).
- 106 В музейной книге отзывов сохранилась записка, сделанная А.Цветаевой: "В любимой Гриню Феодосии, в доме, где он жил, открыт волшебный музей его имени: его портреты, его книги о кораблях и кораблекрушениях, о мужественных суровых людях, о бегущей по волнам Фрези Грант. Музей парусников и шхун, где из угла залы выступает нос корабля, где живут морские фонари и канаты, и подзорные трубы, унося с собой посетителей в карту Гринландии с новыми мысами и проливами Гель-Гью, Лиссе, Зурбаган..." Оpubл. в альманахе "Крымский альбом 1996" (Феодосия; М.: Издат. дом Коктебель, 1996. С.184). Гель-Гью, Лиссе, Зурбаган — не мысы и проливы, а города фантастической страны.
- 107 — О, еще как ошибается! (Мне, позже, со смехом своим колдовским, Женя...) — Правда? И он? — с юмором: так они все — ошибаются. Только мы не ошибаемся с нашим почти бесконечным опытом жизни с беспощадным в нашей правдивости, в памяти и предчувствиях... Но это сноска. Прыжком назад, на лист... (Прим. А.Цветаевой).
- 108 Фамилию поэтессы Б. установить не удалось. Поэтесса К-на — феодосийка Наталья Владимировна Крестинина. В архиве А.Цветаевой имеется ее письмо (от 26 окт. 1971), присланное в Москву со стихами и воспоминанием об этой встрече: "Мы с Вами познакомились в день Вашего отъезда из Феодосии на привокзальной площади и Вы, помните, устроили маленький поэтический утренник. Я сильно жалею, что встреча была такой краткой, а ведь для меня — это целое событие! <...>" Ниже приводятся два из присланных ею стихотворений, которые она читала А.Цветаевой при встрече.

- 109 Имеется в виду основанная и построенная Айвазовским Феодосийская картинная галерея его имени, открытая в 1880 г. Расположена недалеко от ж/д вокзала — на углу ул. Галерейной и пр-та Ленина (с кон. 2003 г. — пр-т Айвазовского).
- 110 *Один раз — все равно, что ни разу* (нем.).
- 111 *Что за важность... не все ли равно...* (франц.).
- 112 В архиве А.И.Цветаевой сохранился неоконченный очерк В.Исаянца об этом событии — "В поисках дома, где жила Анастасия Ивановна (Феодосия, 1921 г.)". Его текст см. в приложении к настоящ. изданию.
- 113 Имеется в виду Н.И.Хрустачев, художник, друг А.Цветаевой. Его попечению она оставила детей в 1917 г., когда уезжала в Москву к смертельно заболевшему мужу.
- 114 Дом и мастерская К.Богоаевского были практически полностью разрушены в Великую Отечественную войну. Остатки здания перестроили и приспособили для нужд военного порта, занимающего ныне район бывш. ул. Дурантовской.
- 115 Известно, что феодосийский судья П.И.Лампси писал любительские стихи.
- 116 Глава семьи, известный русский пейзажист Адольф Иванович Феселер, ученик Айвазовского, в Феодосии поселился ок. 1847 г., где и скончался. Писал виды Феодосии, Судак, Коктебеля.
- 117 Леонид Лансберг, друг А.Цветаевой с 1920 г. Преподавал на юрфаке университета в Ростове-на-Дону. Выведен в романе "Апог" под собственным именем. В 1934 г. в доме А.Цветаевой в Мерзляковском пер. встретился с Николаем Миropовым. В архиве А.Цветаевой есть письмо Леонида и 2 посмертных письма (1957-58) его вдовы Муси.
- 118 М.А.Милиц, 2-й муж А.Цветаевой, скончался в 1917 г. от осложнившейся операции аппендицита.
- 119 Вторым браком Б.С.Трухачев был женат на артистке — М.И.Кузнецовой (театр. псевд. Гринева).
- 120 См. прим 88.
- 121 В романе "Апог" имя вороного коня Рапид (rapid с англ. — быстрый).
- 122 Источник автоцитаты не установлен. Характерно смешение "он" и "она" при воскрешении давно отошедшего героя (героини) своей молодости.
- 123 Гостиница "Астория", построенная в 1914 г. семейством Исакоson, была лучшей в дореволюционной Феодосии. Первое здание в городе, имевшее 5 этажей и лифт. Здание и ныне сохранило свое прежнее предназначение; располагается напротив ж/д вокзала.
- 124 А.Цветаева в те годы служила в Наробразе — организовывала народные читальни... В интервью, данном Д.Лосеву и опублик. в альманахе "Крымский альбом 1996" (Феодосия; М.: Издат. дом Коктебель, 1996. С. 125-131) она вспоминала: *"Нужно было отбирать книги для повышения образованности простого народа. Я руководила чтением, находила подходящие книги из классики и современных писателей — таких, которые давали бы им понятия об эпохе и тогдашнем обществе"*.
- 125 В поездке В.Исаянец подарил А.Цветаевой иллюстрированную брошюру "Панорама обороны Севастополя" (1854-1855)" (Симферополь Крым, 1970) со следующей надписью: "Анас-

- тасии Ивановне Цветаевой в память вдохновенных дней, дней-жемчужин, дней-агатов, сердоликов: в Бахчисарае, в древнем Херсонесе, Старом Крыму, в поезде Феодосия-Москва. С любовью и благодарностью. Валерий Исаяц. 13 окт. 71 г.". А по приезде в Москву подарил комплект из 12 открыток "Итальянская майолика" (Л.: Аврора, 1971) с дарственной надписью: "Анастасии Ивановне с благодарностью, нежностью, с теми чувствами, названия которых нет; еще на Земле — не могут называть сокровенное, если оно вне проверенного бытия. Валерий Исаяц. 14 окт. 71 г. Москва". Иллюстрированная брошюра и комплект открыток находятся в архиве А.Цветаевой.
- 126 Личность Сережи и личность его сестры не установлены.
- 127 Стихи в рукописи отсутствуют; не найдены они и в архиве А.Цветаевой.
- 128 Парафраза стихотворения Б.Пастернака "Февраль. Достать чернил <...> Достать пролетку. За шесть гривен" (1912).
- 129 Среди ходивших с Анастасией Ивановной в Колюпаново были Андрей Борозин, Виктор Мамонтов и Винцент Шаргунов. Предположительно, А.Цветаева имеет в виду поэта и переводчика В.Шаргунова, принявшего впоследствии священнический сан под именем о. Александра (был ее духовным отцом вплоть до ее кончины). Ныне протоиерей о. Александр — настоятель Храма Николы в Пыжах на Ордынке.
- 130 Город в Тульской обл., в 71 км к сев.-зап. от Тулы. Осн. в кон. XIII в. Старая часть города — Заречье — находится на прав. берегу р. Ока. Сохранились: Старый Успенский собор (1688), Новый Успенский собор (1807-1813), Свято-Никольская церковь (1787-1789).
- 131 Блаженная Евфросинья (кн. Вяземская, фрейлина Екатерины II, при крещении — Евдокия) была канонизирована лишь в 2000 г. в сонме тульских святых. А.Цветаева, находясь в ссылке, переписала ее житие и перерисовала ее портрет.
- 132 Праздник иконы Казанской Божьей Матери отмечается 21 июля и 4 ноября.
- 133 История поездки в Колюпаново описана Анастасией Цветаевой в рассказе "Грабители" — в сб. "О чудесах и чудесном" (М.: Бутта-Пресс, 1991. С. 31).
- 134 У А.Цветаевой имелась тетрадь с вышеупомянутым, переписанным в ссылке, "Житием св. Евфросиньи".
- 135 После окончания путешествия в Колюпаново за святой водой и в Заповедник (под Курском), В.Исаяц подарил А.И. Цветаевой книгу "Поэты 1790-1810 годов" (Большая серия "Библиотека поэта". — М.: Л.: Л.О. Сов. писат., 1971) с дарственной надписью: "*Отрадно видеть — чудо есть*". Книгу русских стихов — выдающемуся мастеру русской прозы, любимой Анастасии Ивановне Цветаевой. Первый читатель "Воспоминаний" с благоговением и любовью Валерий Исаяц ноябрь 71. Москва (после поездки в Алексин и под Курск, в память о ней)".
- 136 В.К.Герцык (детск. имя Боба), биолог, организатор заповедника "Стрелецкая степь", мл. брат поэтессы Аделаиды Герцык и писательницы Евгении Герцык. В библиотеке А.Цветаевой имеются 2 книги с дарств. надписями В.Герцык. На первой (Ф.Поленов. Долина Любосны. — Тула, 1968): "*Дорогой Анастасии Ивановне, на добрую память о встречах в Судаче.*"

- 16-ХІІ-1969 г. Ц.-Ч. Заповедник. Герцык". На другой (Центрально-Черноземный Государственный заповедник им. проф. В.В.Алехина: Научно-поп. очерк. — М.: Лесн. промышл., 1968) — дарств. надпись, свидетельствующая о пребывании А.Цветаевой в Заповеднике в описываемое время: *"Дорогой Асе на добрую память о прошлом и доброй встрече в Заповеднике. 3-ХІ-1971 г. Герцык (Баба). Ц.-Ч. Заповедник"*.
- 137 Неточность. Веронике Владимировне Герцык в 1971 г. исполнилось 60 лет.
- 138 "Воспоминания", самая известная и многократно переиздаваемая книга А.Цветаевой, впервые вышла в издательстве "Сов. писатель" в 1971 г.
- 139 Имеется в виду И.В.Бржецкая, большой друг А.Цветаевой с кон. 1960-х, написавшая неск. ее портретов (в т.ч. с внучкой и друзьями); портретов Е.Куниной. В архиве А.Цветаевой сохр. свыше 200 писем художницы (1970-1990). В послевоен. время жила в Таллине. Участница многих худож. выставок, в т.ч. персональных.
- 140 В архиве А.Цветаевой сохр. открытка с видом ж/д вокзала Симферополя, на обороте которой она сделала надпись: *"Моя в память поездки в ХІ 71 г. с Валериком к Герцык за Курск"*.
- 141 Виктор Ларонович Мамонтов, друг А.Цветаевой с 1965 г. В 1971 г. она стала его крестной матерью. Литературовед. Закончил филфак Сахалинск. пединститута и аспирантуру Московского пединститута. После переезда в Москву работал на кафедре рус. лит-ры Моск. пединст-та. Обратившись к религии, он вскоре расстался со своей работой и партбилетом, и, после недолгого обучения в Духовной академии, был рукоположен в священнический сан. Затем принял монашеский постриг. С 1982 г. — настоятель рус. правосл. храма св. Ефросиньи в г. Карсава (Латвия).
- 142 Рита вышла замуж за биолога Ростислава Михайловича Мещерского, друга А.Цветаевой, сына И.А.Мещерской ("духовной сестры" А.Цветаевой по доже Розенкрейцеров; невед. Ней).
- 143 Саша, жена В.Исаянца, постоянно проживала в Воронеже. В Москве, видимо, останавливалась у знакомых.
- 144 О визите к М.С.Шагинян см. в статье В.Исаянца "К 90-летию Анастасии Цветаевой. Очерки импрессиониста", опубликованной в приложении к настоящ. изданию.
- 145 Предисловие А.Цветаевой к сб. стихов В.Исаянца "Лирическая тетрадь" (книга не была выпущена) см. в приложении к настоящ. изданию.
- 146 Позже, когда А.Цветаева ехала в Павлодар и уже писала в поезде "Историю одного путешествия", она обращалась в письме к Валерию: *"И Ваших надписей мне на книгах <...> последних — Кольцов в день приезда, 1-го Вашего, когда встретила Вас из Таллина — имеете ли эту надпись? Ее <...> я с собой не взяла, но заперла на ключ души и шкафа — она там"*. Книга Кольцова с дарств. надписью В.Исаянца ни в библиотеке, ни в архиве А.Цветаевой не обнаружена.
- 147 Существо происшедшего описано в ниже приведенном письме А.Цветаевой к В.Исаянцу (письмо входит в материал рукописи), здесь же приводится найденная в архиве отдельная страница, касающаяся этой темы:
- "<...> Ваши рукописи и книги — я еле их довезла! Всю ночь я*

просматривала их листок за листком, ища паспорт, я не легла спать до утра. Я боялась проспать Ваш поезд. С Вашей телеграммой в руке я поехала на вокзал, боясь, что от бессонной ночи и усталости мозговой станет дурно. Обвал радости мне помог! Я еще накануне успела вызвать к себе нашу крымскую спутницу, нового друга нашего — получила ее четкий юридический совет, как Вам быть в сумятице происшедшего, чтобы получить скорее другой паспорт — и Вы в тот же день после такой радости Вашей вокзальной, когда я диктовала Вам именно этот Вам необходимый юридический текст, мне ею данный — Вы взорвались против меня! Не поняв, не дослушав, не захотели просто переписать ошибочный Ваш текст... текст, могущий погубить всё!

— Вы меня вывели из себя, — крикнули Вы мне, как врагу. — Мой день потерял!

— Но если Вы меня не слушаете — Вы потеряете Вашу жизнь!

Поддаться гнилому самолюбию в такой час, отказаться переписать страницу, метнуться от меня — ко в тот час не достаточно зоркой Жене, лечиться ее рукой на Вашем лбу, успокаивающей — лечиться — от меня?!.. Жизнь — в ясности, в преодолении всего на пути, а не в той самолюбивой путанице, в какой Вы до меня жили, и в которой позволяете себе жить! <...>".

- 148 Иосиф Филиппович Кунин был другом А.Цветаевой с нач. 1960-х, активно участвовал в первичной редакции рукописей "Воспоминания" и "Амор".
- 149 Ангел (англ.).
- 150 Имеется в виду книга поэта — "Высокое напряжение: Стихотворения 1960-1961" (М., 1962).
- 151 Старый Арбат был единственной прямой магистралью, связывавшей Кремль с загородными резиденциями его обитателей. Узкая проезжая часть и множество выходящих на Арбат переулков требовали круглосуточных "прогулок" людей в мундирах и в штатском, поэтому в народе Арбат называли "Военно-грузинской дорогой". Разрушение происходило в конце 1950-х годов, и на протяжении четырех лет в близлежащих домах не открывали окна по причине грохота строительных машин и сквернословящих мегафонов в руках разрушителей. Пр-т Калинина нарушил архитектурный ансамбль, сложившийся здесь в XIX - нач. XX вв.
- 152 Старая станция метро — "Арбатская" Арбатско-Покровской линии; новая — "Арбатская" Филевской линии. Эти станции, несмотря на одинаковые названия, переходом между собой не объединены.
- 153 А.Цветаева познакомилась с Н.Н.Мироновым в сент. 1914 г. По ее словам, он был "девятым валом" чувств ее молодости. Ему посвящены стихи "Всё, как в старинной балладе поэт..." (А.Цветаева. Мой единственный сборник. — М.: Изограф, 1995). См. также о нем роман А.Цветаевой "Амор" (ч. II, гл. 1, 2).
- 154 Литератор, редактор Маэль Исаевна Фейнберг-Самойлова, жена известн. пушкиниста И.Л.Фейнберга, познакомилась с А.Цветаевой в 1966 г. Она была не только неизменным редактором всех изданий книги А.Цветаевой "Воспоминания", но и близким другом автора. "Мой прелестный редактор,

без которого моя книга не вышла бы <...>. Она эту книгу родила, я ее только выносила". – говорила впоследствии о ней А.Цветаева.

- 155 Еще раньше В.Исаянц читал рукопись книги "Воспоминания". Об этом сохранился самостоятельный фрагмент:
*Он дочитывал одну из частей черновиков о моей юности. Он лежал. Такое лицо могло быть после взрыва слез – сразу. Глаза были влажны какой-то внутренней влагой. Блеск мысли – не то! Лицо ходило ходуном, некой дрожью, потрясенностью жизнью другого, как своей. Глаза облескивали в мои, широко раскрытые, карие. Полные молчащей любви.
 – Кончаете главу? Семнадцатую?
 Молча кивнул. Высвободясь из-под моего наброшенного одеяла, он сильно прижал мои руки к груди. Поцеловать? – понюхала я, было мало. Под моей рукой калотилось сердце.
 – Немало людей будут плакать над этим, – от движения шелестнули листки машинописи. Он метнулся – от себя, от них, от меня, быть может? Я мигко высвободила руки. Дать человеку вдохнуть".*
- 156 С ноября 1971 г. в переписке Анастасии Ивановны с Анной Петровной (мамой В.Исаянца) и близкими друзьями (Куниной, Бржеской и др.) всё отчетливее проявляется тревога о его прогрессирующем душевном расстройстве. Так, в письме от 19 дек. 1971 г. А.Цветаева сообщает А.И.Исаянц в ответ на ее беспокойство о здоровье сына: *"В эти дни мне удалось поговорить с моим давним знакомым – по образованию и работе психиатром <...> и я познакомила его с Валерием <...>".*
- 157 В этот период с конца декабря 1971 г. в Воронеже В.Исаянц занимался вопросами восстановления утерянного паспорта и возбуждения дела о разводе.
- 158 4 янв. 1972 г. А.Цветаева получила от В.Исаянца из Воронежа телеграмму: *"Буду шестого девять утра вагон 2 – Валерий".* После непродолжительного пребывания в Москве, он снова вернулся в Воронеж.
- 159 Мастерская художницы И.Бржеской. В конце февраля 1972 г. А.Цветаева с В.Исаянцем приехали по "настоячивому" приглашению Бржеской в гости и по ее желанию – написать их парный портрет. *"Я потому не написала Валерия <в его первый приезд в Таллин 1-7 дек. 1971 г.>, что берегла запал на двойной портрет. Это было бы бесподобно вместе эти две головы, одна серебристая, другая – черная. И такая пластика лиц! <...> Валерий и меня взволновал, очень талантливым, удивительным, он берет за сердце. И страх за него. И как он мучает. <...> Вот выйдет книга, придет Валерий с паспортом, приедете, я напишу свой лучший портрет!.. Жду!"* (письмо от 3 января 1972 г.). Двойной портрет в этот приезд был написан. И на фото, где сняты у парного портрета А.Цветаева, В.Исаянц и автор, И.Бржеская написала: *"Дорогому Валерику – "Баловню" на память о жизни в Таллине, в Моцарте, о нашем трио на Vuidnõlvjak <площадь Победы – адрес Бржеской> Ирина Brzeska, 14-III-72".*
- 160 *"Дорогая Анастасия Ивановна, Таллиним я просто ошарашен. Брожу час, другой – всё в 15 веке! <...> Здесь Вам понравится, приезжайте поскорее. <...> И <Ирина> В <Владимировна> с нетерпением ждет Вас, хочет писать, рада мо-*

ему приезду. Жду от Вас вестей. Целую> Ваш Валерий" (открытка от 2 дек. 1971); "Дорогая Анастасия Ивановна! Почему так глухо и туманно мое чувство вины перед Вами <...>. И не почувствовал бы я его, если бы не Ваше "прощение" <...>. Звук колокола с колокольни этого удивительного — в пору душе — уютного города. Жду, жду — Вас. Спокойной ночи. В.И." (открытка от 3 дек. 1971); "Севан! <частое обращение Валерия к Анастасии Ивановне>. Пишу Вам следом еще открытку, в одну вошло мало и не всё. <...> В поезде я думал о Вас, как ни о ком не думал. Но дал слынуть потоку благоговения, сейчас думаю, что зря. <...>" (открытка от 3 дек. 71); "Севан! Милый! Здесь снег — дождь, медленный. Шоколадный город — лабиринт, волшебный; я брожу по нему, и глаза мои тают на домах и вывесках, как снег. По Вас очень скучаю, и не верю, что Вы могли после того пойти на "мир". <...> Берегите себя. Жду, ждем, ждет (город). Целую Вас, Ясная. В.И." (открытка от 5 дек. 1971). Обращение "Севан" (от озера Севан) для армянина ассоциируется со светлым, глубоким, чистым, прозрачным, напоющим прохладой и, в тоже время, древним, уводящим (по своему происхождению) в священные сказания старины — атрибуты образа А.И.Цветаевой.

- 161 А.Цветаева в Таллине болела воспалением легких, приехав туда с некоторым недомоганием. Так, ее друг детства Нина Мурзо-Маркелова в письме к Анастасии Ивановне от 15 марта 1972 г. в Таллин пишет: "ведь ты уехала еще не окрепшая <...>, после гриппа на ногах <...>. Журю тебя за неосмотрительный поступок". В юности Мурзо (прекрасный музыкант и певица) имела взаимный интерес к Андрею Ивановичу Цветаеву (старшему, сводному брату А.Цветаевой).
- 162 После Таллина у А.И.Цветаевой была намечена поездка с В.Исаянцем на три дня в Ленинград, о чем она известила своего ленинградского друга, гидрогеолога О.А.Сненгера — она хотела познакомить своего друга с В.Исаянцем. В ответ ей было получено письмо от 12 марта 1972 г.: "Будем очень рады <...>. Но почему такая спешка и невозможность провести в Ленинграде больше 3-х дней?". Краткосрочность визита в Ленинград объяснялась необходимостью поездки А.Цветаевой в Павлодар к внучке Оле. Об этом же она пишет 14 марта 1972 г. П.Г.Антокольскому: "с 18-20 (если поездка на Павлодар 20-го есть, я должна ехать в помощь Оле — 14 лет, музыкальный экзамен). В Ленинграде мы будем 15, 16, 17 и утром 18-го должны быть в Москве".
- 163 "«Черепаша» — мой рассказ-сказка, написанная в 29 лет, в 1923 г.", как неоднократно писала А.Цветаева в дарственных надписях на публикациях сказки.
- 164 По дороге в Павлодар к семье сына, А.Цветаева в поезде в теч. 3-х дней написала "Историю — закончившегося путешествия — "второе кольцо восьмерки"".
- 165 Этот эпизод, явившийся финалом их Путешествия по Крыму, был написан позднее и включен в текст настоящего повествования в соответствующем месте (поиск дома на Феодосийском Карантице). См. также очерк В.Исаянца "В поисках дома, где жила Анастасия Ивановна. Феодосия, 1921 г.", опубликованный в приложении к настоящ. изданию.

- 166 Стихотворение М. Цветаевой "Опшибка" из сб. "Вечерний альбом" (1910).
- 167 Полностью текст надписи со словами, вставленными (курсивом) А. Цветаевой, следующий: "Дорогой Анастасии Исачковне от пса, — *пародистского, драгоценного, с чутьем бесподобным — любимого во веки веков* — подобранныго и Коктебеле, на книжке... Валерий Исаянц, окт. 1971 г. Москва". Название книги не установлено. Надпись имеется в архиве на листке бумаги. См. факсимиле автографа.
- 168 Имеется в виду М. А. Минц.
- 169 Арсений Аркадьевич Этчин — персонаж автобиографич. романа А. Цветаевой "Апог".
- 170 А. Цветаева на обороте неск. открыток с видами Таллина делает надпись: "Себе на память о Таллине (когда болела у Ирины)".
- 171 Имеется в виду Е. А. Х-ва (не установлена), с которой Валерик познакомился в свой 1-й приезд в Таллин в янв. 1972 г.
- 172 Позже, в ответ на письмо А. Цветаевой из Ленинграда, Е. А. Х-ва писала: "Мне пишет и звонит Валерий. Я приняла его в свое сердце и теперь боюсь за него и чувствую себя ответственной за него <...> чем помочь ему?". А. Цветаева 14 апреля 1972 г. отвечала: "Чем помочь? Убедите его <...> — быть добрей к матери. Он не умеряет свою перевозность к ней, наоборот. А ведь мы знаем — Вы, как и я, — что среди праведников *нервных* — не было. Потому что проявление нервных состояний, отражающихся на окружающих, очень близко к — распусканью себя, дозволенью себе... Это надо изжить, Поэту больше дано, и с него больше спросится".
- 173 Е. А. Х-ва в одном из первых писем (в вач. апр. 1972 г.) к А. Цветаевой неосторожно написала, что "пишу Вам как матери (в таком случае Валерий мне — сын, поскольку ему хотелось назвать Вас бабушкой) <...>". В ответ на это А. Цветаева пишет: "Бабушкой" ему пять месяцев не хотелось звать меня, дивился моей молодости — об этом не раз говорил. Попытался назвать — шуткой — в поезде из Таллина <...>. Другом был мне, вот... <...>".
- 174 "Бабушка Варя" — бабушка В. Исаянца — Бедросян Варвара Ивановна, жившая в Краснодаре.
- 175 Позднее в письме к А. Цветаевой (из Москвы в Павлодар, 4 мая 1972 г.) В. Исаянц обратился к ней: "Бабушка Асенька" (впервые в переписке), мотивируя это тем, что он получает письма "до востребования на почтовом отделении К-50, где все привыкли видеть нас вдвоем, и без Вас со мной здороваются, как с Вашим внуком". В ответном письме (12 мая 1972 г.) А. Цветаева писала, что у нее нет морального права называться "бабушкой" при его живой бабушке, и, кроме того, "Ваша встреча со мной тем и была знаменательна, и казалась редка, что *возраста* в ней не чувствовалось. Две души были и только" и далее: "У меня есть хорошее имя, данное мне матерью, и есть отчество, тоже достойное, от отца".
- 176 Письмо воспроизводится по авторской копии, написанной карандашом на обеих сторонах оторванной части почтового конверта. Упоминаемые в нем п. Владимир и о. Димитрий — священники православного таллинского храма, знакомые И. Бржеской.

"МОЁ МОЁ 1)

25.III.72, в поезде.

Дорогой Валерик! Прилагаемое письмо передайте Вашему другу — мое раскаяние за поведение в поезде. Простит?.. и Вы прочтите. Писала под радио и возно 2-х детей 2-х и 5 лет... Меня положили в этом же купе, на место 1, оттуда соседи переложили два чемодана наверх. Я не дотянусь, конечно, но в их вещах не было "Ист<ории> оди<ого> путеи<ества>" (начатые 12 стр<аниц>и, Вами не читанных в Таллине, не попросили, я не навязала.) Не было (что еще важнее) Таллина, о. В<ладимира> и о. Д<имитрия> и страниц, Вами начатых, но мне не отданных. И Ваших надписей мне на книгах: видах Крыма 1/2 года назад (2 последних — Кольцов в день приезда 1-го Вашего, когда встретила из Таллина — имеете ли эту надпись? Ее как не имея уже на нее права и после Вашего первого Таллина я с собой не взяла, но заперла на ключ души и шкафа — она там.

2-ая, последняя, очень давно — на со мной едущей мал<енькой> черной записной книжке. Книжка кончилась, но в ней надпись и телефоны — взяла. О ней — память, что, когда (не быв у меня ровно неделю, в П — на мой вопрос: Не соскучились — по м<оей> комнате? Вы ответили: "Соскучился немного" (Надпись начиналась: "Дор<о-гой> А<настасии> И<вановне> 17 XI. 71 в ее чудной комнате ...")

Боль моя — *Semper Idem*. Везу!

В ней никого не вижу — п<отому> ч<то> себе. Боль всегда будет, если позволить себе (хотя я не "позволила", она ворвалась, но вот — позволила? ей ворваться) — жить в области души (Душа = Боли.) Психея, что оторвавшаяся от тела, недотянувшаяся — выше.

Думала. Надо спать, когда уснут (днем) — дети. Но вот письмо — Вам. Пишу, а они уже скоро встанут. Но я должна его дописать. В вагоне жарко, но дала себе влить в чай меда, чтобы не простудиться, и не знаю верно ли делаю, что сняла шерстяную кофту серую, боясь изменений жары, но в клетчатой, не шерстяной, чуть прохладно, и что лучше прохлады без пота или тепло с потом мне не свойственным от сухости старого тела, но м<ожет> б<ыть> оставшегося от болезни, если была, веря R<ентге>ну, пневмония, незнакомая мне необходимость (и дала слово Жене) осторожности старит и огорчает меня, близость к концу, к страху и старости повторных воспалений, над которыми смеялась до 72-го года, не испытав, чувствуя себя — неуязвимой!"

Подпись в письме отсутствует, т.к. имеется "прилагаемое" письмо другу Валерия М. Лейзину (вместе с которым он провожал А. Цветаеву из Москвы в Павлодар). Копия этого письма написана на отдельном листе синей настой и находится в архиве А. Цветасвой.

- 177 Строка из "Вальса при свечах" ("Коктебельского вальса", своего рода "гимна" Дома Поэта). Поэт Я.Л. Аким текст песни написал в 1956 г. в Коктебеле и посвятил песню М.С. Волошиной. Чаще всего "Вальс при свечах" исполняла М.Н. Изергина, певица, друг М. Волошиной и А. Цветасвой. Стихи впервые опубликованы в книге М. Волошиной "О Максе, о Коктебеле, о себе" (Феодосия; М.: Издат. дом Коктебель, 2003. С. 308-309).

- 178 Ф.И.Шаялин никогда не бывал в Коктебеле. Легенда о его пребывании и выступлениях в Доме Поэта пошла от М.С. Волошиной. См. об этом мемуарный очерк "Вспомнивая М.С. Волошину" в книге В.Купченко "Киммерийские этюды" (Феодосия: Издат. дом Коктебель, 1998. С. 121).
- 179 Стихи В.Исаянца.
- 180 К 90-летию А.Цветаевой В.Исаянц написал большое стихотворение "Я помню: Вы меня благословляли...", в котором есть такие строки:
*...Из памяти, или из детских снов, —
 Меня Вы вызвали, благословили спором
 Судеб людских, и всех земных даров!
 Не отходили: за меня в ответе,
 И Бог помог, и Кормчий Властный спас,
 И на пороге девяностолетья
 Пророчица, Благословляю Вас!*
- 181 Хачкар — каменный крест (арм.) Памятники IX-XVII вв. в виде каменной плиты с высеченным крестом, обрамленным традиционным орнаментом, иногда достигали 3 м.
- 182 См. прим. 116.
- 183 К сожалению, на этом запись, сделанная В.Исаянцем "по горячим следам", обрывается. Была ли она продолжена — неизвестно.
- 184 Предисловие воспроизводится по авторской копии из архива А.Цветаевой. Писательница прочла его матери поэта — Анне Петровне Исаянц — при их первой встрече.
- 185 Повесть, написанная А.Цветаевой в соавторстве с Н.К.Сараджевым, вышла в изд-ве "Музыка" (М., 1986) под названием "Мастер волшебного звона".
- 186 "Живое о живом" — мемуарный очерк М.Цветаевой о М.Волошине. Написан в 1932 г.
- 187 Башкирцева Мария Константиновна, художница, автор "Дневника" — предмета поклонения юной Марины Цветаевой.
- 188 Главный герой драмы А.Блока "Роза и крест".
- 189 Лорелея — персонаж германской мифологии, пришедший в современность через стихотворение Г.Гейне.
- 190 Рильке Райнер Мария состоял в переписке с Б.Л.Пастернаком и М.И.Цветаевой (1926). На 40-й день после его кончины Марина написала поэму "Новогоднее", которая датируется 7 февраля 1927 г.
- 191 Последняя строфа стихотворения М.Цветаевой "Есть остров — Благостью отца..." из цикла "Спутник" (17 мая 1920 г.).
- 192 Строфы 3, 4 стихотворения М.Цветаевой "Рузи" (4 декабря 1917 г.). Стихотворение относится к подвигам и гибели героини франц. народа Жанны д'Арк. Следует отметить, что над трагедией Жанны д'Арк Исаянц упорно работал с сер. 1980-х и присылал отдел. фрагменты рукописи Анастасии Ивановне (имеются в ее архиве: фрагмент "Действа о Жанне д'Арк" публикуется в наст. издании).
- 193 Последняя часть небольшой поэмы А.Цветаевой "Прощанье третье" (А.Цветаева. Мой единственный сборник. — М.: Дом-музей М.Цветаевой: Изограф, 1995. С. 59).
- 194 Эдмон Ростан, французский поэт и драматург, автор известной пьесы "Сирано де Бержерак". Его пьесу в стихах "Орденчик" перевела М.И.Цветаева в 16 лет и уничтожила ее.

- узнав, что она уже была переведена Татьяной Львовной Щепкиной-Куперник.
- 195 Расстрел Петра Петровича Шмидта, лейтенанта Черноморск. флота, руководившего восстанием на крейсере "Очаков" (1905), вызвал большой общественный резонанс. Запомнился он и сестрам Цветаевым. Б. Пастернак написал посвященную ему поэму – "Лейтенант Шмидт" (1926-1927).
- 196 "Лихтенштайн" – известный ист. роман нем. писателя Вильгельма Гауфа (1826). Ему посв. стихотворение М. Цветаевой – "Как мы читали "Lichtenstein"":
*Тишь и зной, везде синеют сливы,
 Усыпительно жужжанье мух,
 Мы в траве уселись, молчаливы,
 Мама Lichtenstein читает вслух.*
 ("Вечерний альбом" М., 1910)
- 197 Отсылка к "Легендам Шварцвальда" – любимой книге сестер Цветаевых в детстве.
- 198 Квинтэссенция впечатлений от образов Рильке в "потоке сознания" автора-импрессиониста.
- 199 Дальнейший разговор Мариэтты Сергеевны и Анастасии Ивановны ведется на "эзоповом" языке в зашифрованной форме. Можно предположить, что под именем "Лены" Шагинян подразумевает... Ленина. Этой теме писательница посвятила годы – "Семья Ульяновых", романы-хроники о В. Ленине и др. Стремлением к конспирации можно объяснить двойственное употребление в отношении субъекта беседы муж. и жен. рода. Пассаж о разрушении Трой нужно понимать как пожар революции, из-за которого, по мнению говорящих, была разрушена Россия – "Троя". "Ты ведь не была там... – говорит А.И. – Ты не можешь посмотреть оттуда?" – правдоподобно предполагается, что речь идет о сталинских лагерях. И как призыв покончить со столь небезопасным разговором (в условиях тотального прослушивания), звучит финальная фраза Шагинян: "Асенька, оставим эту тему".
- 200 См. предыдущ. прим.
- 201 Так в Доме Поэта называли выброшенные на берег и отмытые волнами уродливые корни виноградных лоз. Криптоним, выбранный Волошиным для поэтессы Е.И. Дмитриевой – Черубина де Габриак.
- 202 Заметки и комментарии по поводу "Сказа о Звонаре московском" в маш. виде в 1980 г. были подарены автором Г. Васильеву и Г. Никитиной. А в окт. 1983 г. Васильев и Никитина получили от А. Цветаевой письмо с тем, чтобы передать его соавтору ее будущей книги "Мастер волшебного звона" Н.К. Сараджеву, брату К. Сараджева: "Дорогой Нилушка! <...> Вам послал Валерий Исаянц свой материал обо мне, о м<оей> прозе и о Звонаре – мы могли бы *его* предложить в книгу в виде *Предисловия* – это *очень* хорошо написано..." Однако, по ряду причин, этот материал не был опубликован в виде предисловия к книге. Но, учитывая высокую оценку его А. Цветаевой, это эссе было решено опубликовать в наст. издании.
- 203 Домашнее имя К. Сараджева.
- 204 Врач-психиатр В. Гиляровский интересовался пограничными состояниями сознания, иллюзиями, в т.ч. в творчестве художников, например, Чюрлениса.

- 205 Неточная цитата из Библии. В книге пророка Исаии: *"Всякий дол да исполнится, и всякая гора и холм да понижается, кривизны выпрямятся и неровные пути сделаются гладкими..."* (гл. 40, ст. 4).
- 206 Одно из главных понятий мистической философии пифагорейцев о музыке геометрических основ мирового порядка.
- 207 Имеется в виду О.С. Гальперина; давала уроки музыки младшей внучке А.Цветаевой – Оле.
- 208 Имеется в виду Ю.М. Каган, дочь Софьи Исааковны Каган.
- 209 "Знают, значит, что скрывают" – семантическая и синтаксическая параллель к "...сдержанный – значит, есть что сдерживать!" – у М.Цветаевой, часто повторяемый А.Цветаевой.
- 210 Имеется в виду Михаил Владимирович Алмазов (1902-?), искусствовед, д.ч. АХ СССР (1954), Госпремия СССР (1974).
- 211 Каган С.И. и ее дочь. По временам их дружба с А.Цветаевой омрачалась некот. несогласиями бытового характера.
- 212 Строчки отсылают к "Капитанской дочке" А.Пушкина – первой встрече Гринёва с Пугачевым и к эссе М.Цветаевой "Пушкин и Пугачев".
- 213 Стихотворение "Маленький лорд" в книге А.Цветаевой "Мой единственный сборник" (М.: Дом-музей М.Цветаевой: Изограф, 1995. С. 32 и примеч. к нему – С. 167).
- 214 Предполагавшаяся книга В.Исаянца "С мечом в голове" не состоялась.

Именной указатель

- Адамовы, феодосийск. семья 62
 Айвазовская (урожд. Бурназова, в 1-м браке Саркизова)
 Анна Никитична (1856-1944) 161
 Айвазовский Иван Константинович (1817-1900) 12, 54,
 104, 134, 161, 163, 167, 168
 Аким Яков Лазаревич (р. 1923), поэт, писатель 175
 Алехин Василий Васильевич, профессор, лесовод-геоботаник 170
 Алеша — см. Минц-Цветаев А.М.
 Алпатов Михаил Владимирович (1902-1986), историк искусства, педагог, д-р искусствоведения, д. ч. АХ СССР (1954), лауреат Госпремии СССР (1974) 111, 148, 178
 Альбова — см. Белявская Е.В.
 Аменхотеп IV (Эхнатон), егип. фараон в 1368-51 до н. э. 21
 Амосов Николай Михайлович (1913-2002), хирург, академик, Герой Соц. Труда 134
 Андерсен Ханс Кристиан (1805-1875), дат. писатель 57
 Андрей — см. Борозин А.
 Андрияша — см. Трухачев А.Б.
 Антокольский Павел Григорьевич (1896-1978), поэт 80,
 85, 111, 126, 146, 152, 165, 166, 173
 Арендт Ариадна Александровна (1906-1997), скульптор, антропософ 16, 17, 27, 132, 147, 150, 162, 163
 Ахмадулина Белла Ахатовна (р. 1937), поэт 148
 Ахматова Анна Андреевна (1889-1966) 125
 Астафьева Ольга Васильевна (урожд. Трофимова, 1886-1974), подруга М.С.Волошиной. 11, 14, 160, 162
Б. (не установл.), феодосийск. поэтесса 54, 167
 Байрон, Джордж Ноэл Гордон (1788-1824) 16
 Барсамов Николай Степанович (1892-1976), искусствовед, художник 161
 Басаргины, семья 146
 Башкирцева Мария Константиновна (1860-1884), художница, автор "Дневника" 111, 176
 Бедросян Варвара Ивановна (?), бабушка "Варя", бабушка В.И.Исаянца 99, 150-152, 174
 Белопольский (не установл.) 145
 Белый Андрей (наст. имя и фам. Бор. Ник. Бугаев, 1880-1934), писатель 101, 113
 Белявская (Аргутинская) Елена Васильевна (Альбертовна), поэтесса (псевд.: Мария, Мара Альбова) 43, 44, 165
 Бёме Якоб (1575-1624), нем. философ-пантеист, по профессии сапожник 120
 Бердяев Николай Александрович (1874-1948), философ, с 1923 г. в эмиграции 165
 Бёрнс Роберт (1759-1796), шотландский поэт, собиратель шотл. музыки 109

- Блок Александр Александрович (1880-1921) 115, 176
- Богаевский Константин Федорович (1872-1943), художник, уроженец Феодосии 58, 111, 168
- Борозин Андрей (р. 1939), литератор, поэт 23, 30-34, 36, 37, 40-45, 47, 48, 50, 51, 53, 54, 56, 57, 62, 63, 163, 169
- Борис, двоюродный брат Куниной Е.Ф. 43
- Ботева Валентина Григорьевна (р. 1952), поэт, художник 20
- Брамс Иоганнес (1833-1897), нем. композитор 159
- Бржеская Ирина Владимировна (1909-1990), художник-портретист, чл. Союза художников Эстонии, близкий друг А.Цветаевой 22, 71, 78, 143, 163, 170, 172, 174
- Брюсов Валерий Яковлевич (1873-1924) 111
- В**алери Поль (1871-1945), фр. поэт, эссеист, теоретик искусства 111
- Валитова Неля, корреспондентка А.И. Цветаевой в 1972-1974 гг. 132
- Васильев Глеб Казимирович (р. 1923), математик, филолог, друг А.Цветаевой 4, 10, 132, 142, 143, 162, 177
- Веллас Георгий 107
- Владимир I Святославович (?-1015), великий князь киевский (980-1015), крещен под именем Василия (988/989) 166
- Вигалик – см. Лёзов В.
- о. Владимир – священник православной церкви в Таллине, знакомый И.В.Бржеской 150, 174, 175
- Волошин Максимilian Александрович (1877-1932) 6, 12-14, 19, 21, 27, 31, 32, 41, 48, 53, 59, 80, 102, 113, 160-164, 176
- Волошина Мария Степановна ("Маруся", урожд. Заболонская, 1887-1976), вдова М.А.Волошина 4, 7, 11, 14, 16, 20, 31, 41, 53, 102, 103, 131, 132, 149-152, 160, 162, 175, 176
- Волошины, семья 15
- Г**алиб Мирза (1797-1869), инд. поэт 164
- Гальперина Ольга Семеновна (1905-1994), музыкант, преподаватель музыки, друг А.Цветаевой 146, 178
- Гарсия Лорка Федерико (1898-1936), исп. поэт и драматург 107
- Гауфф Вильгельм (1802-1827), нем. писатель, известный сказочник 177
- Гейне Генрих (1797-1856) 176
- Герцык Аделаида Казимировна (Герцык-Лубны, 1874-1925, в замуж. Жуковская), поэтесса, критик 71, 113, 169
- Герцык Вероника Владимировна (1916-1976), почвовед, дочь В.К.Герцыка 71, 73, 74, 141, 170
- Герцык Владимир Казимирович ("Боба", 1885-1976), биолог, организатор заповедника "Стрелецкая степь" 71, 72, 74, 141, 170
- Герцык Евгения Казимировна (Герцык-Лубны, 1878-1944), писатель, переводчица 71, 169
- Гете Иоганн Вольфганг (1749-1832) 157

- Гилларовский Владимир, врач-психиатр 124, 177
- Гинцбург Илья Яковлевич (1859-1939), скульптор, автор памятника Айвазовскому в Феодосии 161
- Глазер Надежда Григорьевна (урожд. Зоммер, 1823-1908), мать Е.О.Кириенко-Волошиной, бабушка М.А.Волошина 162
- Гоголь Николай Васильевич (1809-1852) 21, 111
- Голицын Лев Сергеевич (1845-1915), князь, винодел 164, 165
- Гомер 163
- Горшков Михаил Георгиевич (1951-2003), феодосийский фотохудожник, художник Международной федерации (AFIAP) 4, 135, 136, 140
- Горький Максим (А.М.Пешков, 1868-1936) 5, 7, 33, 110, 111, 113-116, 123
- Гофман Эрнест Теодор Амадей (1776-1822), немецк. писатель, поэт. 116
- Григорьев Анатолий Иванович (1903-1986), скульптор 16-18, 102, 132, 147, 150, 162
- Грин Александр Степанович (1880-1932) 23, 24, 52, 53, 127, 134, 163, 167
- Грин Ница Николаевна (урожд. Миронова, 1894-1970), 2-я жена А.Грина 24, 163
- Гусев Александр Николаевич (р. 1947), художник-силуэтист, фотохудожник 4
- Дали** Сальвадор (1904-1989), исп. художник 111, 121
- Данте Алигьери (1265-1321) 110, 111, 120
- Диляра-Бикеч, жена хапа Керим-Гирея 166
- о. Димитрий — священник правосл. церкви в Таллине, знакомый И.Бржеской 150, 174, 175
- Дмитриева Елизавета Ивановна (в замуж. Васильева, 1887-1928), поэтесса, прозаик, переводчик (псевд. Черубина де Габриак) 177
- Достоевский Федор Михайлович (1821-1881) 21, 111
- Друнина Юлия Владимировна (1924-1991), поэтесса, жена А.Каплера, похоронена в Старом Крыму 134
- Дьяконова (Дали) Галина Дмитриевна, гимназич. подруга А.Цветаевой 121
- Евтушенко** Евгений Александрович (р. 1933), поэт 80
- Евфросинья блаженная (монашеское имя кн. Вяземской, фрейлины Екатерины Великой, 1735-1855) 67, 69, 70, 169, 170
- Елпатьевский Сергей Яковлевич (1854-1933), писатель, мемуарист, автор книги "Крымские рассказы" 5, 165
- Жанна д'Арк** (ок.1412-1431) 153, 154, 156, 176
- Женя — см. Кунина Е.Ф.
- Жуковская Татьяна Никитична (р. 1943), науч. сотр. музея М.Цветаевой в Москве, внучка поэтессы А.К.Герцык 141
- Зелинская** Валентина Иосифовна (1892-1928), с 1920 г. в эмиграции; в романе А.Цветаевой "Апог" выведена под именем Андрея Павловича 43, 61, 62, 97, 165

- Зубакин Борис Михайлович (1894-1938, расстр.), поэт, импровизатор, скульптор, археолог, основатель и руководитель Моск. ложн розенкрейцеров 164
- Иванов Вячеслав Иванович** (1866-1949), поэт, драматург, критик 161
- Изаксон, семейство, владельцы гостин. "Астория" в Феодосии 168
- Изергина Мария Николаевна (1904-1998), пианистка, певица 175
- Ирина – см. Бржеская И.В.
- Исаянц Анна Петровна (?-1980), технолог, мать В.Исаянца 79-81, 138, 149-151, 157, 165, 172, 176
- Каган Софья Исааковна** (1902-1995), геолог, друг А.Цветаевой с 1921 г. 148, 149, 178
- Каган Юдифь Матвеевна (1924-2000), дочь С.И.Каган, латинист-переводчик, писатель, друг А.Цветаевой 148, 149, 160, 178
- Калинина Елизавета Петровна, жительница Ст. Крыма, в доме кот. в 1971 г. гостили Е.Кунина и А.Цветаева 23, 25, 26, 41, 43, 46, 51, 163
- Каплер Алексей Яковлевич (1904-1979), кинодраматург, муж Ю.Друниной, похоронен в Старом Крыму 134
- Кашнист Василий Васильевич (1758-1823), поэт, драматург 165
- Каннист Петр Васильевич (?-1829), граф, получил имение в Судак. долине от Екатерины II в 1785 г., построил дом на месте древ. Георгиевск. монастыря 33, 165
- Карлейль, Карлайль Томас (1795-1881), англ. писатель, публицист, историк 109
- Квятковский Людвиг Лукич (1894-1977), художник 111
- Кириенко-Волошина Елена Оттобальдовна (урожд. Глазер, 1850-1923), мать М.А.Волошина; дом. прозвище – Пра 14, 15, 162
- Кобылянский Владислав Александрович (наст. фам. Гольдберг, 1877-1919), профессиональный революционер 111
- Ковтун Лариса Дмитриевна (р. 1948), гл. хранитель музея А.Грина в Феодосии 167
- Колумб Христофор (1451-1506) 30
- Кольцов Алексей Васильевич (1809-1842), поэт 81, 170, 175
- Кристинина Наталья Владимировна (1901-1991), феодос. поэтесса 54-56, 167
- Кришнамурти Джидду (1895 или 1897 -1986), инд. религ. мыслитель и поэт 163
- Керим Гирей, хан, правил до 1764 г. 166
- Кудрявцев, профессор биологии из СПб 34, 165
- Кузнецова-Гринева Мария Ивановна (1895-1969), артистка, писательница, драматург, 2-я жена Б.С.Трухачева, близкий друг А.Цветаевой 11, 61, 160, 168

- Кунин Иосиф Филиппович (1904-1996), музыковед, писатель, брат Е.Куниной 83, 159, 171
- Кунина Евгения Филипповна (1898-1997), стоматолог, поэт, переводчик, близкий друг А.Цветаевой 9, 11, 14, 15, 22-27, 31-34, 36-38, 40-48, 50, 51, 53, 54, 56, 57, 62-64, 74, 75, 79-84, 99, 105, 106, 134, 145, 146, 149-152, 160-165, 167, 170-172
- Кунины, семья 152
- Купченко Владимир Петрович (1938-2004), литературовед, биограф М.Волошина 162, 176
- Кэррол Льюс (наст. имя Чарлз Латуидж Доджсон, 1832-1898), англ. писатель, математик 116
- Кювилье (в 1-м браке Кудашева; во 2-м браке Роллан) Мария Павловна (Майя, 1895-1985), поэтесса 113
- Лампси Петр Николаевич (1869-?), феодосийский судья, писал стихи; с 1920 г. в эмиграции 57, 161, 168
- Ландсберг Леонид (1898-1957), юрист, преподаватель 60, 62, 97, 168
- Ландсберг Мария (Муся), жена Л.Ландсберга 168
- Ланн (наст. фам. Лозман) Евгений Львович (1896-1958), поэт, прозаик, переводчик 111
- Латри Ариадна Николаевна (урожд. Арентдт, 1876-1945), певица, художник, жена М.П.Латри; с 1924 г. в эмиграции 16, 163
- Латри Михаил Пелопидович (1875-1942), художник, внук И.Айвазовского; с 1920 г. в эмиграции 163
- Ле Корбюзье (1887-1966), фр. архитек.-конструктивист 118
- Лейзин М., знакомый В.Исаянца 175
- Лёзов Виталий, житель Старого Крыма, поэт, "названный внук" Е.Куниной 23, 25, 42, 50, 163
- Ленин Владимир Ильич (1870-1924) 120, 168, 177
- Лермонтов Михаил Юрьевич (1814-1841) 109
- Лжедмитрий I (?-1606), русск. царь с 1605 г., самозванец Григорий Отрепьев 44
- Лиза — см. Калинина Елизавета Петровна
- Лосев Дмитрий Алексеевич (р. 1968), журналист, издатель 4, 131, 133, 134, 137, 138, 161, 168
- о. Макарий — священник феодос. правосл. храма, духовный отец Г.Н.Петникова 25, 164
- Макс — см. Волошин М.А.
- Мамонтов Виктор Ааронович (о. Виктор, р. 1938), литературовед; с 1982 г. настоятель Св.-Евфросиньевского храма в г. Карсава (Латвия), архимандрит 76, 132, 169, 170
- Мандельштам Осип Эмильевич (1891-1938), поэт 101, 102, 111, 113, 114
- Марго — см. Сабашникова М.В.
- Марина — см. Цветаева М.И.
- Марина (не установл.), сестра Сережи, знакомого В.Исаянца 64, 65
- Мария-дева, Богоматерь 148, 149

- Маркевич Арсений Иванович (1855-1942), историк, этнограф, археолог, крымовец, с 1908 г. председ. Таврической Ученой Архивной Комиссии 167
- Маруся — см. Волошина М.С.
- Мещерская Маргарита Андреевна (Рига, р. 1947), старшая внучка А.И.Цветаевой 76, 77, 79, 80, 91, 145, 152, 170
- Мещерская Надежда Александровна (псевдоним по ложу розенкрейцеров "Нэй", 1899-1966), музыкант, аккомпаниатор, писательница, дочь О.П.Руновой 170
- Мещерский Ростислав Михайлович (1921-1986), биолог, профессор, сын Н.А.Мещерской 152, 170
- Мицц Маврикий Александрович (1886-1917), инженер-химик, инженер-технолог, 2-й муж А.Цветаевой 97, 168, 174
- Мицц-Цветаев (Алеша) Алексей Маврикиевич (1916-1917), млад. сын А.Цветаевой, похоронен на старом кладбище в Коктебеле 6, 14, 15, 21, 22, 133, 162
- Миронов Николай Николаевич (1893-1951), военный, участник Первой мировой войны 41, 89, 97, 168, 171
- Михаловский Николай, фотограф 144
- Миша (псевд.) 145
- Мнишек Марина (1588-1614), жена Лжедмитрия I 44
- Мориц — см. Этчин А.А., гл. герой романа А.Цветаевой "Апог"
- Муравьев-Апостол Иван Матвеевич (1765-1851), писатель и гос. деятель, автор "Путешествия по Тавриде в 1820 году" 166
- Мурзо (в замуж. Маркелова) Ница, гимназическ. подруга А.Цветаевой 173
- Нагаевская** Елена Варнавовна (1900-1991), художник 43, 165
- Наполеон (герцог Лихтенштадский, 1811-1832), сын Наполеона Бонапарта 111
- Ненада Алла Алексеевна (р. 1946), зам. директора Феодосийского дома-музея А.Грина 163
- Нефертити, егип. царица нач. XIV до н. э. 21
- Никитина Галина Яковлевна (р. 1931), механик, друг А.И.Цветаевой 4, 10, 162, 177
- Нилендер Владимир Оттонович (1883-1965), филолог-классик, поэт, адресат многих стихотворений М.Цветаевой 111
- Нонна, знакомая В.Исаянца 39
- О**льга, святая 14, 162
- Оля — см. Трухачева О.А.
- Омер, иранск. мастер 166
- Пантелеймон** (III в.), христианск. великомученик 38, 42, 165, 169, 176, 177
- Парамонов В.И., фотограф 142
- Пастернак Борис Леонидович (1890-1960), поэт 111, 116, 163, 169

- Пастернак Евгений Борисович (р. 1923), сын Б.Пастернака, биограф, литературовед 152
- Пастернаки, семья 146, 147
- Патти Аделина (1843-1919), итал. певица песен. фольклора 111
- Паустовский Константин Георгиевич (1892-1968) 134
- Первова Юлия Александровна (1916 -2001), душеприказчица Н.Н.Грин 163
- Петников Григорий Николаевич (1894-1971), поэт-футурист, переводчик 23-25, 105, 106, 134, 135, 163, 164
- Петникова Екатерина Кузьминична, жена Г.Петникова 135, 164
- Петр Петрович 146
- Пешков Максим Алексеевич (1897-1934), сын А.М.Горького 5, 33
- Пешкова Екатерина Павловна (1876-1965), жена А.М.Горького 5
- Пешкова Любовь Алексеевна 104
- Поленов Федор Дмитриевич (1929-2000), внук художника В.Д.Поленова, морск. офицер, писатель, хранитель музея-заповедника В.Д.Поленова 169
- Потапова В., переводчик с вост. яз. 164
- Потоцкая Мария, прототип героини поэмы А.Пушкина "Бахчисарайский фонтан" 166
- Потоцкие, польск. род 166
- Пра — см. Кириенко-Волошина Е.О.
- Прокофьев Сергей Сергеевич (1891-1953), композитор, пианист, дирижер 124
- Прохорова Оля (р. 1969), дочь Е.Н.Толстой 162
- Пустовойт Сергей Гаврилович (1945-1992), художник 16, 162
- Пушкин Александр Сергеевич (1799-1837) 21, 44, 108, 166, 178
- Рембрандт** Харменс ван Рейн (1606-1669) 122
- Ривера Диего де (1886-1957), мексик. художник 21
- Рильке Райнер Мария (1875-1926), австр. поэт 116, 119, 151, 176, 177
- Рихтер Святослав Теофилович (1915-1997), пианист 14
- Розанов Василий Васильевич (1856-1919), писатель, философ 6, 148, 160
- Роллан Ромен (1866-1944) 111
- Ростан Эдмон (1868-1918), фр. поэт и драматург 176
- Ростислав — см. Мещерский Р.М.
- Ростопчина (урожд. Сушкова) Евдокия Петровна (1811-1858), графиня, поэтесса 49, 167
- Рунова Ольга Павловна (1864-1952), писательница, романист 183
- Сабашникова** Маргарита Васильевна (Марго, 1882-1973), художница, мемуарист, антропософка, 1-я жена М.Волошина 161, 162

- Сараджев Константин Константинович (Котик, 1900-1942), зюварь, музыкант 109, 112, 113, 123, 124, 125, 128, 177
- Сараджев Нил Константинович (1919-1999), физиолог, мл. брат К.К.Сараджева 176, 177
- Сарьян Мартирос Сергеевич (1880-1972), живописец 45, 108
- Саша, жена В.Исаянца 75-81
- Сережа — см. Эфрон С.Я.
- Сережа (не установл.), знакомый В.Исаянца, москвич 64, 169
- Сивик Ханс, немецкий фотохудожник 4, 129
- Синельникова-Ягалим Елена Владимировна (псевд.) 151
- Скотт Вальтер (1771-1832), англ. писатель 53
- Скрябин Александр Николаевич (1871-1915), композитор 14, 111, 124, 162
- Спенглер Олег Александрович (1899-1986), гидрогеолог 173
- Спенслеры, семья 152
- Сталин Иосиф Виссарионович (1878-1953) 160
- Стещоренко Татьяна, жительница Ст. Крыма, медсестра 132
- Стравинский Игорь Федорович (1882-1971), композитор, дирижер, с 1910 г. за рубежом, с 1939 в США 124
- Тагер Евгений Борисович (1906-1984), литературовед 111
- Тагер Елена Ефимовна (урожд. Хурген, 1906-1981), искусствовед, жена Е.Б.Тагера 111
- Танах — древнеегип. царица 16, 21, 103, 162
- Таня, знакомая В.Исаянца 39
- Тер-Акопян, арм. поэтесса 9, 11
- Толстая Екатерина Никитична (р. 1939), художница 162
- Толстой Алексей Николаевич (1882/83-1945) 113
- Трухачев Андрей Борисович (1912-1993), инженер-строитель, старш. сын А.Цветаевой 6, 33, 145, 162, 173
- Трухачев Борис Сергеевич (1892-1919), 1-й муж А.Цветаевой 11, 12, 17, 24, 25, 35, 57, 58, 61, 97, 160, 168
- Трухачева Ольга Андреевна (р.1957), млад. внучка А.Цветаевой 10, 145, 173, 178
- Уэлс Герберт Джордж (1866-1946), англ. писатель 84, 85
- Фейнберг Илья Львович (1905-1979), литературовед, пушкинист 171
- Фейнберг-Самойлова Мазель Исаевна (1925-1994), литератор, редактор, жена И.Л.Фейнберга 90, 171
- Фесслер Адольф Иванович (1826-1885), пейзажист, ученик И.Лйвазовского 58, 104, 105, 168
- Фет (Шеншин) Афанасий Афанасьевич (1820-1892), поэт 90
- Х-ва Е.А. (не установл.), знакомая В.Исаянца по Таллину 99, 172
- Хлебников Велемир Викторович (1885-1992), поэт 163
- Хрустачев Николай Иванович (1884-1960), художник, преподаватель, друг А.Цветаевой 58, 167, 168

- Цветаев Андрей Иванович** (1890-1933), сын И.В.Цветаева от 1-го брака, искусствовед 173
- Цветаев Иван Владимирович** (1847-1913), ученый, специалист в обл. антич. истории, этнографии и ис-ва, создатель и 1-й директор (1911-1913) Музея изящ. ис-в в Москве, отец Анастасии и Марины Цветаевых 114, 160
- Цветаева Марина Ивановна** (1892-1941) 6, 12, 15-18, 23, 24, 35, 41, 44, 45, 49, 56, 61, 64, 71, 95, 101, 103, 110, 113, 116, 119, 124, 126, 127, 160, 162, 164, 165, 174, 176, 178
- Цветаевы, семья** 5, 111, 112, 114, 160
- Честертон Гилберт Кит** (1874-1936), англ. писатель, теолог 89
- Чичибабин Борис Алексеевич** (1923-1994), поэт, жил в Харькове 134
- Чюрленис Микалоюс Константинас** (1875-1911), литовский живописец, композитор 122, 177
- Шагинян Мариэтта Сергеевна** (1888-1982), писательница 80, 117-121, 170, 177
- Шаляпин Федор Иванович** (1873-1938) 35, 102, 113, 165, 176
- Шаргунов, о. Александр** (в миру Винцент, поэт, переводчик) Александр Иванович (р. 1940), настоятель Св.-Никольск. храма в Пыжах (Москва), протоиерей 169
- Шаронов Анатолий Александрович** (р. 1966), дизайнер 4
- Шепеленко Дмитрий Иванович** (1897-1972), писатель 24, 163
- Шмидт Петр Петрович** (1867-1906, расстр.), лейтенант Черноморск. флота, руководитель восстания на крейсере "Очаков" 5, 119, 167, 177
- Щепкина-Куперник Татьяна Львовна** (1874-1952), писательница, переводчик 177
- Эллис** (наст. фам. Кобылинский, 1879-1947) Лев Львович, поэт, переводчик, критик 111
- Элюар Поль** (наст. имя Грендель-Эжен-Эмиль-Поль, 1895-1952), фр. поэт, 1-й муж Г.Дьяконовой 111, 121
- Этчин Арсений Аркадьевич** (1902-1949), инж.-строитель 98, 174
- Эфрон Ариадна Сергеевна** (1912-1975), писательница, переводчик, художник, дочь М.Цветаевой и С.Эфрона 126
- Эфрон Сергей Яковлевич** (1893-1941), муж М.Цветаевой 15, 160, 161
- Эхнатон** — см. Аменхотеп IV
- Яншина В.В.** (р. 1957), патентовед, журналист 133

Книги Издательского дома

"Коктебель" вы можете приобрести:

В издательстве (тел.: в Феодосии (06562) 7-63-64;
в Москве 465-41-39 (Владимир Григорьевич) или по адресу:
Лосеву Дмитрию Алексеевичу. Глашпощта, а/я 55,
г. Феодосия, Крым, Украина, 98100.

Симферополь

"Крымкнига", ул. Горького, 5, тел. 27-36-80
"ИПФ", ул. Пушкина, 8/5, тел. 27-89-04
Библиотека "Таврика", ул. Гоголя, 14, тел. 27-95-39

Феодосия

"Крымкнига", ул. Назукина, 1, тел. 3-04-54

Севастополь

Книжная лавка при Морской биб-ке, пр-т Нахимова, 7, тел. 24-76-15
"Книги", пр-т Генерала Острикова, 80, тел. 57-28-04
"Книги", пр-т Адмирала Октябрьского, 13, тел. 54-61-89

Ялта

"Крымкнига", ул. Московская, 9-а, тел. 32-16-00

Москва

"Библио-Глобус", ул. Мясницкая, 6 (м. Лубянка), тел. 928-35-67
"Московский дом книги", ул. Новый Арбат, 8, тел. 290-35-80
"Молодая гвардия", ул. Б. Полянка, 28 (м. Полянка), тел. 238-50-01
"Москва", ул. Тверская, 8 (м. Тверская), тел. 229-66-51
"У Сытина", пр. Черепановых, 56, тел. 154-30-40, 156-86-81
"Графоман", пер. 1-й Крутицкий, 3 (м. Пролетарская), тел. 276-31-18
Кв. лавка лит. инс-та, Тверской бул., 25 (м. Тверская), тел. 202-86-08
"Фаланстер", пер. Б. Колюшинский, 10 (м. Тверская), тел. 504-47-95
"Ad marginem", пер. 1-й Новокузнецкий, 5/7, тел. 951-93-60
"Летний сад", ул. Б. Никитская, 46, тел. 255-01-98, 290-06-88
"Летний сад" (при РГБ), ул. Воздвиженка, 3, тел. 222-83-58
"Русский путь", ул. Н. Радищевская, 2 (м. Таганская), тел. 915-10-47
Редакция "Наше наследие", пер. 1-й Неопалимовский, 4, тел. 244-00-12
Музей М.Цветаевой, пер. Борисоглебский, 6, тел. 202-35-43

Санкт-Петербург

"Дом книги", Невский пр., 28 (м. Невский пр.), тел. 318-64-02
"Книги" (Университет), Университетская наб., 7/9, тел. 218-96-91
"Летний сад", Бол. пр. Петроградской стороны, 82, тел. 232-21-04
Изд-во "Алетейя", пр. Обуховской обороны, 13, тел. 567-22-39
Представительство издательства "Янтарный сказ", тел. 388-58-81
Изд-во "Ретро", пр. Обуховской обороны, 103-а, тел. 325-19-38

Киев

"Наукова думка", ул. Грушевского, 4, тел. 228-06-96
Издат. дом "Стилос", ул. Еленовская, 8/2, тел. 467-53-50, 467-53-20

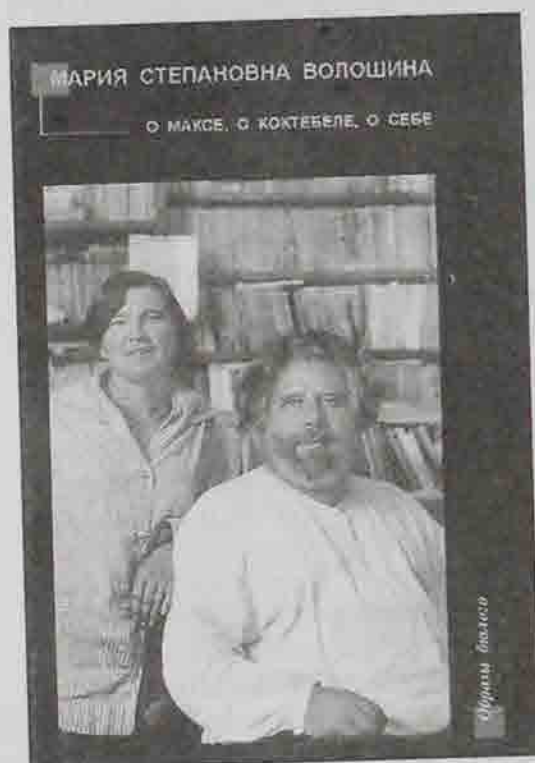
Париж

"La Maison Du Livre Russe", 42 rue de Saintonge, tel. 0142.714491
"Les Éditions Reunis" 11 rue de la Montagne-Ste-Genevieve, tel. 4354.7446

С литературой нашего издательства можно ознакомиться в крупнейших библиотеках России (Российская государственная библиотека, Библиотека иностр. литературы, Российская национальная библиотека и др.), в городских и музейных библиотеках Крыма.

Книжная серия

"Образы былого" основана в 2003 г.

Волошина М.С. О Максе, о Коктебеле, о себе: Воспоминания. Письма /Сост., подгот. текстов и примеч. В.Купченко; Ред.-издатель Д.Лосев. — Феодосия; М.: Издательский дом "Коктебель", 2003. — 368 с., 32 с. ил. — (Образы былого. Вып. 1). — 2000 экз.

Эта книга — памятник замечательному человеку. Вся жизнь ее стала подвигом. Подвигом во имя спасения уникального памятника русской культуры и сохранения творческого наследия блистательного поэта и художника.

Мария Степановна Волошина (1887-1976) — одна из тех русских женщин, что, если надо, "в горящую избу вой-

дет", одна из ряда жен, который берет начало с жен декабристов. Став женой полупризнанного советской властью поэта, она разделила с ним трудные 1922-1932 годы. Создавая любимому мужу идеальные условия для работы, она явилась опорой его многолюдного Дома Поэта в Коктебеле. После смерти М.А.Волошина, в годы полного запрета его имени, она сумела сохранить наследие поэта и сам Дом, донеся их до наших дней. Мария Степановна сама была незаурядной, даровитой личностью, о чем говорит ее дружба с К.Ф.Богаевским, В.П.Некрасовым, Н.А.Обуховой, А.П.Остроумовой-Лебедевой, В.А.Рождественским, А.И.Цветаевой...

Составил книгу волошиновед Владимир Купченко. Живя в 1962, 1964-1983 годах в Коктебеле, он постоянно общался с М.С.Волошиной, исполняя, в частности, обязанности ее секретаря.

Книга представляет собой первую попытку собрать воедино устные и письменные свидетельства М.С.Волошиной о муже, о Коктебеле, о ее собственной жизни. В том вошли ее воспоминания о детстве "Вступление в жизнь", мемуарные очерки "Макс в вещах", "История дарения дома", "Коктебельские истории", "Воспоминания о И.П.Павлове", "О К.Ф.Богаевском", дневник времен немецкой оккупации, почти две сотни писем разных лет. Помещены записи рассказов М.С.Волошиной, сделанные в разные годы М.А.Волошиным, А.Л.Гришуниным, В.П.Купченко, Р.П.Хрулевой. Практически все тексты публикуются впервые.

Из вступительной статьи В.Купченко "И Марфа, и Мария!": "В своих мемуарах и беседах Мария Степановна запечатлела, прежде всего, бытового Волошина: как домохозяина, семьянина, гостеприимца. Он встает перед нами, как живой человек — с его

привычками, вкусами, пристрастиями. Здесь она проявляет чудеса наблюдательности и памяти. Вместе с тем, обожая и почти боготворя мужа, Мария Степановна, радуется, идеализирует его. И все-таки порой она достигает глубокого проникновения в душу поэта. Трогает непреклонность ее веры в его будущее признание, оказавшееся пророческим: предсказание, сделанное в 1959 году, что через 40-50 лет "философские стихи" Володина "будут оценены по достоинству", начало сбываться даже раньше намеченного ею срока.

Том дополнен избранными воспоминаниями о Марии Степановне. В этот раздел включены мемуарные очерки Л.Арене "Воспоминания о Коктебеле", Н.Тихонова "Мост во Флоренции", Н.Бурлей "О Марии Степановне Волошиной в 1944 году", Н.Рождественской "У нас дома", а так же — докладные записки 1950 г. о Доме-музее Володина и текст песни Я.Акима "Вальс при свечах" (1956).

Большой интерес представляет публикуемая впервые биоэпохроника М.С.Волошиной. Аннотированный указатель имен позволит лучше ориентироваться в книге. Тексты замечательно иллюстрированы репродукциями уникальных фотографий и произведений графики, большая часть которых воспроизводится впервые.

Том открывает новую книжную серию Издательского дома "Коктебель". Дизайн серии исполнил Анатолий Шаронов. На лицевой крышке переплета — фотопортрет Волошиных работы М.А. Пазухиной, 1925 г. Книга издана к 100-летию Дома Поэта.

Выходит в свет третий том серии

Владимир Петрович Купченко (1938-2004), исследователь жизни и творческого наследия М.А.Володина, для этого издания впервые собрал, подготовил к публикации и прокомментировал все сохранившиеся юношеские стихи поэта (1891-1902 гг.), оставшиеся неизданными. В книгу вошел также гимназический дневник 1891-1897 гг. М.А.Кириенко-Володина, большая часть страниц которого читателю неизвестна.

Из дневника поэта:

"17 марта 1893 г. Сегодня великий день. Сегодня решилось, что мы едем в Крым, в Феодосию и будем там жить. Едем навсегда!"; "1 сентября 1893 г. Является у меня вопрос теперь, что могу ли я быть писателем? Что из того, что я пишу стихи; есть ли у меня хоть маленький талант к этому? У меня стихи выходят лучше, чем у всех товарищей московских, но что же из этого... Страшно! Если я не буду писателем, то чем же я буду?"

Содержание

<i>Глеб Васильев, Галина Никитина.</i> Крым Цветаевой-младшей.....	5
ИСТОРИЯ ОДНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ	11
I. КРЫМ, ОСЕНЬ 1971-ГО	11
II. СХОЖДЕНИЕ НА ЗЕМЛЮ	64
ЭПИЛОГ	94
ОТГОЛОСКИ ПУТЕШЕСТВИЯ	101
<i>Валерий Исаянц.</i> Первая встреча с А.И.Цветаевой 23 сентября 1971 г.....	101
<i>Валерий Исаянц.</i> В поисках дома, где жила Анастасия Ивановна (Феодосия, 1921 г.)	104
<i>Евгения Кунина.</i> Памяти Г.Н.Петникова <i>Анастасия Цветаева.</i> Предисловие к сборнику стихов Валерия Исаянца	107
<i>Валерий Исаянц.</i> К 90-летию Анастасии Цветаевой (Очерки импрессиониста)	109
<i>Валерий Исаянц.</i> Музыкальный ключ	123
Фотоальбом	129
Из писем В.Исаянца к А.Цветаевой	146
<i>Валерий Исаянц.</i> Действо о Жанне д'Арк (фрагмент)	153
<i>Анастасия Цветаева.</i> Отзыв на пьесу Валерия Исаянца "Действо о Жанне д'Арк"	156
<i>Валерий Исаянц.</i> Избранные стихотворения	156
Комментарии	160
Именной указатель	179
Книги серии "Образы былого"	188

Цветаева А.И.

Ц 27 История одного путешествия. Крым, Москва... Год 1971-й /Сост., примеч. Г.Васильева, Д.Лосева, Г.Никитиной. — Феодосия: Издательский дом Коктебель; М.: Дом-музей М.Цветаевой, 2004. — 192 с. — (Образы былого. Вып. 2).

ISBN 5-94293-007-4

ББК 83 ЗР7

Первая публикация повести. В ее основе — история знакомства и пылкой романтической дружбы А.И.Цветаевой и молодого поэта Валерия Исаянца. Том снабжен иллюстрациями и фотографиями. Книга выходит в год 110-летия со дня рождения А.И.Цветаевой.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ "КОКТЕБЕЛЬ"

Лосеву Дмитрию Алексеевичу
Редакция "Крымского альбома"
Главпочта, а/я 55, г. Феодосия, Республика Крым,
Украина, 98100.
тел.: (+3806562) 7-63-64, 3-21-08, (+38050) 967-80-90

Институт стран СНГ
ул. Большая Полянка, 7/10, стр. 3, г. Москва, 109180.
(тел.: 951-16-75, 959-34-51, 959-34-52, (+7916) 105-50-60

e-mail: losev@post.kafa.crimea.ua
losev@feosky.net

Культурный центр "Дом-музей Марины Цветаевой"
пер. Борисоглебский, 6, г. Москва, 121069.
(тел.: 202-35-45; факс.: 203-32-80)
e-mail: M373@mail.museum.ru

Серия "Образы былого"
Выпуск второй

Анастасия Ивановна Цветаева
ИСТОРИЯ ОДНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ
1971-1972. Крым-Москва

Редактор Д.А.Лосев
Набор и верстка: Д.А.Лосев, Л.П.Магас
Сдано в набор 15.09.2003. Подписано к печати 22.08.2004
Формат 80×90 1/2. Бумага офсетная, финская. Печать офсетная
Тираж 1500 экз. Заказ №
Регистрационное свидетельство: КМ №210
Выдано Крымским комитетом по печати и информации 4.08.95.
Отпечатано: АО "Киевская книжная фабрика"
03151, г. Киев, ул. Ушинского, 40.
Свидетельство: ДК №787 от 28.01.2002

11.11.2004 г. № 9

Анастасия Ивановна Цветаева (1894-1993) известна читателю, прежде всего, как автор блистательной мемуарной прозы. Ее "Воспоминания" выдержали уже пять изданий. Дочь основателя Музея изящных искусств в Москве, младшая сестра Марины Цветаевой, она прожила долгую жизнь, полную трагедий и радостей.

"История одного путешествия" — последнее большое произведение автора, которое оставалось неопубликованным. Это вновь мемуарная проза: история знакомства и пылкой романтической дружбы А.И.Цветаевой и молодого поэта Валерия Исайнца. Их первая встреча состоялась в 1971 г. в Коктебеле, в доме М.С.Волошиной. Феодосия и Старый Крым, Судак и Новый Свет, Херсонес, Севастополь, Бахчисарай — географическая канва их путешествия.

Возвращение в Москву ставит точку. Однако, вскоре Анастасия Ивановна вновь обращается к волнующей ее теме и рассказывает о дальнейшей судьбе их отношений, омраченных постепенно подступающим тяжким душевным расстройством замечательного поэта...

Книга выходит в год 110-летия со дня рождения писательницы.

